

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-исторический журнал № 6 (9), июнь, 2017

ISSN 2542-0135

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Представляем вашему вниманию первый летний номер литературно-исторического журнала «Александръ». Основной объем публикаций посвящен гению русской литературы и мировой культуры Александру Сергеевичу Пушкину. И это вполне закономерно, учитывая название журнала, связанное с именем поэта, основную направленность издания, а также то, что 6 июня празднуется день рождения нашей национальной гордости. Именно в июне, поистине пушкинском месяце, мы примем самое активное участие в мероприятиях, посвященных творчеству Александра Сергеевича, о чем в последующем расскажем читателям.

Не отходит «Александръ» и от других, уже ставших традиционными, разделов журнала. Это православие, казачество, «проба пера» начинающих авторов. Представляются нам интересными и другие темы, в частности публицистические размышления о жгучих вопросах истории современности.

Очень важной датой июня является День России, чему мы также отводим журнальную площадь.

Дорогие читатели! От всей души поздравляем вас с Днем России, замечательным праздником прекрасной страны, и с днем рождения Великого россиянина – Александра Сергеевича Пушкина!

**С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА**

ДЕНЬ РОССИИ

В Российской Федерации Днем независимости часто неофициально называют главный государственный праздник – День России, отмечаемый ежегодно 12 июня вот уже 25 лет – со времени принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Десятки стран мира в разные дни и месяцы с гордостью отмечают свою такую почитаемую дату – символ свободы и независимости.

В обновленной России этот праздник молодой, но один из самых торжественных. Свобода, гражданский мир, закон и справедливость – его незыблемые постулаты. День независимости объединяет всех жителей страны, учит быть ответственными за будущее Родины. С 12 июня 1991 года, как сказал наш Президент Владимир Владимирович Путин, мы начали отсчет новой эпохи для нашего государства, и новый праздник по праву заслуживает грандиозного красивого салюта и гимна в честь нашей Родины. Хорошо, что журнал «Александръ», как духовно-историческое интеллектуальное издание, воспитывает в гражданах патриотизм, любовь к родной Отчизне, своему городу, области, родному краю. Крепить в обществе уважение к славному историческому прошлому, беречь культурное наследие – это значит установить ту логическую связь, без которой невозможно продвижение в будущее.

Замечательный праздник – День России – итог мужества, напряженного труда, самоотверженности всех предыдущих поколений, о чем никогда забывать нельзя.

Поздравляю редакционный коллектив, авторов журнала «Александръ», уважаемых читателей издания с большой всенародной национальной датой! Крепкого вам здоровья, дорогие друзья, большого счастья, новых трудовых и творческих успехов на благо нашей Родины, на благо Руси Православной!

Валерий Григорьевич КОРЗУН,
летчик-космонавт, Герой России

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В.С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск)

Е.В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)

В.В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва)

Л.Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)

В.Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов)

В.А. КАЗМИН (Луганск)

С.И. КОТЬКАЛО (Москва)

Л.В. КОЛПАКОВ (Москва)

Р.С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)

А.И. НОВИКОВ (Екатеринбург)

Ю.М. ПОЛЯКОВ (Москва)

Г.Н. ПОПОВА (Мичуринск)

А.Н. СЁМИН (Екатеринбург)

В.Е. СОЛОВЬЕВ (Тамбов)

В.И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)

Я.Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (9), июнь, 2017 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Шеф-редактор В.С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Использованы иллюстрации Н.Н. Воронкова.

Дата выхода – 1.06.2017

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в ООО «Просто Печать», 398042, г. Липецк, ул. Пестеля, 38.

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГЕНИЙ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

- 4** Валентина Дорожкина.
«Пушкин есть у России!»

ПОЭЗИЯ

- 11** Тамбовский поэтический венок
А.С. Пушкину

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

- 18** Василий Попков. Герасимовская
пушкиниана

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

- 33** Виктор Кострикин. Великое
и вездесущее имя Пушкин

ЖИВЫЕ ИМЕНА

- 37** Василий Кубанёв

ПРАВОСЛАВИЕ

- 43** Наталия Ватагина. Архиепископ
Лука и В.Ф. Войно-Ясенецкий –
два имени, одна судьба...

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

- 50** Событие межгосударственного
масштаба в Московском доме
национальностей

ДЛЯ ДУШИ

- 54** Роман Леонов. Постный помин

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

- 56** Анатолий Труба.
Клятва десантников

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 58** Валерий Аршанский. Алая заря

ДЕТИ ВОЙНЫ

- 73** Евгений Иштутин.
Я в ту войну не воевал...

ЗАПОВЕДНОЕ

- 76** Казаки в литературе

ВЫБОР

- 80** Михаил Белых. «Мичуринка»:
путь в профессию

И СМЕХ И ГРЕХ...

- 84** Александр Сёмин.
Второй хлеб для бизнесмена

ВЕЛИКИЕ!

- 88** На пляже с чемпионом мира

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

Валентина ДОРОЖКИНА

«Пушкин есть у России!»

ГОВОРИТЬ О ПУШКИНЕ И ТРУДНО, И ЛЕГКО. ЛЕГКО ПОТОМУ, ЧТО ОН – СВОЙ, РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ С ДЕТСТВА; ТРУДНО ПОТОМУ, ЧТО ОН ВЕЛИК И НЕДОСЯГАЕМ. СКОЛЬКО БЫ НИ ИЗУЧАЛИ ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА, СКОЛЬКО БЫ НИ ПИСАЛИ О НЁМ, ОН НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПОЗНАН ДО КОНЦА. ЭТО – СЕКРЕТ ТВОРЦА. ОН – НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК.

Наверное, нет такого человека, который, читая произведения Пушкина, не задумывался бы о судьбе поэта. Слишком уж эта судьба необычна, не укладывается она в рамки многих судеб, тоже трагических. Максим Горький назвал А.С. Пушкина «началом всех начал». О нём написаны горы книг – художественных, документальных, исторических. Но ни одна не раскрывает до конца тайны его жизни и смерти. Пушкин навсегда останется тайной – видимо, так predetermined свыше.

Родоначальник новой русской литературы, создатель современного русского языка, писатель всех времён и народов Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 6 июня 1799 года. Отец поэта, Сергей Львович, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать, Надежда Осиповна, – внучка А.П. Ганнибала, «арапа Петра Великого». С раннего возраста у Александра Пушкина, по воспоминаниям его брата Льва, «проявилась страсть к поэзии». Первые стихи были написаны в Царскосельском лицее, в котором Пушкин учился в 1811–1817 годах. За это время им написано 120 стихотворений – баллады, оды, элегии, начаты поэмы «Монах» и «Бова». Это свидетельствует о том, что уже к 18 годам юноша Александр Пушкин сформировался как поэт, ставший впоследствии и оставшийся на века вершиной поэтического творчества, «солнцем русской поэзии».

Влияние А.С. Пушкина на литературу всех времён и народов огромно. Он вдохновлял и продолжает вдохновлять поэтов, музыкантов, художников, посвятивших ему лучшие свои творения.

Когда читаешь произведения Пушкина (не бегло, а глубоко вдумываясь в их содержание) и золотые строки о нём (их, может быть, не так уж и много в нашей литературе), невольно думаешь: поэт знал свою судьбу, и не потому, что был суеверен и всегда помнил, что ему нагадала цыганка. Он знал это глубже и сознательно шёл по тому пути, который сам себе внутренне определил. Как гений, он видел далеко. Отсюда – «Памятник». Общая идея стихотворения знакома из Горация и Державина. Но у Пушкина она приобретает бо́льшую глубину и закономерность.

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –*

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Да, пока живы будут «пииты», Пушкин – бессмертен и славен. Осознавая значимость своего творческого труда, всей своей жизни, Пушкин был убеждён, что это – история и она не канет в Лету.

Мы не всегда обращаем внимание на даты. Читая «Памятник», многие не знают, когда создано стихотворение, просто не придают этому значения. «Памятник» написан 21 августа 1836 года – за пять месяцев до гибели поэта.

Нерукотворный памятник, воздвигнутый Пушкиным п о э т у, дорожке и значительнее чугунных, бронзовых, даже золотых. Сказав о высочайшем предназначении творца, Александр Сергеевич пробудил и в других чувство достоинства и осознания роли поэта-гражданина в истории. Не от пушкинского ли «Памятника» пророческие строки Марины Цветаевой «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд...» или ахматовское обращение к «мраморному двойнику»: «Холодный, белый, подожди – я тоже мраморною стану...»?

В 1921 году поэт Серебряного века Александр Александрович Блок (1880–1921) произнёс вдохновенную речь о поэте золотого века Александре Сергеевиче Пушкине: «Мы знаем Пушкина-человека... Пушкина – друга декабристов. Всё это бледнеет перед одним: Пушкин-поэт... Пушкин-поэт вытеснялся Пушкиным-лицеистом, Пушкиным – светским щёголем, кутилой, забавником... Возникла очевидная необходимость вернуться к настоящему Пушкину, к его гению, к существу его дела, к его исторической миссии...»

У Пушкина каждый, читающий его, найдёт для себя близкое и родное. Но это близкое и родное надо искать, а значит, читать необходимо внимательно, как о себе. Кому-то покажутся «своими» вот эти строки:

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

Кому-то эти:

*Весна, весна, пора любви,
Как тяжко мне твоё явление,
Какое томное волнение
В моей душе, в моей крови...*

А кому-то и такое:

*Цветок засохший, безуханный,
Забывший в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...*

Пушкин дорог и близок нам простотой, доступностью, отзывчивостью на все явления жизни. Он в XIX веке написал стихи, а они и сейчас, в XXI, звучат весьма кстати:

*Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя...*

Очень точно подметил особенность общения с поэтом Александр Твардовский: «Читатель, общаясь с Пушкиным, испытывает ощущение простой человечности своего собеседника и никогда не чувствует подавленности близостью гения. Таков светлый, человечнейший гений Пушкина, в этих чертах являющийся образом гармонической, ясной личности...»

Ясность и простота и есть одно из проявлений неисчерпаемости духовных сил поэта.

Исследованием жизни и творчества Пушкина занимались историки, критики, литературоведы. Из поэтов особенно глубоко и пристально – Анна Андреевна Ахматова и Марина Ивановна Цветаева. Ахматова, по её словам, «занималась Пушкиным всю жизнь». В 1930-е годы печатались её статьи о сказках Пушкина, о «Каменном госте». К сожалению, более фундаментальные работы – «Пушкин и Мицкевич», «Пушкин и Достоевский» – были уничтожены в трагические моменты жизни Ахматовой. Но до последних лет она не переставала изучать Пушкина и писать о нём. За год до кончины Анна Андреевна опубликовала работу «Пушкин и дети» (1965), рассказав в ней о мало кому известном эпизоде. В 1937 году, к 100-летию со дня гибели

Пушкина, было решено «снять» неудачный, на чей-то взгляд, памятник поэту в темноватом сквере в Ленинграде. Прислали всю нужную технику. «Но затем, – пишет Ахматова, – произошло нечто беспрецедентное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить куда следует и спросить: “Как быть?” Ответили: “Оставьте им памятник”. Грузовик уехал пустой...»

А.С. Пушкин стёр все возрастные понятия, он победил и время, и пространство. В «Слове о Пушкине», редчайшем по силе выражения своего отношения к поэту-эпохе, Ахматова, с присущей ей убийственной иронией, доходящей до сарказма, говорит: «В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин – или: здесь не бывал Пушкин...» И что самое страшное, продолжает Ахматова, они могли бы услышать от поэта:

*За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклинять.*

«Они» у Ахматовой – это прямые и косвенные виновники гибели поэта. И как бы ни была велика их власть, она – ничто в сравнении с властью гения:

*Но в мире нет власти грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта...*

(А. Ахматова)

Не менее пристально и глубоко изучала жизнь и творчество А.С. Пушкина Марина Цветаева. Цикл стихотворений о нём, очерки, статьи, исследования – «Мой Пушкин», «Поэт и царь», «Пушкин и Пугачёв» и многие другие – свидетельство огромной работы поэта о поэте...

Когда мы впервые встречаемся с Пушкиным? Конечно же, в детстве. Мы знаем его сказки, порой даже не подозревая, что их написал именно он. И если бы каждый из нас описал свою первую встречу с поэтом-гением, получилась бы разнообразная, но, увере-

на, красочная картина. Вот как восприняла свою первую встречу с Пушкиным трёхлетняя Марина Цветаева, описавшая её, естественно, уже в зрелом возрасте, – встречу с Пушкиным на картине «Дуэль», а потом встречу с памятником поэту, а потом, когда стала постарше, – и с его произведениями. Цветаева-ребёнок сердцем ощутила потерю Поэта. И мы ведь ощущаем эту потерю, не так ли?..

Если даже не знать биографии поэта, воспоминаний о нём доброжелателей и недоброжелателей, а прочитав всё, что он написал...

двух предыдущих (1969, 1978) были допущены некоторые неточности.

Прадед поэта по материнской линии Алексей Фёдорович Пушкин (1717–1777) был «тамбовским воеводою», как писал Александр Сергеевич в своей биографии. Однако авторы «Тамбовской тропинки к Пушкину» не могли найти документального подтверждения тамбовского воеводства именно этого предка поэта и посчитали, что он ошибся, перепутав Алексея Фёдоровича с Петром Михайловичем Пушкиным (?–1684), который в 1653–1656 годах был воеводой в городе Козлове (ныне

ЕСЛИ ДАЖЕ НЕ ЗНАТЬ БИОГРАФИИ ПОЭТА, ВОСПОМИНАНИЙ О НЁМ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ И НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ, А ПРОЧИТАТЬ ВСЁ, ЧТО ОН НАПИСАЛ... КАКОЙ СОЗДАЁТСЯ ОБРАЗ? ПУШКИН – ОБРАЗОВАННЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК, ПУШКИН – ВЕЛИКИЙ ПОЭТ И ГРАЖДАНИН, ПУШКИН – ГЕНИЙ. ПОЭТОМУ ЧИТАТЬ НАДО НЕ ТОЛЬКО И НЕ СТОЛЬКО О ПОЭТЕ, СКОЛЬКО САМОГО ПОЭТА...

Какой создаётся образ? Пушкин – образованнейший человек, Пушкин – великий поэт и гражданин, Пушкин – гений. Поэтому читать надо не только и не столько о поэте, сколько самого поэта...

Александр Сергеевичу Пушкину не довелось, к сожалению, побывать в Тамбовском крае, но тем не менее пушкинская тема по праву считается краеведческой: здесь жили предки и потомки поэта, здесь родилась его жена, здесь часто бывали его дети, внуки; с Тамбовщиной связаны имена литературных спутников Пушкина, адресатов его лирики. Тамбов и тамбовцы несколько раз упоминаются в произведениях А.С. Пушкина: в романе «Евгений Онегин» («Мосье Трике, остряк, недавно из Тамбова...»); в основу сюжета повести «Дубровский» положены подлинные события, происходившие в Козловском уезде; история помещиков тамбовских имений Большое и Малое Гагарино использована Пушкиным в повести «Барышня-крестьянка». Об этом и о многом другом рассказано в книге краеведов Николая Михайловича Гордеева и Владимира Павловича Пешкова «Тамбовская тропинка к Пушкину», третье издание которой вышло в 1999 году – к 200-летию со дня рождения поэта. Оно дополнено и исправлено, так как в

Мичуринск). Так и осталась в первых двух изданиях книги глава «Об одной ошибке поэта». На самом деле Пушкин не ошибся. Уже после того, как Гордеева и Пешкова не стало, липецкий писатель и краевед Сергей Панюшкин нашёл документальное подтверждение тамбовского воеводства прадеда великого поэта. Вот что написал в предисловии к третьему изданию «Тамбовской тропинки к Пушкину» журналист Иван Овсянников: «Отставной капитан, участник «турских кампаний» Алексей Фёдорович Пушкин, владевший по наследству имением Коренёвщина (село Покровское, под Липецком), был в 1772 году воеводою небольшого городка Скольска, который являлся крепостцой Белгородской оборонительной черты. Территориально он (городок) подчинялся Тамбовскому наместничеству... В Липецком краеведческом музее хранится чугунная плита, под которой в своё время и был похоронен «тамбовский воевода».

Интересна такая деталь: ещё один предок поэта – Никита Воинович Пушкин (?–1673) – был в 1651 году козловским воеводою, а двумя годами позже им был уже упомянутый Пётр Михайлович Пушкин.

Жена Алексея Фёдоровича Пушкина, Сарра Юрьевна, урождённая Ржевская

(? – после 1782), жила вместе с мужем в селе Покровском, там же и похоронена. Их дочь – Мария Алексеевна Пушкина-Ганнибал (1745–1818) – «тамбовская бабушка» поэта. Умная и образованная женщина, она первая пробудила у Пушкина интерес к русской старине и родной природе. В доме Пушкиных говорили по-французски, а Мария Алексеевна стала для маленького Саши первой учительницей родного русского языка. Её речь была красочной и образной. Впоследствии, читая письма бабушки к Пушкину-лицеисту, его друг Антон Дельвиг приходил от них в восторг.

Жизнь Марии Алексеевны Пушкиной была далеко не лёгкой. Родилась она в тамбовском имении родителей, под Липецком. Из книги Н. Гордеева и В. Пешкова мы узнаём, что в 1773 году на липецкие заводы приезжал «по казённым делам» сын арапа Петра Великого флотский офицер Осип Абрамович Ганнибал (1744–1806). Бывая с визитами у Алексея Фёдоровича Пушкина, он познакомился с его 28-летней дочерью Марией. Вскоре состоялась свадьба, но брак оказался неудачным, и супруги расстались, но неофициально. Осип Абрамович, не расторгая брака с Марией Алексеевной, женился вторично, что по тем временам считалось большим преступлением. Мария Алексеевна, жившая с дочерью Надеждой (будущей матерью Пушкина) в селе Покровском, обратилась в суд. В 1779 году четверть владений Осипа Абрамовича, обвинённого в двоежёнстве, – село Кобрино Петербургской губернии – было «взято в опеку на содержание малолетней дочери Надежды».

После этого Мария Алексеевна жила то в Кобрино, то в Петербурге. Когда её дочь Надежда Осиповна Ганнибал (1775–1836) вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина (1770–1848), она продала Кобрино и поселилась с дочерью и зятем в Москве. Её стараниями и усердием, по воспоминаниям тех, кто бывал у них, держался весь дом. Умерла Мария Алексеевна в 1818 году, её прах покоится в Святогорском монастыре, где через 19 лет после кончины бабушки похоронили и её гениального внука.

У Марии Алексеевны было два брата, которые также родились в селе Покровском.

Старший – Юрий Алексеевич Пушкин (1743–1793) – стал после смерти отца владельцем тамбовского имения. Это один из первых русских георгиевских кавалеров. Он был женат на родной сестре тамбовского просветителя и издателя Ивана Герасимовича Рахманинова (1753–1807). Юрий Алексеевич имел троих детей. Старший сын – Александр Юрьевич (1777–1854) – был крёстным отцом Пушкина; второй – Михаил Юрьевич (1787 или 1789–1827) – служил поручиком Тамбовского полка, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Человек передовых взглядов, он в 1818 году освободил принадлежавших ему крестьян от крепостной зависимости.

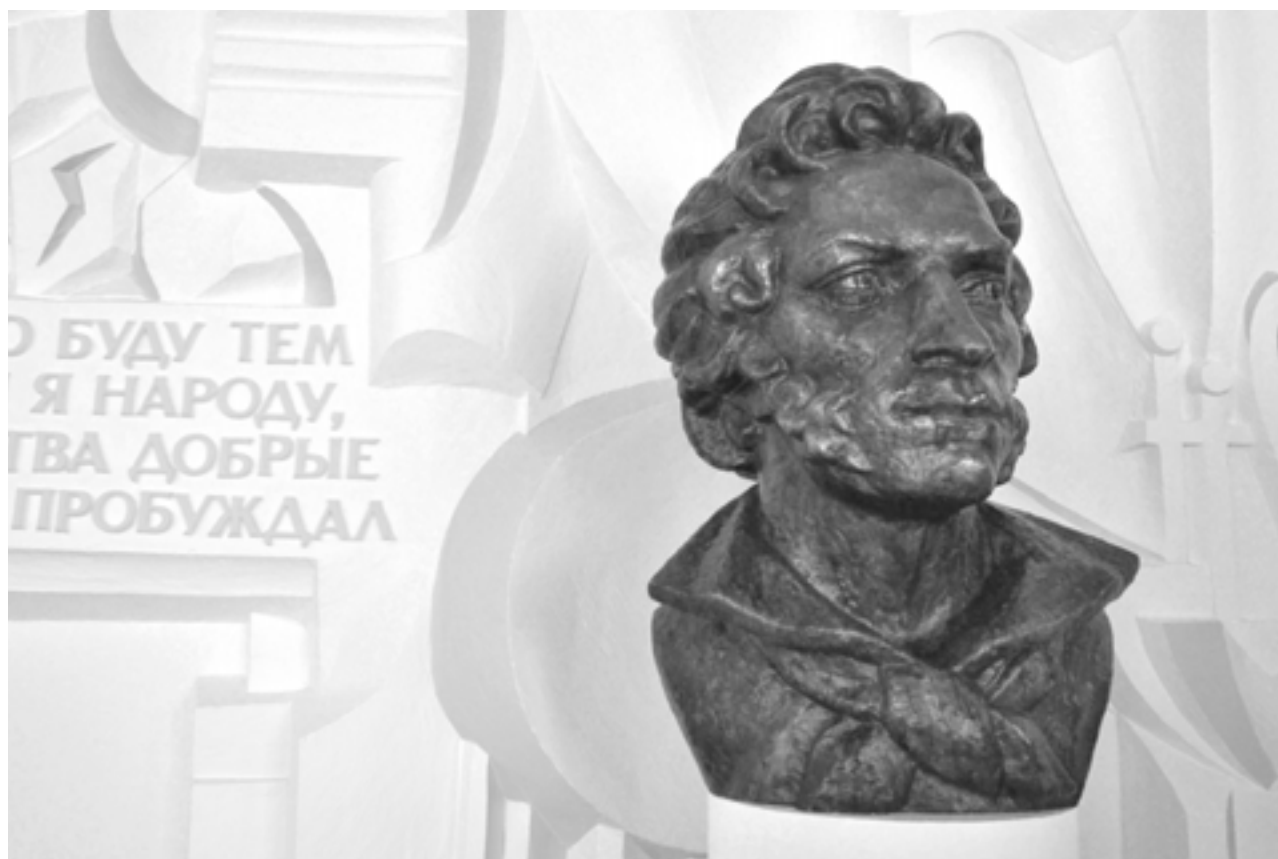
Говоря о тамбовских связях А.С. Пушкина, нельзя забывать и о его литературных и политических единомышленниках. Александр Сергеевич долгие годы дружил и вёл переписку с нашим земляком – поэтом Евгением Абрамовичем Баратынским (1800–1844), высоко ценил его поэтическое дарование. Конечно, не случайно в 1828 году в Петербурге вышла в свет книга, в которой под одной обложкой были напечатаны поэмы «Граф Нулин» А.С. Пушкина и «Бал» Е.А. Баратынского. Вот как отзывался Пушкин о «Бале»: «Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию...»

А.С. Пушкин живо интересовался творчеством собрата по перу и в одном из посвящений упрекал Баратынского: «Я жду обещанной тетради, / Что ж медлишь, милый трубадур!» В другом посвящении Пушкин даёт блестящую оценку творчеству Баратынского: «Стих каждый в повести твоей / Звучит и блещет, как червонец...»

Поэт, как известно, не состоял в тайных обществах, но он глубоко сочувствовал декабристам, со многими дружил. Среди них – наши земляки: М.С. Лунин, братья Вадковские, А.И. Сабуров, С.И. Кривцов.

С Тамбовским краем связаны и некоторые адресаты лирики Пушкина. Это прежде всего Екатерина Павловна Бакунина и Анна Петровна Керн.

«Катенька Бакунина» – первая юноше-

ская любовь Пушкина. Она сестра лицейского друга Пушкина Александра Бакунина. Видимо, во время одного из её приездов к брату в 1815 году поэт и познакомился с очаровательной девушкой, нежные чувства к которой он сохранил на всю жизнь. Ей он посвятил более 20 стихотворений, в том числе «Слеза», «Окно», «Осеннее утро», «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»). В «Разлуке» особенно сильно звучат строки, в которых и любовь, и страдание, и предчувствие неминуемого расставания:

*О, милая, повсюду ты со мною,
Но я уныл, и втайне я грущу.
Блеснёт ли день за синию горою,
Взойдёт ли ночь с осеннею луною –
Я всё тебя, прелестный друг, ищу...*

В 1834 году Екатерина Павловна вышла замуж за одного из петербургских друзей Пушкина, сына рассказовского помещика А.А. Полторацкого, и многие годы жила в селе Рассказово (ныне – город). Двоюродной сестрой Полторацкого была Анна Петровна Керн, приезжавшая к нему в гости со своим отцом в 1812 году.

С Анной Петровной Керн Пушкин познакомился в Петербурге в 1819 году. Но первая встреча, видимо, не произвела на него такого потрясающего, «глубокого и мучительного», по его признанию, впечатления, как вторая, которая произошла в 1825 году в Тригорском. Именно после этой встречи было написано стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» («К***»), положенное на музыку композитором Михаилом Ивановичем Глинкой и ставшее едва ли не самым популярным классическим романсом.

А.П. Керн оставила «Воспоминания о Пушкине», изданные отдельной книгой в 1988 году в Москве.

В 1820 году произошло знакомство поэта Александра Сергеевича Пушкина и композитора Алексея Николаевича Верстовского. Верстовский родился на тамбовской земле – в селе Мезинец Козловского уезда (ныне – Староюрьевский район). В 1830-е годы встречи поэта и композитора были довольно частыми. Ещё при жизни Пушкина Верстовский написал несколько песен и романсов на его стихи. Особенно популярными и любимыми у слушателей были романсы «Чёрная шаль» и

«Цыганская песня». И поэт, и композитор любили русские народные песни. Верстовский вспоминал, что Пушкин приходил в восторг, когда слышал песню «Как на матушке на Неве-реке...». Незадолго до смерти композитор создал симфоническую кантату на стихотворение А.С. Пушкина «Пир Петра Первого», включив в неё полюбившуюся поэту русскую народную песню...

Мы не можем не гордиться такими обширными связями А.С. Пушкина с Тамбовским краем, где, помимо всего, родилась и жена поэта Наталья Николаевна Гончарова (1812–1863) – в селе Кариан-Загряжское (ныне – рабочий посёлок Знаменка). Здесь есть музей, в котором экспонируются документы, произведения, рассказывающие о поэте и его жене. Это о ней Пушкин в стихотворении «Мадонна» написал: «Чистейшей прелести чистейший образец».

Старший сын А.С. Пушкина – генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны Александр Александрович Пушкин (1833–1914) в 1878–1880 годах жил со своими детьми от первого брака в г. Козлове (ныне – Мичуринск): он командовал полком, который дислоцировался в этом городе. Сюда к нему приезжала его сестра – старшая дочь Пушкина Мария Александровна Гартунг (1832–1919), помогавшая брату воспитывать детей. Потомки великого поэта побывали за это время во многих местах Тамбовской губернии, где жили их родственники: в селе Арапово (ныне – село Красносвободное Тамбовского района), в деревне Николаевке под Тамбовом; посетили они и имение Мара – родину Е.А. Баратынского. Дочери Александра Александровича Пушкина – Надежда Александровна (1871–1915) и Вера Александровна (1872–1909) – каждое лето отдыхали в Арапово. В один из приездов, летом 1915 года, Надежда Александровна скоропостижно скончалась и была здесь похоронена. К сожалению, могила внучки великого поэта не сохранилась.

В Тамбове имя Александра Сергеевича Пушкина носит областная универсальная научная библиотека, где хранятся прижизненные издания произведений поэта...

Сколько бы лет ни прошло, мы всегда будем чувствовать боль от потери гения. И в то же время Пушкин никогда не воспринимается не живым. Уж он-то действительно живее всех живых.

В мире – миллионы сердец, в которых Пушкин живёт всегда. Вспомним, что написал о нём поэт Серебряного века Александр Блок:

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.*

А вот строки советского поэта Николая Тихонова:

*Наш век пройдёт. Откроются архивы,
И всё, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
И чьи-то вдруг тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда.
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда!*

Пушкин помогал и помогает нам жить. Из воспоминаний участников Великой Отечественной войны мы знаем, что некоторые солдаты и офицеры носили с собой томик стихов Пушкина: в минуту затишья стихи читали вслух. Поэт помогал, возвышал, напоминал о России. И нельзя равнодушно читать строки Глеба Горбовского:

*Если выстоять нужно,
Как в окопе, в судьбе,
«У России есть Пушкин!» –
Говорю я себе.
Чуть подталяли силы,
Не ропщу, не корю:
«Пушкин есть у России!» –
Как молитву творю.*

Представить Россию без Пушкина невозможно. Без его поэзии, без его творчества и мировая литература была бы беднее. Беднее была бы сама жизнь.

Тамбовский поэтический венок А.С. Пушкину

Семён МИЛОСЕРДОВ

СВЕРКАЕТ ЯМБА СЕРЕБРО

Сосновый бор да холм рябой.
Трещат над Соротью сороки
Докучливо, наперебой...
Одно спасенье – эти строки.

«Перо!.. Ах, няня, где оно?
Скорей чернила и бумаги!..»
И за полночь горит окно,
Поэзией озарено,
Струится свет её во мраке...

Сквозь глухомань, сквозь боль и бред
Катились годы вал за валом.
И сколько б лет ни миновало,
Не потускнел тот яркий свет.

Егохватило на века,
На всех людей, на всю Россию.
И до сих пор с пером гусиным
Летит стремительно рука...

Сверкает ямба серебро.
О Пушкин, твой хорей искрится.
Твоё волшебное перо,
Наверно, – из крыла Жар-птицы.

И ДУШНО, И ГАСНЕТ ЛАМПАДА...

И душно, и гаснет лампада.
Окно распахнёт он – и в дом
Ворвётся ночная прохлада,
Дыша из весеннего сада
Сиренью, травой и дождём.

На миг присмирив под капли,
Он выбежит в гущу берёз,
Промокший насквозь, исцарапан,
Гул века услышит... и рад он
Наплыву видений и грёз...

Ах, разве уснуть на кушетке!
Мир сложен, ещё не воспет...
И Ленский с надломленной веткой,
Ревнивец, взбешённый кокеткой,
Онегину смотрит вослед.

Венец Мономаха и бармы
В смирение и страхе, коварный,
Не принял ещё Годунов...
А где-то там девки и парни
Уныло поют средь лесов.

Но разве подвластен природы
Дух вольности и свободы
Чиновникам или царю?!
Не спится. Он в сени выходит.
Он встретит сегодня зарю...

В кувшине цветы отсырели.
Дожди по ночам. Благодать!
Завтра охапку сирени
И новое стихотворенье
В Тригорское надо послать.

НА ТОТ КУРГАН ПОСПЕШНО...

На тот курган поспешно
Взойти. И на сто вёрст
Весь мир, святой и грешный,
Откроется до звёзд.

Монастыри, церквушки,
Погосты, лопухи,
Да где-то в деревушке
Горланят петухи,

Да мельница в Бугрово...
И словно облака,
С которыми он вровень,
Касаются виска.

Природа бесконечна...
Где Ганнибалов род?
А в сих долинах – вечность,
Как вечны Русь, народ.

И ты, пиит, обязан,
Любя живую речь,
Всё, с чем навеки связан,
От тленья убережь.

С рожденья не ручьи ли,
Не та ль густая ель
Тебя стихам учили,
В урочный час вручили
Заветную свирель?..

О лес! О берег дальний!
В сей тихий летний час
Земля – исповедальня,
Курган – его Парнас.

МНЕ СНИЛСЯ ПУШКИН

Мне снился Пушкин. Ветер на рассвете
Плащ распахнул и шляпу заломил...
О пламенная юность! Всё на свете
Я с Пушкиным тогда соотносил.

То нежный, то задумчивый, то резкий,
Мне снился Пушкин, скрип его пера,
Кудрявые, как Пушкин, перелески,
Весёлые, как Пушкин, вечера.

То – на коне: взбивают пыль копыта...
То – смотрит Пушкин в зимнее окно,
Опальный, но друзьями не забытый.
Чу! Скрип саней...
«Ах, милый друг Жано!»

Уж осени моей сгустились тучи.
Дожди. Туман... Но снится до сих пор
И озаряет жизнь мою созвучье:
«Роняет лес багряный свой убор...»

Евстахий НАЧАС

* * *

Старинный дом, манящий светом,
Как в те далёкие года,
И пахнет листьями и снегом
Над ним холодная звезда...

Он нашей памятью согретый
Да теплотой родной земли...
Здесь родилась жена поэта,
Его отрада – Натали...

Любовь, как гений, вдохновенна,
Мгновенья грянут – кровь из жил...
Он так творил самозабвенно
И так неистово любил!

И, упоенный тишиною,
В плену заснеженных дорог
Село тамбовское над Цною
Не вспоминать никак не мог.

И я почти уверен в этом,
Как в этой истине простой:
Любовь русского поэта
Была нелёгкой, но святой.

И в час предсмертный и безмолвный,
Когда чуть теплились уста,
Он ей сказал: «Ты не виновна...
Ты не виновна... и чиста...»

Слова те были и прощаньем,
Прощеньем – за дела свои.
Слова те были завещаньем
Во имя праведной любви...

Россия... Знаменка... Глубинка...
Шумит асфальт... Огни вдали...
Лишь шепчут кроны по старинке –
Те, что шептали Натали.

НАПОМИНАНИЕ О ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

Был ясный день, дул ветер сильный,
Рвал ноздри быстрых рысаков.
На Чёрной речке белый иней
Сверкал, как искры от подков.

Во что тогда он свято верил,
Когда молчал январский лес?
Он первым подошёл к барьеру,
Но первым выстрелил Дантес.

Он шаг последний тот не сдюжил,
Нажав трусливо на курок...
А кровь лилась, и ветер выюжил,
Плыл в бледной радуге лесок.

И полулёжа, на коленях
Всё ж Пушкин сделал выстрел свой...
Он смело жил, российский гений,
И честно вёл последний бой...

Немало в жизни разных стрессов,
Но надо помнить – не пустяк:
Во все века, у всех дантесов
Всегда в запасе подлый шаг.

* * *

Как мне верного друга найти,
В суете, в человеческой гуще?
Вспоминаются Пушкин и Пущин –
Две великих судьбы, два пути.
...Далеко и друзья, и родня.
Гений русский – в опале царёвой.
Без печали и грусти – ни дня.
Кто рискнёт? Кто обмолвится словом?
Только воле державной назло
Колокольчик запел на опушке
И умолк у окна весело.
И глаза засияли у Пушкина.
Он вскочил, как в лицейские годы
(Как всё было печально давно –
Упоенье мечтами, свободой):
«Ах, душа моя Пущин! Жано!»...
Как мне друга такого найти,
Чтоб стремглав на крылечко резное
Босиком убежать и к груди
Заснеженной припасть головою?
Как мне верного друга найти?

Валентина ДОРОЖКИНА

В МИХАЙЛОВСКОМ

«Ты не была ещё там разве?..» –
Ну, как мне объяснить сейчас:
Приезд в Михайловское – праздник,
И каждый год – как в первый раз.

Меня пугают:
там – народу!..
Но ведь и я туда спешу.
Любуюсь пушкинской природой,
Осенним воздухом дышу.

Все – к Пушкину.
Толпа какая!
Десятки тысяч – к одному.
Но разве гений иссякает
От поклонения ему?..

Я каждый раз мечту лелею:
Приеду к Пушкину одна.
Пройду неслышно по аллеям,
Где сквозь деревья синь видна.

Он любовался синью этой,
Был этой красотой пленён...
Здесь каждый миг – душа поэта.
И я представила, что он

Бродил по этой вот опушке,
Пред ним росла вот эта ель...
Я не оплакиваю Пушкина,
Когда читаю про дуэль.

Нет, всё там было по-иному:
Кощунство – плакать по живому.
Теперь ведь знает белый свет:
Дантесы – смертны.
Пушкин – нет!

**ЕСЛИ БЫ ПУШКИН
ПРИЕХАЛ В ТАМБОВ...**

Я думаю часто: бессмертны их души!
Я думаю также: хватило бы слов,
Если бы Пушкин,
если бы Пушкин,
Если бы Пушкин приехал в Тамбов?

Его бы приёмы не задержали.
Он сразу с вокзала пошёл бы туда,
Где пристально смотрит куда-то Державин –
Быть может, он видит его сквозь года?

Державин сошёл бы к нему с пьедестала –
Чуть-чуть поразмяться и душу согреть.
Ну, вот и настало,
ну, вот и настало
Нам время с тобою Тамбов посмотреть...

И чем-то они друг на друга похожи.
А издали – просто почти двойники...
И Лермонтов тоже,
и Лермонтов тоже
Спускается с ними на берег реки...

Потом бы присели они на опушке –
Свободны от службы и всяких оков...
Ах, если бы Пушкин,
если бы Пушкин,
Если бы Пушкин приехал в Тамбов...

Мария ЗНОБИЩЕВА

В ВАШЕМ ИМЕНИ – ЖИЗНЬ

Вспышка молнии, пламя, порох...
Всё – до боли, и всё – всерьёз.
У земли в ненасытных порох –
Душно зреющий запах гроз.

В сквозняках и дождях осенних –
Нежность белых могучих крыл.
У поэта нет воскресенья:
Тот воскреснет, кто мёртвым был.

Пушкин будит нас гулким выстрелом
В злую ночь, когда спать нельзя.

Мы свои небоскрёбы выстроим,
Чтобы звёздам взглянуть в глаза.

Башни счастья – большие, светлые, –
Да помогут нам звуки лир!
Пушкин – песня шального ветра и
Белый голубь, несущий мир...

Мы всё чахнем над жалким золотом.
Кто придёт отлучить от лжи?
Только Вы – навсегда крылаты.
Что нам в имени Вашем? – Жизнь!

Александра НИКОЛАЕВА

НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

Поэта убили. Вы слышите?

Ночью

Часы его дней отзвенят многоточьем.
Но баловня муз, собираясь на бал,
Забыли, как будто не существовал.

Забыли поэта...

Но можно ли слово

Забыть, словно фрак или галстук не новый, –
О тронах, о розах, Неве и весне
В альбомно-виньеточной голубизне?

Забыли поэта...

Но можно ли – образ?

Стереть со скрижалей Гиреевы орды,
Суровость Кавказа, полёт корабля,
Аллеи лица и башни Кремля?

Забыли поэта...

Но можно ли – песню,

Перо и халат, сердоликовый перстень?
А пленники бурной и страшной зимы
Забыли его,

чтобы помнили мы.

ПУШКИН. ПЯТЬ МГНОВЕНИЙ ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТА

1. В Москве

Весною пахнет яблоневым садом
Уютная румяная Москва.
Не щёголю во фраке полосатом,
Что у трюмо теперь зевнёт едва;

Не графам, не министрам, не модисткам
Чаи в беседке в липовой тени.
Всё розово от бронзового диска
И медных куполов церквей под ним.

Не меряют ни пядями, ни саженью
Москвы печалей, чаяний, седин.
«Лександр Сергеич, не шалите, Сашенька!
Не стоит, барин, маменьку сердить!»

Здесь каждый дом за древнею калиткой
Черёмуховой радостью красив.
«Никитушка, смотри, Иван Великий
Врастает в небо, голубень пронзив!»

«Лександр Сергеич, барин, как прикажете...»
...Подобна птице колокольной тень...
«Никитушка, Никитушка, мне кажется,
Что, право, прыгну – и смогу взлететь.

И над Москвою плыть курчавым облаком.
Москва, как песня, хороша весной.
А там, внизу, татап, Арина, Оленька...
Ах, как чудесно, право, как смешно!»

Быстрей! Быстрей! К макушке колокольной
Лететь и, как дышать, стихи писать.
А дышится и пишется привольней...
Ступенькой меньше – ближе к небесам!

2. В лицее

Аллеи царскосельские уснули.
Хранит покой в прожилках сизых лист.
«Наскучило Вам прыгать через стулья,
Курчавый, синеглазый лицеист?»

«То – детство...»
Детство?

Детство долго помнят
В молениях, томлениях и снах.
В ольховой роще добрых, милых пони –
О них один Жанно когда-то знал.

Дубы, в пурпурных мантиях позируя,
Помпеями и Крассами растут.
«Мечтали, Пушкин, драться с кирасирами
В заснеженном двенадцатом году?»

«То – в прошлом...»
В прошлом?
Прошлое бесценно.
Живи, повеса, весел и упрям,
Пока не скован славою и цепью
Служенья у Эвтерпы алтаря!

И кажутся в осенней пляске гуннами
Листы, уже ненужные ветвям...
«Вы смущены? Прелестная Бакунина
Взглянула, улыбнулась – только Вам?»

«Молчите! И молчать нельзя об этом!
Слова безлики, смертны и пусты».
«Нет, Александр! Вы родились поэтом –
Страдать для чувств и мыслей чистоты,

Ждать вдохновенья месяцы, недели,
Быть выше мнений, зависти, эпох...»
По-прежнему уныло смотрит дева
Над озером на праздный черепок...

3. В южной ссылке

Стихи всегда рождаются случайно.
Как звёзды, гаснут по утрам стихи.
Послушайте молчанье молочая
И ропот крыльев чибисов в степи!

Для песни быть двадцатилетним стоит,
Влюблённо

в двадцать лет на мир смотреть,
С цыганами сравняться простотою,
Водить медведя, в драгом спать шатре.

Легко в кибитке. Небо опрокинули
В азовскую серебряную синь.
И тишина, раскрашенная в киноварь...
Её в мешочке б, на груди, носить!

И тянутся к седым волнам цепочкой
Следы миниатюрных башмачков.
По ним поэт нанизывает строчки
Не сочинённых, прожитых стихов.

«Для Вас бы я с войны
вернулся с лаврами,
Построил бы дворец, как хан Гирей!
Я Вас люблю, Мария Николавна,
Не ужасайтесь дерзости моей!

Люблю! Нет! Обожаю! Но молю Вас,
Не смейтесь
над безумцем, чудачком...»
И звёзды, как в парадной зале люстры,
И рыжий луч –
прощальный дня аккорд.

И море, и полынь, и просто счастье
В душе поэта юного горит.
Стихи всегда рождаются случайно
Для черноокой девочки Мари.

4. В Михайловском

Поэт не создан для слащавой лести.
Ему похвал дороже во сто крат
Смолистый дух михайловского леса,
В пометах Байрон, клетчатый халат,

Лучистые морщинки старой няни.
Лишь ей позволят сон беречь его,
Вязать на спицах расписные сани,
Баюкать сказки ласковой рукой.

А утром будет счастье.
Счастье... будет ли?
«...Как мой Онегин, dandy и влюблён...
Ах, няня, я бы съел кусочек пудинга
В кругу гусар, с шампанским у Talon...»

А утром – снег.
Вы только ждите снега!
Тогда вершины сосен зазвенят,
И будет он опять мечтать о небе,
Как смуглый мальчик
двадцать лет назад.

«Спи, миленькой!...»
И няне добрым гением

Нашёттывать улыбки новым снам
О тех,
    кто помнит «чудные мгновения»,
Не кланяется черни и царям;

О воскресающей в Сочельник скрипке,
О локоне над чашечкой цветка,
О грустных рыбаках, волшебных рыбках,
О песнях, не написанных пока.

«Спи, миленькой!
Закрой покрепче глазки...»
Пусть ночь неслышно кра́дется в избу!..
«...Что, няня?»
«Адъютант, голубчик, царский...»
«Monsieur Пушкин, сочинитель? В Петербург!»

5. Петербург. Чёрная речка

Не дай, Господь, страшной поэту муки –
От глухоты читателей страдать.
Не обрекайте на молчанье музу
В том городе, что соткан из льда!

Из льда любезно-приторных салонов,
Из льда дворцов, проспектов, площадей.
Где сплетни дряхлых модниц, солдафонов
Решают судьбы любящих сердец!

Где дышат тленом золота и пудры,
Избытком пустоты, избытком лжи.
И покорён безжалостно, как будто
Он под копытом Всадника лежит!

Друзья, семья... То было с кем-то, где-то...
Не с ним. Не здесь. Ему пора смотреть
Не отрываясь в дуло пистолета.
А дальше? Ничего? А дальше – смерть?..

Не надо слёз. Он просто стал эпохой.
Поэт живёт, и Петербург стоит –
И дольше заключительного вздоха,
И дольше заключительной строки!

А.С. Пушкин и Адам Мицкевич.
А.М. Герасимов

Герасимовская пушкиниана

Василий ПОПКОВ

1. АУДИЕНЦИЯ

Герасимовская пушкиниана – еще одна тамбовская тропинка к великому поэту. Ныне она, эта тропочка, поросла забвением, запорошена умолчанием, нашим невниманием и нелюбопытностью, и по ней безошибочно

проберется, может, лишь узкий специалист по творчеству художника-земляка, академика, народного художника Александра Михайловича Герасимова.

Свернешь на эту тропочку – и столкнешься с вопросами: почему, например, о пушкинской теме не любили говорить ни сам ху-

дожник, ни исследователи его творчества, ни даже герасимовские каталоги.

А раз не говорят, то создается впечатление, будто их и нет.

Да, да, даже укоренилось мнение, что иллюстраций нет, а может, и не было. Вот послушаем: «Особая страница творчества Герасимова – его работа над книжной иллюстрацией. Собственно, выбор тем для иллюстрирования всегда был обусловлен давними симпатиями художника (*Как будто можно иначе?* – В.П.). В 30-е годы он задумал серию станковых листов к «Евгению Онегину» (которую художнику не удалось завершить)».

Это цитата из вступительной статьи И.М. Бляновой к каталогу выставки в честь столетнего юбилея художника. К сожалению, из-за отсутствия ссылки на источник невозможно проверить истинность данного утверждения. Если же это авторское утверждение, его должно бы подать не в столь категорической форме. Но послушаем далее: «Сохранившийся в Доме-музее лист «Бал у Лариных» позволяет судить о том, насколько внимательно читал художник Пушкина, обращая внимание на любой намек в характеристике не только главных, но и второстепенных персонажей».

«Не удалось завершить...» – значит, начинал? «Сохранившийся лист...» – стало быть, другие, если они были, не сохранились?

К сожалению, именно эта точка зрения получила широкое бытование. Напрасно извлекал я из архива дипломную работу семилетней давности «Мотивы русской классической литературы в творчестве художника А.М. Герасимова», что по моей рекомендации выполняла студентка пединститута Марина Айвазова: там поиски замкнулись на этой цитате. А потому, обратившись к теме «Герасимов и Пушкин», вместо обычной ссылки на источник, натолкнулся я на многие загадки и потому обречен был начать самостоятельные поиски.

Не сочувствуйте мне, читатель, признаюсь вам, нет ничего приятней, чем ходить нехожеными тропами, раздумывать над тем, о чем пока молчат, а не судачат из-за моды, обретать утерянное.

Возможно, кто-то не согласится с моим течением мысли – тем лучше, представит

свое видение, глядишь, вместе и приблизимся к истине.

Я же себе представляю это так.

Заканчивался високосный сорок восьмой.

Художник не успевал прочитывать статьи с комплиментами в свой адрес: еще бы – участие в одиннадцати выставках, что побывали в тридцати городах страны, а также в клубах Восточно-Сибирской дороги, на кораблях Балтийского флота...

Тяжела ты, шапка президента Академии художеств. Правда, хоть и второй год она носится, но сидит ладно: давней привычке ежедневных встреч с холстом изменяет лишь в случаях исключительных, зато глаз стал зорче, рука уверенней, мысль проникает в заповедное, а ему, как и Юпитеру, это положено...

К примеру, работа над картиной «Храм Василия Блаженного» относится именно к году избрания президентом, хотя возвратится к ней художник еще и через десять лет.

Год оказался результативным: закончил наконец портрет своего «друга» и негласного куратора Климата Ворошилова (потом приобретет Государственный Русский музей), всю силу сыновней любви к отчему краю вложил в холст «Мичурин в саду», огромный получился, 231x177 (ныне – в Баку, в Азербайджанском государственном музее имени Р. Мустафаева).

А почему он участвует в художественных выставках только в Союзе, пора выходить на Европу, есть договоренность с Берлином, Дрезденом, Будапештом – и он заносит это в графу своего плана на следующий год. Вот поляки молчат. Не обиделись ли на его холст «Стой! Выпала люлька с табаком...» Но ведь я-то ни при чем, я лишь следовал гоголевскому «Тарасу Бульбе». А может, переборщил? Твой патриотический порыв не должен ущемлять чувства других народов.

Теперь-то, когда самому приходится общаться с этими народами, истина эта предстала перед ним более обнаженной.

Но он же сын своего времени – понять надо. Вот в первый послевоенный год, скажем, душа отдыхала от войны, от парадных портретов, ведь удалось же создать что-то значительное из лирической пейзажной живописи: «Грозу», «Зеленую рожь», «Рожь зе-

леную», «Спелую рожь», «Яблони в цвету» и, конечно же, «Розы».

Намекнули ведь: что, мол, Герасимов, в чистое искусство уходишь, так сказать, в искусство для искусства. Это он-то «в чистое»? Поле, хлебное поле – это же тоска по миру, по крестьянскому труду, по радости и благополучию! А розы, уж извините великодушно, розы на смертном одре буду писать!

Теперь другое дело, президента никто не посмеет упрекнуть, да и к самому высокому лицу разрешено входить без стука... И всё же...

В присутственный день в Академии секретарь доложил о почте и добавил:

– Звонил из ИМЛИ имени А.М. Горького заместитель директора Сергей Митрофанович Петров, просил аудиенции вместе с известным пушкинистом Дмитрием Дмитриевичем Благим.

– На какой предмет? – перешел и он на официальный тон, услышав непривычное слово «аудиенция» и еще более непривычное его произношение «удыэнция».

– На предмет Вашего участия в издании Полного собрания сочинений А.С. Пушкина.

– Художников мало, – в сердцах заворчал он, – именно президента надо тревожить?

– На предмет Вашего личного участия, Александр Михайлович.

– Хорошо, хорошо. Передайте: жду их ровно через неделю, в это же время.

– Они просили аудиенции сегодня, – продолжал настаивать секретарь. – Дело касается издания в честь 150-летнего юбилея поэта.

Да что они, сговорились, что ли?

– Передайте, жду их ровно через неделю, в это же время. А мне подберите работы этих пушкинистов да иллюстрации к произведениям Пушкина. Не с голыми руками должен встречать художник литераторов...

Неделю не выходил из головы этот звонок. Он набросился на холст и работал над «Розами», казалось, исступленно, как никогда. Разговаривал по привычке вслух, пытаясь трубкою, которая гасла и снова дымилась.

– Вот вам Пушкин, вот вам Пушкин, – делал он уверенные и удивительно точные мазки, лепестки светились и, кажется, издавали аромат не свежей краски, а настоящей казанлыкской розы... – Ведь что такое Пуш-

кин? Это совершенство! Гармония! А о каком совершенстве может идти речь на его доверенных изображениях поэта? Вот иллюстрировать Гоголя – другое дело, это – мое. Да и пробивался Гоголь из безвестности, как и я. А Пушкин? Баловень судьбы.

Нет, больше он не возьмется за Пушкина.

«Энциклопедия русской жизни»... А разве он, Герасимов, создает не такую же энциклопедию русской жизни? Нечего мне встречаться с этими пушкинистами из ИМЛИ...

Но в назначенное время Благой и Петров были в приемной президента. Секретарь был вежлив и предупредителен, не забыв, однако, предупредить, чтобы разговор начать как раз с дела, ради которого они встретились. Александра Михайловича в любой момент могут позвать в высокие инстанции.

«Президент, а не принадлежит себе. Вот и свобода творчества», – не без боязни про себя подумал Благой.

Ни один довод Герасимова не принимали: ни занятость, ни выставки, ни возраст...

150-летие поэта! На его отказ Сергей Митрофанович Петров пошел на дипломатические доводы:

– Александр Михайлович! Не будем заключать никаких договоров, никаких обязательств, но Вы еще подумайте. Ведь кто лучше Вас изобразит природу? – Вы же пейзажист. Персонажей? – Вы же и портретист, психолог. Танцы? – А какая прелесть Ваши балерины. Проиллюстрируйте хотя бы только «Евгения Онегина»...

Да, приготовились миссионеры скрутить его не на шутку. Неделя эта и им пошла не во вред. Поняв это, он как бы пошел в отступление:

– От вас, пушкинистов, и в лесах не укроешься, – делал намек художник на предстоящие этюды.

– Да это же перекроенная строка из посвящения Дельвига «Пушкину»:

Пушкин! Он и в лесах не укроется, –

вдруг встрепенулся и, разводя руками, «уличил» Герасимова дотоле молчавший Благой.

– В таком случае скажите, знатоки, что за «тамбовский поэт» танцевал на балу у Лариных? – И художник, к еще большему удивлению гостей, начал декламировать на память:

*Обрадован музыки громом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков,
К Татьяне Ленский; Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой поэт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.*

– Тамбовских друзей у Пушкина было немало. Вадковские. Лунин. О них упоминается и в романе «Евгений Онегин». Особенно же он любил поэта Евгения Боратынского и даже соревновался с ним, в «Онегине» называл его то певцом «пиров и грусти томной», то певцом «финляндки молодой», а к седьмой главе даже эпиграфом взял стих из поэмы «Пирыв»: «Как не любить родной Москвы?»

– Да, Москвы не любить нельзя... – вставил академик. – Не хуже Парижа.

Петров, чувствуя, что академик подытожил беседу и как бы выключился из пушкинской темы, взглянув на часы, решил реанимировать разговор и снова повернуть его в тамбовское русло:

– Ведь и Натали Гончарова родилась на Тамбовщине, и прототип Татьяны Лариной считается родом оттуда же...

Видя, что время идет, а еще не получено согласие художника, которого в любой момент могут позвать в высокие инстанции, как предупредили в приемной, из которой уже доносятся длинные тревожные звонки, предвещие конца беседы, Петров открыто пошел на последний довод:

– Да, берите только «Евгения Онегина», а я возьмусь готовить текст к публикации, и будет юбилейный «Онегин» козловским...

– Что значит «козловским»?

– Так ведь я тоже родился в Козлове.

– Вот как?! Земляки, значит.

– И лет эдак через пятьдесят, когда, может, и нас не будет...

– Ну-ну, Вы-то еще будете, Вы человек молодой...

– ...достанет юбилейный том какой-нибудь дотошный козловский любитель книг и вспомнит про нас...

– От вас, козловцев, действительно «и в лесах не укроешься»... Убедил. Подумаю. – И глядя на часы, добавил: – Не знаю, как будет через пятьдесят лет, но я всё более стремлюсь жить днем сегодняшним, дорожу каждой подаренной мне минутой, особенно если удастся взять в руки кисть. – И запыхивая трубкой, добавил: – Извините, что отнял у вас столько времени...

Не через пятьдесят, а через сорок один год, когда действительно все забыли и об этом уговоре, будто его и не было, и об иллюстрациях, будто и их не было, я сбился с ног в поисках юбилейного издания. Не буду рассказывать о своих чувствах, когда издание было найдено, а именно нужный том оказался замененным другим изданием – 1963 года, и о том, что Азалия Алексеевна Земляковская, просмотревшая внимательно в своей личной библиотеке юбилейное Полное собрание, сообщила мне, что никаких иллюстраций, никакого Герасимова там нет и не было. «Да было же, – думал я, – слишком авторитетное издание свидетельствует об этом, да и сам я, кажется, когда-то видел эти иллюстрации». Оказывается, в тот юбилей было не одно Полное собрание сочинений поэта. И именно это затрудняло поиск. Я-то предполагал, а вот как объяснить в библиотеке? В центральной городской мне просто дали «огоньковское» издание, а когда я отказался, дежурившая в читальном зале девушка удивленно спросила:

– А какое произведение Вам нужно?

И на мой невразумительный ответ «никакое» так сочувственно посмотрела на меня, и взгляд ее словно говорил: «А не надо ли вам врача?»

Мне жалко стало, что я потревожил ее покой, ведь она читала какой-то роман, шептала губами и сладко улыбалась, а я с каким-то Полным собранием... Ей кажется, что читатели ей досаждают, мешают. Вот и я... Нет чтобы взять, что дают...

Она напомнила мне равнодушного продавца, у которого спросили зубную щетку, а он столь же равнодушно отвечает, что зубной щетки нет, а есть наждачная шкурка...

К счастью, таких библиотечек не так уж и много.

И вот наконец заведующая библиотекой пединститута Галина Александровна Конопухина так изящно, медлительно, бесшумно, так благоговейно подает мне заветный третий том, произнося долгожданную фразу:

– Здесь иллюстрации Александра Михайловича Герасимова...

О, она не представляет, с каким нетерпением я беру этот том в желтой немного потрепанной суперобложке, которую оформил прекрасный художник Николай Васильевич Ильин, под которой сохранилась как новехонькая прочная коричневая обложка с золотым тиснением...

Да она и не ведает о моем чувстве, какое открытие я сделал, прежде всего для себя, а может, и не для себя только: том с иллюстрациями Герасимова стоит на книжной полке сорок лет, а считается, будто этих иллюстраций даже и не было...

Да, не ведает, потому что, словно хочет меня еще чем-нибудь удивить и обрадовать, берет с полки книгу и предлагает:

– А вот также к тому юбилею издано было Полное собрание сочинений Пушкина, и представьте себе, в одном томе...

– Что Вы говорите, очень интересно, – листаю я тончайшую бумагу и восхищаюсь изданием, но поймите меня правильно, мои мысли живут уже иллюстрациями А.М. Герасимова.

Галина Александровна так же неторопливо, легко и элегантно возвращает книгу на свое место.

Так же бережно она поставит и Лермонтова, и Апулея, и учебник по физколлоидной химии. И так же благоговейно подаст читателю, найдись только любая из книг в фондах библиотеки и будь востребованной.

Такие подвижники – соучастники больших и малых открытий.

Когда-то в рукописном отделе ГБЛ имени В.И. Ленина такие же влюбленные в свое дело сотрудники отступили от правила и подали мне рукопись «Временника» Ивана Тимофеева XVII века не на второй день, как это предусмотрено правилами, а тут же, потому что показал я им билет на поезд и убедил, что при них найду аналогию к «Слову о полку Игореве» и тем самым может проясниться еще одно темное место в «Слове», как это и случилось на самом деле. А хранитель Псков-

ского древлехранилища Творогов в 1970 году помог мне найти дотоле неизвестные списки «Повести о приходе Сейскаго Краля с немцы под град Псков».

Честь и хвала библиотекарям!

И не только им.

К Тамаре Ильиничне Вороновой, директору Дома-музея А.М. Герасимова, после открытия выставки картин художника М.Ф. Чиркина я обратился с просьбой дать возможность взглянуть на оригиналы картин Герасимова «А.С. Пушкин и Адам Мицкевич» и «Бал у Лариных».

В считанные минуты Наталия Полякова предоставила мне такую возможность – я стоял замороженный: я знаю другие варианты этих картин.

Об этих наблюдениях и поведу речь дальше.

2. ГЕРАСИМОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Итак, Александр Михайлович Герасимов рисует Пушкина, иллюстрирует его произведения.

А где истоки герасимовской пушкинианы?

Обращаемся к упоминаемому каталогу.

Первое упоминание: «1937 год. Всесоюзная пушкинская выставка. Москва». Идеально было бы найти каталог этой выставки и выяснить, какие работы были представлены на ней нашим земляком. И хотя в наших условиях это пока оказалось тщетным, думаю, всё же такое уточнение сделать не невозможно.

Судя по свидетельству юбилейного каталога выставки А.М. Герасимова, им была выполнена картина маслом на холсте размером 230х280, которую он назвал «**А.С. Пушкин («Пишу, читаю без лампы»)**». Слева, внизу холста есть надпись: «1937. А. Герасимов». Картина хранится в собрании семьи художника.

Герасимова вдохновили вот эти строки из «Медного всадника»:

*Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.*

Художнику удалось передать зрителю цветовые нюансы своеобразного освещения: большое окно, белая петербургская ночь, блеск адмиралтейской иглы – за всем этим чувствуется опытная рука мастера. «Что касается образа Пушкина и интерьера, – пишет в своей книге «А.М. Герасимов» М. Сокольников, – то тут автор потерпел неудачу. Пространство правой части композиции необычно зачернено, фигура Пушкина получилась грузная, неверной в пропорциях, лицо поэта не выражало вдохновения».

А ведь именно к поэтическому вдохновению, рождению творческого замысла и обратился художник. К 150-летию поэта он вновь решился на вариант картины **«Пушкин за рабочим столом»**. Уменьшение размера полотна, углубление психологии поэта, уточнение сюжета благотворно сказались на итоге. И всё же...

Думается, художник понимал, что одна из причин неудачи разрешения пушкинской темы – это заданность, работа к юбилеям и объясняемая этим спешка.

Шагом к преодолению неудачи был **«Памятник А.С. Пушкину»** (бумага, акварель, гуашь, размер 54,5x74). Это философское раздумье над значимостью творческого гения, а может, и подспудная мечта, которую художник мог выразить есенинскими словами:

*Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

Частично Герасимов сподобился такой судьбы. Частично.

Как знать, может, как своими парадными портретами нашел он друзей в поколении своем, так пушкинской темой, хотя и не до

конца удавшейся, найдет он зрителя в потопе, и мысли окажутся созвучными именно в прочтении пушкинских строк...

Еще одной вехой и, скажем, более удачной, была картина **«А.С. Пушкин и Адам Мицкевич в Летнем саду»** (1955 год. Холст, масло, 79x87). В юбилейном каталоге было означено место нахождения картины – собрание семьи художника, теперь же можно сделать поправку: Дом-музей А.М. Герасимова в Мичуринске.

Глядя на оригинал, где ладные фигуры двух поэтов даны в полный рост, в темных плащах и цилиндрах и занимают самый центр полотна, а на втором плане изображены скульптуры Летнего сада, думаешь о покровительстве высших сил над искусством, идущем от античных традиций.

От картины веет величием, уважением к таланту, к дружбе двух поэтов, представителей культур братских народов. Чье сердце не забьется чаще при встрече с удивительно простыми и в то же время великими людьми?

Помните, как вспоминала Пассек о том, как Пушкин и Боратынский появились на балу: «Они шли рядом, им уступали дорогу». С Пушкиным многие выдающиеся современники шли рядом. Он возвышал, облагораживал, освещал талант многих: Кольцова, Гоголя, Дельвига, Боратынского. И Мицкевича тоже.

Сюжетом **«А.С. Пушкин и Адам Мицкевич»** художник как бы подытоживал пушкинскую тему. На сей раз рука и глаз не подвели. Сюжет настолько захватил его, что он решил повторить картину, увеличив ее.

Изменилось время – шел пятьдесят пятый год, облака на политическом небосводе предвещали очистительную грозу XX съезда. Тучи сгущались над всеми, кто был близок к тирану. Герасимов не был исключением.

А потому раздумья о судьбах искусства выходят на передний план.

Художник тоже скажет свое слово на тему «талант и монарх».

Натянут холст теперь уже размером 185x210. И никаких сроков, никаких обязательств. Это он напишет для души. Этой картиной он постарается реабилитироваться за все неудачи пушкинской темы и, даст бог, может, именно этой картиной он сделает шаг к бессмертию.

Ведь многое, чему отдавал он предпочтение, скажем, политике, что со всей страстью стремился выразить в церемониальных портретах, на поверку может оказаться тленом, искусство же вечно. Вечен и Пушкин.

Каждый раз, вновь беря кисть и подходя к новому холсту, он стремится забыть о своих обретениях и неудачах.

Счастье настоящее – не в результате, славе и овациях, а более в самом процессе работы, в этом мгновении, когда ты стоишь с кистью перед холстом и мольбертом.

Полное сосредоточение.

И каждый раз словно впервые берешь кисть. Как в реку опускаешься, будто в ту же, да уже не в ту...

Главное – сделать верные контуры персонажей, наметить сюжет, что уже созрел в голове.

Он сделал первые штрихи, еле заметные, понятные лишь ему одному. Лицо гения...

Вот где художника всегда подстерегала неудача... Да его ли одного?..

Не повторить бы других художников, не оказаться у них в плену: у Кипренского, Репина, Серова, Ге...

Не увлекаешься ли оттенками, играя углем? Помнишь, как «Христос и грешница» увлекли Поленова, пришлось исполнение в угле оставить в своей мастерской, в Поленове, как произведение самостоятельное, а для императорской выставки делать новую картину. Но какой труд, не этюд же, а громадное полотно. Холст теперь – в Русском музее, а исполнение в угле – в его Доме-музее...

И вот уже самый центр картины занимает Пушкин. Он – центр всей нашей русской культуры... Кажется, очертания получились недурненько. Рядом – польский поэт. Профиль изучен Герасимовым на портрете В. Ваньковича (1827 год), но, пожалуй, у И. Шмеллера профиль получился более выразительным: мощный подбородок, спадающая на лоб прядь волос, выделяющиеся губы...

Но у него будет свой Мицкевич. Он придаст ему величие, значительность, выразит гениальность. Он лишь на полгода старше Пушкина, им по двадцать семь...

Лишь немногим более года прошло по-

сле восстания декабристов, осталось три года до польского восстания.

Свое отношение к Мицкевичу Пушкин выразил в стихотворении «Он между нами жил...»:

*Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...*

На картине Герасимова Мицкевич жадно слушает русского поэта; темно-красный хитон, на котором играют блики предзакатного солнца, выделяет польского поэта, его русский собрат дан в торжественно темном сюртуке, полами которого играет петербургский ветер, показывая светлую подкладку; кипенно-белые кружева рукава рубашки, жабо подчеркивают, что народность не в лаптях и сарафане.

На сей раз отсутствуют цилиндры: Петербург – священное место и тема собеседников священна.

На левой руке Мицкевича брошена дорожная накидка путешественника, перчатка; они идут по-братски, взявшись за руки. Пушкин забыл о торжественности момента, перчатки небрежно заткнуты за полы, он говорит вдохновенно, глаза горят, лицо прекрасно, жест правой руки выдает в нем пророка...

Они с нами рядом, мы видим их не в отдалении, не в полный рост. Проходят мимо. Художник приглашает зрителя остановиться, всмотреться, подумать, не пропустить, чтобы два гения европейской культуры не прошли мимо нас...

А в отдалении, на втором плане, по булыжной мостовой вышагивают николаевские гренадеры, в поле зрения вступили пока двое, но им несть конца, им навстречу спешит парочка обывателей или купцов, где-то стучит коляска. Поэтам не по пути с ними, а им не до поэтов.

Но ты, читатель, зритель, не пройди мимо гениев...

А там, на третьем плане, на мощном гранитном постаменте высится скульптурная громада: на вздыбленном коне тот, кто Россию поднял на дыбы. Красноватая гранитная глыба, что доставлена из Лахты по указанию нашедшего ее крестьянина Степана Вишнякова, и есть тот прочный фундамент, прочное основание, которое нужно в любом деле, в деле государственном прежде всего...

Герасимов подступался к Петру и с мольбертом, делая наброски и этюды и изучая пушкинского «Медного всадника». Попалось ему и «Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске» Александра Радищева, написанное на второй день после открытия памятника Петру I, которое состоялось 7 августа 1782 года. Прибывший в Россию в 1766 году французский скульптор Фальконе уже через два года выставил на всеобщее обозрение гипсовую модель, и только к 1777 году были закончены работы по отливке памятника.

Художника удивил случай: «когда во время заливки меди металл прорвал форму и полился вон, Фальконе, в ужасе и отчаянии бросив всё, убежал из мастерской» и только литейщик Хайлов совершил героический поступок: «отважно заделал брешь в форме и спас памятник».

Он с жадностью вчитывался в «Письмо» Радищева, отмечая про себя места: «О Петр! Когда громкие дела твои возбуждали удивление и почтение к тебе, из тысячи удивлявшихся великости твоего духа и разума был ли хотя один, кто от чистоты сердца тебя возносил?»

А от чистоты ли сердца возносил своего кумира он, Герасимов, или отдавал дань своему официальному положению?

«Частный человек гораздо скорее может получить название великого... но правителю народов мало для приобретения сего...»

«Он мертв, а мертвому льстити не можно!» – хорошо сказано, заключил художник.

Он не будет выписывать ни надписи по-латыни, изобретенной Александром Сумароковым, ни «десницу простертую» «к своему народу», как объясняла Екатерина.

– Десницу, простертую к своему народу,

я дам пушкинскую, – решил художник, – а не монаршую. Это и будет моим толкованием назначения людей искусства...

Причудливые переливы осенних петербургских облаков занимают едва ли не полхолста, золото осенней листвы напоминает о вечном обновлении природы, о любимом времени года поэта, и всё это так гармонирует с общим настроением, цветовой гаммой картины.

Но почему Герасимов, несомненно оставшийся довольным этой картиной, не любил говорить о пушкинской теме своего творчества?

Видимо, потому, что говорить следовало бы всё. И о неудачах тоже... А о неудачах говорить он не любил.

К сожалению, и исследователи творчества Герасимова не любят говорить о неудачах художника, а потому мало говорят и об удачах пушкинской тематики, все еще старинке продолжая считать этикетные, церемониальные портреты Ворошилова чуть ли не высшими достижениями художника.

Какая чушь!

Клевета на художника.

Сей, как на поверку оказалось, бездарный полководец стремился приручить президента Академии художеств и сделать его карманным художником.

А художник – это талант. Загнанный в клетку истории, он недаром изобразил тебя, Климентий, правой рукой новоявленного Нерона, узурпатора и тирана, вместе вас, вышагивающих по набережной Москвы-реки с естественно чопорным вывертом ног...

Один из знатоков, прочитав это место, сказал, мол, есть мнение, что ноги-то как раз писал и не Герасимов. Вот те раз... Что же, еще одна загадка?

И всё же пушкинское «ужо тебе...» и «волхвы не боятся могучих владык» ему родней, ближе, хотя и оказалось недостижимым...

3. «ОНЕГИНА» КАСАЯСЬ КИСТЬЮ

Шесть забытых иллюстраций

А.М. Герасимова к «Евгению Онегину»

Впрочем, одну помнили: «Бал у Лариных». Она хранится ныне в Доме-музее в

Мичуринске, исполнена на бумаге размером 46х65 акварелью и гуашью.

Когда Наталия Полякова со второго этажа принесла для меня эту картину, я глазам не поверил: то же, да не то... Композиция идентична, но в книжной иллюстрации каблук гусарского сапога, начищенного до блеска, настолько ошутимо передает пушкинский стих «паркет трещал под каблуком», что нельзя было не заметить его отсутствия на оригинале.

Ва-ри-ант...

А это для искусствоведения что-то значит.

И вот я рассматриваю, по-своему читаю иллюстрации к «Онегину».

Приведу полностью названия их, как они означены на странице 513 третьего тома Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в шести томах, вышедшего в 1949–1950 гг. в московском издательстве «Художественная литература».

Список иллюстраций

Иллюстрации работы академика, народного художника СССР А.М. Герасимова

«Евгений Онегин»

- «Господский дом уединенный...» (Глава вторая, I)
- «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» (Глава пятая, II)
- «В огромной зале всё дрожало, Паркет трещал под каблуком...» (Глава пятая, XLII)
- «...Младой певец
Нашел безвременный конец!» (Глава шестая, XXXI)
- «Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой» (Глава шестая, XL)
- «Я вас люблю (к чему лукавить?)...» (Глава восьмая, XLVII)

Прежде всего, выскажу несколько общих замечаний.

Издатели тома Д.Д. Благой и С.М. Петров, а также редактор И.А. Сафронов и технический редактор Ж.А. Примаков хорошо поняли стремление художника к точному следо-

ванию тексту романа, поместив вкладки с цветными иллюстрациями строго после тех страниц, где напечатаны строки, ставшие названиями картин, соответственно после страниц – 32, 86, 102, 116, 120 и 160.

Вероятно, издателям было мало имени А.С. Пушкина, им захотелось придать еще больший вес своему детищу, и имя художника они дают с его регалиями, что ныне не может не выглядеть некорректным по отношению к Пушкину. Будем считать это данью времени дремучего формализма, когда оценивались дела не по качеству, а по тому, какой пост занимал исполнитель. Хотелось бы думать, что инициатива шла не от художника, ибо основная его должность «президента» не указана.

Все шесть иллюстраций, хотя и неравнозначны, выполнены рукой большого мастера композиции, цвета, групповых образов, пейзажа. Надо полагать, А.М. Герасимов отдавал себе ясный отчет в том, что с пушкинианой связаны имена великих мастеров кисти В.М. Васнецова, Вл. А. Серова, И.И. Крамского, С.А. Коровина, П.А. Федотова, А.Н. Бенуа, К.П. Брюллова, В.А. Фаворского; множество выдающихся художников обращались и к «Евгению Онегину»: В.Е. Маковский, М.П. Клодт, П.П. Соколов, К.А. Коровин, И.Е. Репин, М.В. Добужинский... Он, Герасимов, был их продолжателем и единомышленником, но и оппонентом тоже. Он должен сказать свое слово, а потому работал самозабвенно, ставил сложные задачи, которые стремился разрешить с присущими ему трудолюбием и работоспособностью.

Вульгарно-социологическое понимание Пушкина, характерное для литературоведения первой половины XX века, не могло не сказаться и на иллюстрациях Герасимова, стремившегося противопоставить зримо господскому дому крестьянскую развалюху. Сознательно ли, нет ли, но получился своеобразный диалог с Пушкиным. Помните: «Ох, лето красное, любил бы я тебя...» Герасимов же, похоже, любил лето красное, и потому два листа из шести дают летний пейзаж: «Господский дом уединенный...» и «Там у ручья в тени густой...». Эти листы менее других пушкинские и менее других удачны, первый особенно подчеркивает социальное расслоение (дворец и хижина, хоромина и хата, как хотите),

второй лист – дань недавно закончившейся войне – у могилы Ленского.

Наиболее же пушкинскими и наиболее удачными, на мой взгляд, оказались два листа: «В огромной зале все дрожало, / Паркет трещал под каблуком...» и «Младой певец/ Нашел безвременный конец!» (а короче назовем «Бал у Лариных», как назван вариант иллюстрации, оригинал которой хранится в Доме-музее, и «Дуэль» – по нашей интерпретации).

А что сказать еще о двух иллюстрациях: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» и «Я вас люблю (к чему лукавить?)...»? Первая из них не столько «пушкинская», сколько герасимовская, она вобрала в себя и полноту жизни, и представление о времени года, и стремление персонажа показать товар лицом, выйти в люди, вторая содержит лишь попытку передать драматический кульминационный момент отношений теперь уже Татьяны Дмитриевны Лариной, светской дамы, и Евгения Онегина, теперь уже не «молодого повесы», психологическое состояние героев. И всё же, несмотря на несомненные удаchi этой иллюстрации, она отдает театрализованностью, она более иллюстрирует оперу, нежели роман в стихах, другими словами, представителю реализма социалистического не дался реализм пушкинский, высокий реализм XIX века...

Эти общие замечания подводили меня к проблемам изучения забытых иллюстраций А.М. Герасимова. Вот они:

- попытка первоначального прочтения; степень реализации замысла художника и насколько душа его оказалась «в сношении» с душой поэта;
- пути поисков оригиналов иллюстраций;
- последовательность исполнения художником иллюстраций.

Занятия этими проблемами – «всерьез и надолго», но если мы хотим, чтобы народная тропа не заросла к творчеству художника, то разрешать их надо, и при изучении «Евгения Онегина» в школе благодатный материал приблизит к юношеству и Пушкина, и изобразительное искусство, и край отеческий, коим гордиться не только можно, но и должно. Я же выскажу свои соображения на означенные проблемы.

Где искать оригиналы?

Во-первых, они не могли пропасть, навряд ли утрачены, потому что дороги художнику были даже самым фактом их тиражирования в юбилейном издании. Но если даже и утрачены, то по копиям изучение не невозможно.

Во-вторых, они не могли уйти далеко из поля зрения художника.

Поиски в архиве Государственного издательства художественной литературы в Москве также могут быть плодотворными.

Необходимо также снестись с архивами Д.Д. Благого, а скорее С.М. Петрова, земляка художника, где можно найти свидетельства о работе Герасимова над иллюстрациями, а может, и сами иллюстрации, исполненные рукой художника.

А может, они у нас под руками, да мы не обращаем на них внимания, как, скажем, на третий том Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, ведь подумать только – двести тысяч экземпляров – и вывод: «серию... не удалось завершить»! Поистине «мы ленивы и нелюбопытны».

* * *

«Бал у Лариных». Напрасно я искал описание этой картины, хотя и считается она единственной известной из шести. В каталоге, подготовленном к столетию художника, в разделе «Графика. Рисунок, акварель, гуашь» на странице 29 дано краткое описание: «Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Бал у Лариных, Б., акв., гуашь. 46х65. Слева внизу: АГ 1949, Дом-музей А.М. Герасимова, Мичуринск. Инв. № 421».

Цветная иллюстрация в третьем томе имеет размер 10,7х14. Такая композиция реализует замысел названия картины. «В огромной зале все дрожало, / Паркет трещал под каблуком...», ибо действительно создает эффект пространства, многолюдия, всеобщего подъема, веселия, тесноты. За счет вертикального расположения увеличилось пространство, дано больше воздуха, что придало не только большую торжественность, но, главное, большую возможность сосредоточить внимание на главных персонажах – танцующей паре Онегин – Ольга.

Сочетание светлого и темного создает атмосферу значительности, праздничности, радостного настроения, но предвещающего тревогу. Льется свет люстр, придающий какие-то новые оттенки. На всём играют блики света. Стулья, стены, гардины, одежда – всё будто кружится, мелькает, словно художник смотрит глазами увлеченного вихрем вальса участника бала и в эту аллюзию вовлекает и зрителя. Великолепные костюмы, туфли, сапоги, панталоны, цилиндр. Одухотворенные лица. Всё в движении. Запах духов. Зрителю тоже хочется взять веер. Здесь нет и двух одинаковых лиц. Грациозность и красота Ольги, холодная неотразимость Онегина, мертвенная ревнивая бледность Владимира Ленского, внешнее спокойствие, зарождающаяся буря чувств в душе Татьяны. Изобилие чувств – красота, счастье, ревность, предчувствие дуэли. Художнику, кажется, удалось пластичность, гармония, полнота жизни – всё передается и продуманной композицией, сочетающей передний план со вторым и третьим, игрой света и цвета, многочисленными деталями, движением, экспрессией, грацией. Но рука Ленского уже без перчатки... Поистине: когда начинался танец? В четыре года, когда француз – учитель танцев учил поклонам, движениям, выворачивал ножки до боли, а может, и до легкого перелома, но, поощряемый родителями, которые готовили тебя стать неотразимым или неотразимой на любом балу. И уже пренебреженно в любом танце отдаться партнерше полностью и без остатка, успеть поклясться в вечной любви и преданности, шепнуть на ушко между сложнейшими па, почему это Всевышний не сподобил их встретиться раньше, и далее скользить с еще большей легкостью по паркету в совершенно новехоньких башмаках, кожаная подошва которых впервые (непременно – впервые) имеет сношения с паркетом.

И так до следующего танца...

Одна из светских дам выразила в своем дневничке недовольство: сколько она наслышана была о неотразимости Пушкина, каков он сердцеед, она даже приготовилась выказать к нему полное безразличие, случись ей потанцевать с поэтом. Случилось, а он, невежа, даже не взглянул на нее, вместо клятв в

вечной любви, он был небрежен и в одежде, а башмаки его были стоптанными...

Знать, Пушкин не был ни повесой, ни ревнивцем, ни жертвой света и его причуд. И его дуэль – это не прихоть дворянского сына, а подвиг поэта, Человека, восставшего за поруганную честь.

А ее, обидевшуюся даму, мы и вспоминаем сегодня потому, что ей посчастливилось танцевать с великим человеком.

Об этом поведал нам на одной из своих лекций о Пушкине, в петербургской квартире Пушкина, академик Юрий Лотман, тогда еще полуопальный тартуский профессор.

Как ты догадался, читатель, «Бал у Лариных» – лучшая иллюстрация А.М. Герасимова к «Евгению Онегину» и, смею думать, из шести была первой по исполнению. Художник, казалось, сделал невозможное.

«Дуэль» – надо полагать, вторая картина, к которой приступил художник. Если на первой в центре Онегин, а Ленский дан слева, то теперь самый центр займет поверженный поэт-романтик. Слишком свежи были впечатления от 1937 года, столетия со дня смерти поэта, когда он даже подумывал написать «Дуэль», но дуэль другую, и, представив себе прицельные выстрелы вопросов: «На что намекаешь, художник?» или «Кого оплакиваешь, Герасимов?» – он даже себе в этом не мог признать, испугался самой идеи – ведь эхо выстрелов доносилось и до него, и, кто знает, один из них мог бы и его не миновать.

Довлел и Илья Репин с его «Дуэлью». От него не ушел. Его Ленский будто в зеркальном отражении от репинского. У Репина страшно довлеет мельница, он ее отодвинет влево, даст лишь одну стену, притом деревянную, крестьянскую, маленькое колесо, зато лес беренде-ев будет давить, и снег сделает темно-голубым, почти неестественно черным, а лицо жертвы, такое молодое, бледное, скажет вам о бессмысленности смерти. С репинского секундант он снимет барский тулуп и оденет его в обычную шубу, поставит на колени, а лицо сделает реальным, заплаканным, красноватым.

А на втором плане «лишний человек», убийца с его секундантом.

Еще не рассеялся синий дым выстрела, рука еще сжимает пистолет, но в левой – уже

цилиндр: свершилось, убит, роковые девять шагов пройдены. Руки Ленского раскинуты картинно, романтически, но понятно: его романтические заблуждения кончились реальной смертью.

Но жизнь не кончается, где-то в левом углу светлое-пресветлое небо, где стоит возок.

Неба мало, рядом его почти совсем нет. Есть темнота, а она – всегда зло. Пушкин не говорит о христианстве, Герасимов – тем более, но читатель, глядя на картину, задумается о вечных философских вопросах – жизни и смерти. Ведь совсем скоро постигнет участь Ленского и автора романа в стихах. Недаром Лермонтов скажет: «Как тот певец, неведомый, но милый...» А мне бы хотелось именно так назвать эту иллюстрацию.

«У памятника Ленскому» – так кратко можно назвать следующую иллюстрацию. Если в «Дуэли» почти нет линий, цвет дан размыто, художник (да и зритель тоже) смотрит будто сквозь слезы на бессмысленную кончину поэта, то здесь всё настолько четко просматривается в ясный летний солнечный день: и памятник у ручья между двух сосен, и разнотравье под копытами скорого быстрого чалого коня, и молодая наездница, и золотая нива скошенной ржи, собранной в копны проворным селянином, и выводок грачей, собирающихся в стаю, и ветряк на горизонте, и белокипенные ромашки, дразнящие своим вечным «любит – не любит», – что трудно оторвать глаз и от главного, и от деталей.

*Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой...
И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ремянный повод натянув...
Глазами беглыми читает
Простую надпись – и слеза
Туманит нежные глаза.*

К сожалению, художник слишком прямолинейно подошел к пониманию этого отрывка, и он, мастер подачи лошадей, вдруг идет по самому легкому пути, по-ученически по-

мещает профиль коня на переднем плане, и он занимает добрую половину картины.

«Господский дом уединенный...», видимо, выполнен был следом за «Памятником Ленскому» и тоже содержал летний пейзаж, который художнику не представляло труда набросать в одночасье, повторив один из многочисленных этюдов, исполненных где-нибудь на реке Иловой, а может, и на Лесном Воронеже. Сочная кисть передает и бушующую зелень, и зной летнего полдня, и ниспадающий свет, и переливы речной глади, и полюбившихся художнику купальщиц, и водораздел между прошлым и настоящим. Прошлое – уже на том берегу, но каково будущее у этого берега? И художник дает светлый треугольничек лесной реки...

Я бы не сказал, что эти две последние иллюстрации менее удались художнику, но то, что они менее пушкинские, – утверждал бы.

Герасимов мог ощущать это и быть не совсем довольным. Вот почему он пошел по пути углубления психологизма. И потому следующий сюжет выбран не случайно.

«Я вас люблю (к чему лукавить?)...» Из парадной залы богатого столичного дома льется золотистый свет люстр и бликами отражается на зеркальном паркете. Двери полуоткрыты. В комнате с темно-зелеными стенами зеркало отражает прошлую жизнь, их взаимоотношения, благородный порыв деревенской девушки, полюбившей Евгения, бессмысленную дуэль, его наставление и признание, что он «не создан для блаженства».

Столик и два стула приглашают к интимной беседе, еще всё можно вернуть! Но стулья лишние – на них не сидят; столик стоит для того, чтобы смог опереться оказавшийся без опоры Евгений. Он еще загадка – он закрыл рукой лицо; перчатки в цилиндре, больше не будут брошены. Герои стоят вполборота друг к другу – взаимопонимания нет и не будет, хотя Татьяна, несмотря на величественность и неотразимость облика великосветской дамы, открыта и откровенна: к чему лукавить. Часы показывают, что время ушло безвозвратно.

Позы и жесты несколько театральны, но психологически убедительны.

Художнику оставалось исполнить только одну иллюстрацию, и тогда он пригласит этих пушкинистов. И хотя работа его захватила, он чувствовал, что самовыражения он еще не достиг и не испытал. Венец работы еще впереди, и он выбирает фразу из романа, что у всех на устах. К чему и ему лукавить, он идет с открытым забралом, словно в бой...

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» – так названа иллюстрация ко второй строфе пятой главы романа, в книжке она помещена второй по порядку, исполнялась же, можно предположить, последней...

Нам непременно вспомнится продолжение:

...На дровнях обновляет путь;

Его лошадка...

Но напрасно искать на картине дровни, это неуклюжее деревенское приспособление для перевозки дров, состоящее из одних внушительных полозьев без кузова, под тяжестью которых лошадка и взаправду поплетется «рысью как-нибудь».

Художнику же хотелось передать счастье обновления природы, радостной встречи с первым снегом взрослого человека и ребенка, лошади и собаки, полноту дольней жизни, что сродни полюбившемуся ему с детства гоголевскому выражению: «И какой же русский не любит быстрой езды!»

Из-за стремительного движения, сверкающего снега играют краски, и сразу трудно определить даже масть лошади: она то ли бурая, то ли гнедая, скорее, рыже-гнедая, а точнее, игреняя, потому что навис (так называются хвост и грива) дан белесоватым.

Кто лучше разобрался бы в масти, ее разнотечениях и оттенках, как не сын козловского прасола, безгранично любивший писать обо-зы. Недаром он сам потом скажет: «А я иду от степей широких, от вольного ветра, от коней лихих, троек с бубенцами, от земли плодородной!»

Савраско не «увяз в половине сугроба», а бежит по первопутку споро, весело, высоко поднимая и как-то по-особому осторожно сгибая ногу, будто еще опасаясь холодного снега, поднятая над головой десница молодого возницы энергично раскручивает длинный конец вожжей, поощряя ее на еще более

оживленный бег. Слева, будто соревнуясь с лошадью, скачет темно-рыжая собачонка, по-заячьи и высоко отбрасывая задние ноги, распушив и подняв хвост, заученно артистически задрал куда-то в сторону и назад голову, заливается радостным лаем, при этом успевает сделать следы какого-то причудливого, ей одного понятного собачьего танца.

А на втором плане, справа, Жучка, взгромоздясь на салазки, удивленно тявкает, подбадривая своего любимца и выдумщика, дворового мальчишку, которому «больно и смешно» из-за отмороженного пальчика...

Помечтаем и попытаемся разгадать мысли главного персонажа.

О чем он думает?

Конечно же, о том, как он ждал этого момента, с лета готовил сани. Иной и сам санник да тележник, а хватись – а выехать не на чем. У него же всё ладно, добротное, всё подогнано. Художник проявил заботу и выписал все до детали, садись и изучай санное дело, сдавай испытания на мастерство санника: не вывернуты оглобли из закруток, не занесет сани на поворотах и раскатах – гляди, какой ровный след оставляют, знать, не только внешне красиво загнуты головки полозьев, но и снизу прилажены к ним новые подреза, или оковы; и с грузом не перевернется возок – равномерно поставлены копылья, скреплены они вязками да грядками, вдолблены в них отводы, потому и кузов, хоть и крестьянский, а сидит по-царски.

А вожжи? Не веревочные – ременные, а это что-нибудь да значит, не всякий ямщик такими похвастается, не всякий найдет и шлею даже едучи на базар с грузом, а он вот порожняком да со шлеей, зато с горы Саврасушко не почувствует надвигающейся тяжести, добротный мягкий хомут не натрет шею, кольца у седелки и дуги не заржавели, а начищены до блеска, не хватает лишь колокольца, да уж недалеко то времечко – будет сговор, будет и колоколец.

«Крестьянин, торжествуя», сидит не «черт знает на чем», а подложив душистого сенца, встал коленями на длинные полы нагольной шубы «красные дубки», а может, добротного тулупчика, что снимается с гвоздя не всякий день. И пошит не для красоты, а тепла ради.

Да хотя бы и красы для. Что с того? Была не была! Вырядился. Не какой-нибудь крестьянский треух, и шапку надел казачью, с верхом зеленого сукна и отороченную мехом, как говорится, дома щи без круп, а в людях шапка в рубль.

– Саночки расписные, а дома есть нечего, – укоряет родимая матушка.

– Каковы сани, таковы и сами, – отвечает сынок, – чай, не в чужие сани садимся, в свои, маманя. Не важно, как дома, важно, как на людях. – Бросил он в сани красный коврик-подстил, и догадалась мать, что погонит он со всех ног к своей суженой...

Ты, пчела ли, моя пчелынька,

Ты, пчела ли, моя белая...

– Не идеализируешь ли дореформенного крестьянина, академик? – спрашивал внушенный самокритик. – Не из-за упреков ли в ностальгии по прошлому стал лишь в шестьдесят шесть академиком, по-мономаховски сказать, «сидя на санях», а по-державински проще, «в гроб сходя»? Не посмотрят, что президент. Ведь иллюстрацию к книге не утаишь, не спрячешь, не один авторский экземпляр, а целых двести тысяч, и обязательно горяченький Самому на стол ляжет. – И он мазнул на всякий случай светлую заплатку на шубе. – Зато уж избу деревенскую выпишу – ни о какой ностальгии не догадаются. Мало ли заготовок и этюдов приносил он из села Панское под Козловом. Пусть думают, что изба дореформенная...

И в правом верхнем углу рука мастера безошибочно вывела покосившуюся избенку с плетнем и деревьями в серебристом инее. Добавил голубушки – и запахло легким дымком, повеяло теплом.

Почему-то стал вдруг еще и еще обводить дугу, оттого стала она несоразмерной, зато гнет над крестьянином засимволизировал откровенней.

– Симметрии не получается, гармонии, – сокрушался художник. Мысленно он всегда делил холст, или в данном случае лист, на четыре равные части, а они, по его убеждению, должны уравнивать друг друга, этому правилу он следует везде, этого требует и от учеников своих. А вот тут вдруг верхний левый квадрат оказался черным, пустым. Вна-

чале-то он думал вдалеке, на горизонте, дать профиль сельской церквушки, но теперь, признаться стыдно, испугался: на церкви идет какое уж по счету наступление, динамит подкладывают, вон в его родном городе Боголюбку раскрывают, Ильинку собираются закрыть, а он – церквушку. А может, ветряк? И ветряк – символ собственности частной, тем более он уж дал ветряк – в иллюстрации, которую он назвал «Там у ручья в тени густой/Поставлен памятник простой». Вот там бы, у могилы Владимира Ленского, церквушка была бы более кстати, да и памятникчик он сознательно дал похожим на пушкинский, дать бы там профиль Святогорского монастыря, а здесь бы тот ветрячок дать. Повторять же ветрячок он не будет, еще скажут, фантазии у академика ни на грош.

Вот еще бы раз снова переписать эти две картины, тогда... Нет, нет, размышлялся. Времени в обрез, эти пушкинисты уже подгоняют.

Стало быть, правый верхний квадрат надо облегчить: дам птиц.

Их оказалось, не по его умыслу, семь. Библейское число – вот наваждение. Ладно, умный промолчит...

Он подпустил темной синевы на горизонте в пустом квадрате, еще раз зачем-то тронул дугу и остался доволен: да ведь получилась, так сказать, летящая композиция, еще мгновение – и повозка переместится к повороту, симметрия восстановится полностью.

А зритель пусть домысливает. Полное собрание сочинений поэта будут читать люди не без фантазии. Реализм должен быть социалистическим. С таким мысленным итогом он и закончил еще одну, теперь уже последнюю иллюстрацию.

...Когда меня уверяли, что, кроме «Бала у Лариных», ни одной иллюстрации найти уже невозможно, я не верил. Не верил потому, что твердо знал, что они есть. Вот откуда я взял, объяснить тогда не мог. Потом вспомнил: да ведь я еще школьником срисовывал эту иллюстрацию и копию даже представлял на школьную выставку. А домик так похож был на наш, что под влиянием картины Герасимова я вышел и нарисовал свой дом с натуры в зелени тополей. И хотя акварелью успел раскрасить лишь деревья и соломенную кры-

шу, учитель рисования Евгений Михайлович Силкин поставил мне «5», удостоверив оценку подписью...

Скажите, с санями да с упряжью приду-мано, вычитано. А далекое всё забыто да бы-лем поросло. Поросло? Суди вам Бог...

Всё помню.

Как председатель колхоза Дмитриевцев однажды попросил отогнать жеребца в ко-нюшню за рекой. Кто бы из моих однокласни-ков отказался пролететь в председательских санках? «...Крестьянин, торжествуя...», хотя зима кончилась, вода в реке поднялась, мост залило. Конь безошибочно прошел по мосту, да потоком снесло меня с моста вместе с са-нями.

Конь не подвел, вынес. Спасли хорошие подковы.

Зато другой раз похожий случай чуть не закончился трагически.

Колхозное собрание закончилось далеко за полночь, обсуждали вопрос: молодежи – механизаторские профессии.

Нетерпеливый Красавчик понес меня, как только я накрылся райкомовским тулупчиком.

За день воды в реке у Роши набралось столько, что конь, оступившись, перевернулся вместе с санями, заржал и захрипел, бил но-гами по оглоблям.

– Супонь! – заорал я во всё горло, сбросил пальто и сапог, другой не поддавался, и мгно-венно поднырнул под шею лошади, нащупал конец супони и дернул что было мочи. Под-далась, гужи разошлись, конь выпростался из повозки, хотя и сломалась оглобля, и с моей помощью оказался на берегу.

Теперь пришла его очередь спасать меня.

Он понял это, тряс головой, и конец супо-ни угодил мне в руки...

На месте протопопа Аввакума я сказал бы: сама Богородица подала мне в кромеш-ной тьме спасительный поводок.

Красавчик тянул меня на берег и, видя, что не получается, схватил меня зубами за плечо и вытащил. Еще шрам остался, а сколь-ко уж лет прошло, почти тридцать.

Правая оглобля не годилась, и, приладив вместо нее вожжи, я в паре с Красавчиком в одном «сапозе» тянул сани через весь город: «...крестьянин, торжествуя...»

О чем я тогда думал?

О спасительной супони.

В сорок третьем мать провожала старше-го брата Гришу на войну вместе с его одногод-ками. На станции в Моршанске провожавшие то ли в суматохе забыли отпустить супонь, то ли понадеялись друг на друга, то ли думали вернуться скоро, только вернулись – лошадь задушилась.

Погрузили ее на сани, впряглись, да и везли всю ночь в колхоз как вещественное до-казательство. Не помогло.

В чем только их не обвиняли: и во вре-дительстве, и в пособничестве врагу, и в ос-лаблении мощи Красной Армии и любимого государства.

Не знаю, чем бы обернулось, но мы были мал мала меньше, да и отец погиб, какое уж там «ослабление».

Наказание ограничили годом бесплат-ной работы в колхозе.

Вскоре пришла бумага: Гриша погиб в первом бою.

Мать парализовало, у нее отнялись ноги и подняться могла лишь на веревке, которая, помню, висела над койкой, продетой через кольцо, прикрепленное к потолку.

Чтобы не обвинили ее еще и в симуля-ции, тринадцатилетний брат Коля с рассвета до заката отрабатывал за мать на колхозном поле, а я, шестилетний, ухаживал за ней.

Мать протянула недолго...

Да что я о себе да о себе.

О Пушкине надо. О Герасимове. «...Кре-стьянин, торжествуя...»

А о себе... Буде интересно тебе, читатель, а мне досуг, составлю и собственное житие, как говорится, кто много жил, тот много ви-дел.

А теперь позволь мне закончить словами пушкинского Пимена:

*На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною.*

Эти слова любезны были и нашему земля-ку Александру Михайловичу Герасимову.

ВЕЛИКОЕ И ВЕЗДЕСУЩЕЕ ИМЯ

Пушкин

СКАЗАТЬ, ЧТО АЛЕКСАНДР ПУШКИН РОДОНАЧАЛЬНИК НЕ ТОЛЬКО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, НО И КУЛЬТУРЫ – ЗНАЧИТ СКАЗАТЬ БАНАЛЬНОСТЬ. НЕ БОЛЕЕ СВЕЖАЯ МЫСЛЬ И О ТОМ, ЧТО НАШ ПУШКИН ВЕЗДЕСУЩ НЕ ТОЛЬКО В СМЫСЛЕ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРНОГО, НО И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО. НЕТ ТАКОГО УГОЛКА В РОССИИ (В ТОМ ЧИСЛЕ И В ЕЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ГРАНИЦАХ), ГДЕ БЫ ЭТО ИМЯ НЕ СВЯЗЫВАЛИ ЕСЛИ НЕ С ЖИВЫМ ПРИСУТСТВИЕМ, ТО С МЕСТОМ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ УПОМИНАНИЕМ В СТИХАХ И ПРОЗЕ. КОГДА В РОССИИ И БЫВШИХ РЕСПУБЛИКАХ СССР ШКОЛЬНИКИ ЧИТАЮТ СТРОКИ О МОЛДАВИИ, НОВОРОССИИ, ОДЕССЕ, ДЕКЛАМИРУЮТ: «..и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык» или «ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД...», ТО ПОЧТИ АВТОМАТИЧЕСКИ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПРЕДСТАЕТ ПЕРЕД НИМИ ПОЧТИ ЗЕМЛЯКОМ.

А что говорить о Тамбовщине, нашем Козлове – Мичуринске, где великий поэт хоть и не бывал физически, но присутствие свое отметил в повести «Дубровский», в судьбах своих детей и внуков?

Как известно, в Козлове с 1878 по 1880 год жили двое детей А.С. Пушкина – Александр Александрович и Мария Александровна. Старший сын поэта, Сашка, как он называл первенца в письмах к жене (а дочь с любовной снисходительностью именовал Машкой), был человеком замечательным. Профессиональный военный, он командовал гусарским Нарвским полком в русско-турецкой войне и остался в памяти братьев-болгар как человек

большого обаяния и мужества. После окончания войны генерал А.А. Пушкин привез в город Козлов, куда был перемещен его полк, высшие по тем временам знаки воинской доблести – золотое оружие с выгравированной надписью «За храбрость» и боевой орден Святого Владимира 4-й степени с мечом и бантом.

Мария Александровна, по мужу Гартунг, овдовев, жила у брата, помогала ему воспитывать детей. Женщина редкой красоты и ума, она производила большое впечатление на современников. Известно, что замечательная внешность Марии Александровны вдохновила другого гения русской культуры, Льва Толстого, на создание образа Анны Карениной.

Александр Александрович Пушкин
(1833–1914)

Мария Александровна Гартунг (Пушкина)
(1832–1919)

Наши краеведы долго и безуспешно пытались найти адрес, по которому дети Пушкина жили в Козлове, пока не обратились к истории и не воспользовались аналогией с образом и условиями жизни других военачальников Отечества. И тогда было сделано наиболее правдоподобное предположение: скорее всего, командир полка с детьми и сестрой жил в казарме, в отведенных ему комнатах. Там, на стенах казармы, и следовало бы увековечить память о русском генерале Пушкине.

Когда в 1880 году Москва готовилась торжественно открыть памятник А.С. Пушкину, Александр Александрович и Мария Александровна передали на выставку, посвященную памяти их отца, сундук с рукописями его произведений и личными вещами. Все эти бесценные реликвии были приняты на хранение в фонд Московского Румянцевского музея (впоследствии Государственная библиотека им. Ленина). Главную часть дара составили записные книжки поэта. Первая запись относится к 1819 году, последние датируются предсмертными месяцами жизни.

У сына Александра Александровича, также Александра, одну из дочерей звали Натальей. У нас в Мичуринске живет и работает в аграрном университете Галина Северьяновна Усова, ее родословная восходит как раз к правнучке великого поэта Наталье Александровне Пушкиной.

В дни, когда мы отмечали 196-ю годовщину со дня рождения «солнца русской поэзии», у нас готовился к открытию еще один, четвертый по счету, городской музей – в отреставрированном особняке замечательных деятелей культуры России XIX века князей Голицыных – Николая Борисовича и его сына Юрия Николаевича. Здесь, в двух экспозиционных сюжетах, литературном и музыкальном – определяющих духовную и интеллектуальную жизнь города в прошлом и настоящем, органично сошлись Пушкин и Голицыны.

Пушкин самым таинственным, незримым образом приходит к нам через биографии и творчество самых разных, Отечество прославивших и простых россиян, через письма и дневники своих современников, книги и картины, предметы культуры и быта, через наше сознание, наконец, не говоря уже о языке. Он

действительно бессмертен, ибо вездесущ. Он во всех нас и в каждом.

* * *

Собиранием сведений о генеалогическом древе Пушкина Андрей Андреевич Черкашин начал заниматься давно, ещё перед войной. На фронте он дал зарок: если судьба положит остаться в живых – завершить начатый труд, чего бы это ему ни стоило.

Андрей Андреевич успел поставить точку в черновой рукописи. Но готовила её к печати вдова Черкашина. И вот в Москве издан один из самых замечательных подарков к дню рождения поэта за все, пожалуй, 200 лет. Так подробно, точно выверено, красочно оформлено это издание...

История сама позаботилась о сохранении для потомков имён и деяний предков Александра Сергеевича. Многие он, сам глубокий дотошный историк, знал по документам, связанным с фамилией Пушкиных. Но осведомлённость его не распространялась далее Александра Невского, с которым он по отцовской линии был в прямом родстве, а через Дмитрия Долгорукого, основателя Москвы, седьмого сына Владимира Мономаха, и со всеми Рюриковичами – от Игоря, Святослава, Владимира Красное Солнышко, Ярослава Мудрого до последнего их колена.

*Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдалённой старине...
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трёх строках Карамзина.*

Так писал поэт, размышляя о прошлом своего рода. Но полностью могучее древо Пушкина зашумело ветвями только после изучения древних актов и других документов А.А. Черкашиным.

Оказалось, что он был одной крови с князем Дмитрием Пожарским, на землях которого построен город Козлов, а через его родню – с другим великим полководцем России М.И. Кутузовым.

Потомки А.С. Пушкина – Г.С. Усова и её сын С.В. Усов

В кроне этой есть и ветви тамбовских Чичериных – через родную бабушку Александра Сергеевича Ольгу Васильевну Чичерину.

Книга «Тысячелетнее древо Пушкина: корни и крона» завершается многостраничным списком его родных по восходящей и нисходящей линиям. В нем тысячи имён. В том числе и Пушкиных, служивших воеводами в Козлове, Тамбове в первые десятилетия по их основании.

А среди сегодняшних потомков Пушкина, конечно, вписана в этот славный неповторимый перечень и жительница города Мичуринска – Галина Северьяновна Усова с сыновьями.

* * *

У покойного ныне Ираклия Андронникова, бывшего страстным и удачливым собирателем всего, что принадлежало перу М.Ю. Лермонтова, внесшего вклад и в пушкинанину, есть

упоминание о поисках им и другими видными пушкинистами второй (о первой было давно известно) части дневника Пушкина.

Из публикации на эту тему в «Литературной газете» как будто стало окончательно ясно, что это миф: скорее всего, дневник более раннего периода Пушкиным был собственноручно уничтожен в связи с событиями 1825 года.

Что касается опубликованного дневника великого поэта, записи в котором относятся к 1833–1835 годам, то судьба его, точнее факт того, что он не был безвозвратно утрачен, связана с нашим городом.

...Апрель 1879 года. В Козлов после окончания турецкой кампании 1877–1878 годов переводится 13-й гусарский Нарвский полк, командовал которым герой освобождения братьев-болгар от турецкого владычества, старший сын Пушкина Александр Александрович.

По семейному разделу имущества от 5 февраля 1870 года к нему перешел весь пушкинский архив. Его составило, в сущности, основное рукописное богатство, оставленное поэтом своим потомкам. Это четырнадцать рабочих тетрадей, содержавших черновые тексты произведений Пушкина, начиная лицейским периодом творчества, «Русланом и Людмилой» и заканчивая знаменитым, венчающим труд гения «Памятником» – он был датирован 21 августа 1836 года, когда до гибели поэта оставалось всего пять месяцев.

Бесценным материалом для исследователей были и самодельные тетради, в которые Пушкин перебеливал крупные произведения – «Медный всадник», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Маленькие трагедии». Из тетрадок же были сброшюрованы авторизованные копии «Бориса Годунова», «Истории Пугачева», материалы к ней.

После смерти Пушкина все рукописи, черновые и беловые, прошли «цензуру» – их просмотрели, прошили, пронумеровали рецензенты в жандармских мундирах, поставившие к тому же и печати. Отдельные листки, поскольку сшить их было трудно, сложили в пакеты.

В заветном сундуке хранился и дневник Пушкина, печатать который он запретил.

Мичуринские краеведы давно пытаются «открыть», где в Козлове жил генерал Пушкин и переехавшая к нему сестра Мария. Недавно журналист и вдумчивый исследователь истории края Владимир Корнеев сделал простое предположение. В те времена командиры воинских частей, как правило, останавливались в доме командующего гарнизоном. Таковым был в Козлове тот самый, весьма приметный по архитектуре, дом, где располагается наш военный комиссариат. Если это так, то именно в генеральских покоях на верхнем этаже этого здания пушкинский архив и сохранялся в течение двух лет, до октября 1880 года.

Дальнейшую его судьбу определили торжества по случаю открытия в Москве (июнь 1880 года) памятника Пушкину работы скульптора А. Опекушина.

Весной того же года Александр Александрович получил письмо от хранителя отделения рукописей Румянцевского музея. Ученый убеждал его в том, что хранившиеся в Козлове «...бесценные пушкинские бумаги надо, наконец, поместить в надежное государственное хранилище».

После долгих раздумий Александр Александрович обратился к директору Румянцевской библиотеки В.А. Дашкову с письмом, в котором он сообщал:

«Милостивый государь Василий Андреевич! В ознаменование торжественного дня открытия в Москве памятника отцу моему Александру Сергеевичу Пушкину, предполагая передать в общественную собственность сохранившиеся у меня подлинные рукописи его сочинений, я избрал местом хранения их на вечные времена находящийся под Вашим управлением Румянцевский музей, куда эти рукописи и будут доставлены... Ваш покорный слуга Александр Пушкин, г. Козлов, 9 мая 1880 г.».

Пройдет еще два года, и с осени 1882 года драгоценный пушкинский архив, в том числе и (впервые!) дневник Пушкина, покинув последнее уединенное пристанище в Козлове, станет доступен для свободного исследования феномена его творчества. ■

Виктор КОСТРИКИН

ВАСИЛИЙ КУБАНЁВ РОДИЛСЯ 13 ЯНВАРЯ 1921 ГОДА В СЕЛЕ ОРЕХОВО КАСТОРЕНСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ. ЖИЗНЬ ЕГО ОКАЗАЛАСЬ ТРАГИЧЕСКИ КОРОТКА: ОН ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОЭТОВ, В КОТОРОМ БЫЛИ МУСА ДЖАЛИЛЬ, ПАВЕЛ КОГАН, МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ, АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ, НИКОЛАЙ МАЙОРОВ, ЕЛЕНА ШИРМАН – ИХ ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ОБОРВАЛА ВОЙНА.

Василий Кубанёв

Читать Вася Кубанёв научился рано, и в 10 лет стал завзятым книголюбом, пробовал писать стихи. В 1935–1936 годах его уже хорошо знают как автора многих запоминающихся стихов, очерков. В 1937 году, когда семья переехала из Острогожска Воронежской области в Мичуринск, Василий перешёл в 10-й класс Мичуринской средней школы № 1 и успешно занимался в литературной группе «Мичуринской правды». «Стихи о нас», «Ленин», «Маяковский», «Сегодняшнее» не только публиковались на страницах районной газеты, но и горячо воспринимались рабочей аудиторией на заводе имени В.И. Ленина, куда Василий Кубанёв приходил со своими одноклассниками.

Перед Великой Отечественной войной Василий работал в редакции газеты «Новая

жизнь» города Острогожска, учительствовал в малокомплектной школе хутора Губаревка. У него было множество друзей среди колхозников, школьников, студентов. Острогожцы любили этого подвижного юношу в черной сатиновой косоворотке и серых хлопчатобумажных брюках за его очерки о школе, рецензии на фильмы и спектакли, а особенно за стихи и хлесткие фельетоны.

В первый же день войны с фашистской Германией Василий Кубанёв принес в военкомат заявление, чтобы его добровольцем направили на фронт. Весной 1942 года поэта не стало. Он похоронен в Острогожске. На обелиске высечены слова:

*«Либо совсем не гореть,
либо гореть во всю силу!»*

Эти слова стали девизом пионерских отрядов и дружин, названных именем Василия Кубанёва. Именем поэта названы улицы городов Воронежа, Мичуринска, Острогожска. Его книги, собранные из уцелевших от пламени войны стихов, писем, дневников, афоризмов, стали «учебником жизни» для многих молодых людей. Его строки «идут в наступление».

Дважды рожденным назвали Василия Кубанёва поэты Геннадий Лутков из Воронежа и Сергей Бирюков из Тамбова. 13 января 2001 года исполняется 80 лет со дня рождения крестьянского мальчика Васи в селе Орехово Курской области, а 7 ноября 1955 года была подписана к печати посмертно его первая книжка «Перед восходом», собранная по строчкам, по листочкам друзьями, вернувшимися из пламени Великой Отечественной. Возвращением из небытия назвал эту подвижническую многолетнюю работу постоянного поиска новых источников и издания более полных сборников всемирно известный поэт Константин Симонов в письме к издателю и другу Кубанёва Борису Ивановичу Стукалину. Проникновенно и высоко оценивает он талант поэта в своем письме от 5 мая 1978 года.

Константин Симонов
Москва

Борису Ивановичу Стукалину

Дорогой Борис Иванович, поехал лечиться сюда, в Кисловодск, взял с собой книгу Василия Кубанёва, о котором мы с вами говорили. Взял то издание, которое вышло в «Молодой гвардии» в серии «Тебе в дорогу, романтик» под названием «Если за плечами только восемнадцать».

Честно говоря, прочитав эту книгу, я как-то даже удивился – как же это вышло, что только имя и фамилия Василия Кубанёва где-то застряли у меня в памяти, а всё, что с ним связано, прошло мимо сознания. Видимо, просто-напросто не читал, только мельком слышал или видел какие-то стихи, листая один из сборников.

Вы сделали очень хорошее дело, приложив столько усилий к тому, чтобы вернуть из

небытия эту редкостную по своим задаткам и по силе души личность и то, что удалось найти из написанного Кубанёвым.

Когда читаешь что-то давно, в годы твоей юности написанное, невольно сличаешь собственные мысли, собственный уровень размышлений и способности, в том числе литературные, со всем этим же самым у человека, которого читаешь. Кубанёв моложе меня на шесть лет, и, в сущности, очень многие его стихи, в том числе из лучших, и очень многие записи, в том числе из самых серьезных и не только душевно содержательных, но и политически дальновидных, относятся к тридцать девятому году, когда ему было восемнадцать, а мне – двадцать три, двадцать четыре, и я уже ехал в то лето на Халхин-Гол. Однако в его мыслях того времени и насчет пакта, и насчет школы, и про то, что однажды крикнув и криком призвав к порядку, придется всю жизнь потом кричать, и многое другое – до много из этого я, по совести говоря, не допер еще и к двадцати трем, двадцати четырем годам. И уж тем более до многого из этого не дорос тогда, когда мне было, как ему, восемнадцать, где-то в тридцать третьем году.

Сравниваю с собой не из эгоцентризма, а просто от себя как-то очевиднее плясать, как от печки, в таких случаях, потому что где-то, когда читаешь эту книжку Кубанёва несколько раз – хочешь не хочешь, а возвращаешься к мысли, что вот ты, сейчас уже старый человек, довольно известный писатель, написавший много книг, прочтенных, в общем-то, миллионами людей, – и вот перед тобой книжка человека, жизнь которого оборвалась на двадцать первом году жизни и который, исходя из твоего собственного сегодняшнего ощущения, обладал в юности большими задатками, чем ты; при этом он явно обладал еще и характером, это явствует из всего им написанного и подуманного о жизни. А характер в нашем издательском деле – тоже полдела...

И вот, прикинув всё это, с горечью думаешь, что смерть на двадцать первом году жизни утащила из литературы человека, который, будь он жив, был бы способен сделать в этой литературе и больше, чем ты сделал, и больше, чем сделали многие другие дожившие до твоего возраста писатели. Горькое

чувство, заставляющее задним числом с особенной остротой воспринимать именно такие вот давние и безвременные потери.

Наверное, мысли мои сходны с теми мыслями, которые у многих русских литераторов и поэтов были когда-то в девятнадцатом веке о Веневитинове.

Я по привычке своей выписал некоторые вещи, особенно интересные на мой взгляд, среди того, что напечатано в книжке Кубанёва. Этих выписок оказалось, даже неожиданно для меня, много. Думаю, что они вспомнятся и пригодятся.

Что до самой книжки, то, по-моему, она наилучшим образом составлена: спокойно, разумно, рационально; и тон вашего предисловия, и тон, найденный в комментариях сестрой Кубанёва, – всё это сходится и сливается в единое звучание книги. Очень и очень хорошая книга.

Последние одно-два десятилетия мне часто приходилось сталкиваться с тем, что нашему, а – шире говоря – нашим поколениям, воспитанным, отчасти самовоспитанным, в те предвоенные годы, отказывают в наличии тех мыслей, соображений, чувств, очень простых и неоднолинейных, которые на самом деле имелись и в наших головах, и в наших сердцах. Мне давно хочется написать на эту тему и, может быть, когда я буду писать об этом, выписки из Кубанёва – и из стихов, в меньшей степени, и из писем его и дневниковых заметок, в большей степени – лягут в основу некоторых весьма существенных для меня рассуждений и даже, пожалуй, выводов.

Желаю вам всего самого доброго, дорогой Борис Иванович, и главное среди всего доброго – здоровья.

Ваш Константин Симонов.

5.05.1978 г.

Явным подтверждением популярности творчества Василия Кубанёва были многочисленные отклики читателей, хранящиеся в издательствах Москвы, Воронежа, на которые приходилось отвечать увеличением объема сборников и возрастанием тиражей от скромных 5 тысяч экземпляров до 15, 20, 60 и даже ста тысяч книжек в «Молодой гвардии» в Мо-

ске. Ни в 60-е, ни в 80-е годы почти невозможно было встретить его книги в букинистических отделах. Ими дорожили молодые читатели особенно. В них было «свое истолкование бытия». Издание 1987 года лирических дневников юноши было раскуплено в Воронеже в два дня. В других городах оно стало библиографической редкостью, как и первое издание «Перед восходом». Но даже из этих двух маленьких по объему и тиражу книг можно извлечь немало созвучных каждому читателю мыслей о цели жизни, о назначении человека.

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВАСИЛИЯ КУБАНЁВА

- Кубанёв В. Перед восходом. Стихи, фельетоны, из дневников и блокнотов. – Воронеж: Воронеж, кн. изд-во, 1955. – 116 с.
- Кубанёв В. Идут в наступление строки. Стихи, фельетоны, дневники, письма. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 336 с.
- Кубанёв В. Идут в наступление строки. Стихи, фельетоны, дневники, письма. Изд. 2-е. М.: – Молодая гвардия, 1960. – 413 с.
- Кубанёв В. Идут в наступление строки. Стихи, фельетоны, дневники, письма. Изд. 3-е. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. – 399 с.
- Кубанёв В. Человек-солнце. Стихи, размышления, афоризмы. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1972. – 247 с.
- Кубанёв В. «Если за плечами только восемнадцать...» Стихи. Письма. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 256 с. (Тебе в дорогу, романтик)
- Кубанёв В.М. Стихотворения. Эскизы поэм. Миниатюры. Письма. Дневники. Афоризмы. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1981. – 366 с. (Отчий край)
- Кубанёв В., Чекмарев С. Стихи, дневники, письма. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 366 с. (Б-ка юношества)
- Кубанёв В. «Кто знает, что значит любить?» Стихи-миниатюры. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – 109 с.

***

Изумруды всех семян и зерен
 В души жизнь забрасывает нам.
 И, как в самом тучном черноземе,
 Прорастают эти семена.
 Я следил ревнивым, жадным оком,
 Как цвели в душе моей сады,
 Наливались пьянящим соком
 Крупные, тяжелые плоды.
 От всего берег плоды я эти
 И хотел их людям подарить,
 Чтоб могли они в других столетях
 Обо мне с любовью говорить.
 Но с налету, с громом, с градом, с ветром
 Буря ворвалась в мои сады
 И сбивает, бешеная, с веток
 Не совсем созревшие плоды.

ПУШКИН В ССЫЛКЕ

Неужели и ты вдруг стал
 Благопристоен и стар?
 Вьюга воет, свистит у ворот,
 Пушкин ворот руками рвет,
 Пушкин в пальцы перо берет,
 Пишет – черкает, пишет – рвет.
 Если б этот вот скрип пера
 (Он похож на сердечный стон)
 Вьюга вынесла со двора
 И до всех донесла сторон.
 Если б в грозный рев перерос
 Этот сдавленный скрип пера
 И до всех до людей донес,
 Что чему-то пришла пора!
 Если б этот вот крик пера
 Обратился в набатный звон,
 Возвестил бы, что встать пора,
 И стряхнуть с себя слабый сон,
 И рассеять постыдный гнет...
 Пушкин думает, мажет, рвет.
 Через какой-то срок,
 Ну, хотя б через целый век,
 Кто узнает, каких же строк
 Не сберег этот человек?
 Но затем-то и надо жить,
 Но затем и годы прошли,
 Чтобы те, кому после быть,
 Уничтоженное прочли
 В том, что к ним сквозь лета дойдет...
 Пушкин пишет, пишет и рвет...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Я помню
 первую встречу
 с ним.
 Я, малыш,
 себе мир открывал
 наощупь
 И брал
 со словесных кипящих нив
 То,
 что полегче,
 и то,
 что попроще.
 Я покой
 охотно на игры менял,
 Сердцем любя
 непоседливость с детства.
 Спокойные ритмы
 стесняли меня,
 Казалось, от них
 никуда не деться.
 Томики с вывесками
 «Майков» и «Фет»
 Плотно смыкали
 свои корешки.
 Скучно-красивые,
 как коробки
 из-под конфет
 Или
 как мертвые бумажные венки,
 И своим смешеньем
 облаков и ласк,
 Своею «лирой»,
 «страданием»
 и «душою»
 Старательно закрывали
 от мальчишеских глаз
 Что-то
 очень нужное
 и очень большое.
 Я жил,
 как больные живут – со страхами,
 с этим скопищем
 толстых раззолоченных книг.
 Но тонкая книжка
 стихов про знахарей*
 Совсем оказалась
 не похожей на них.

* Агитстихи В. Маяковского.

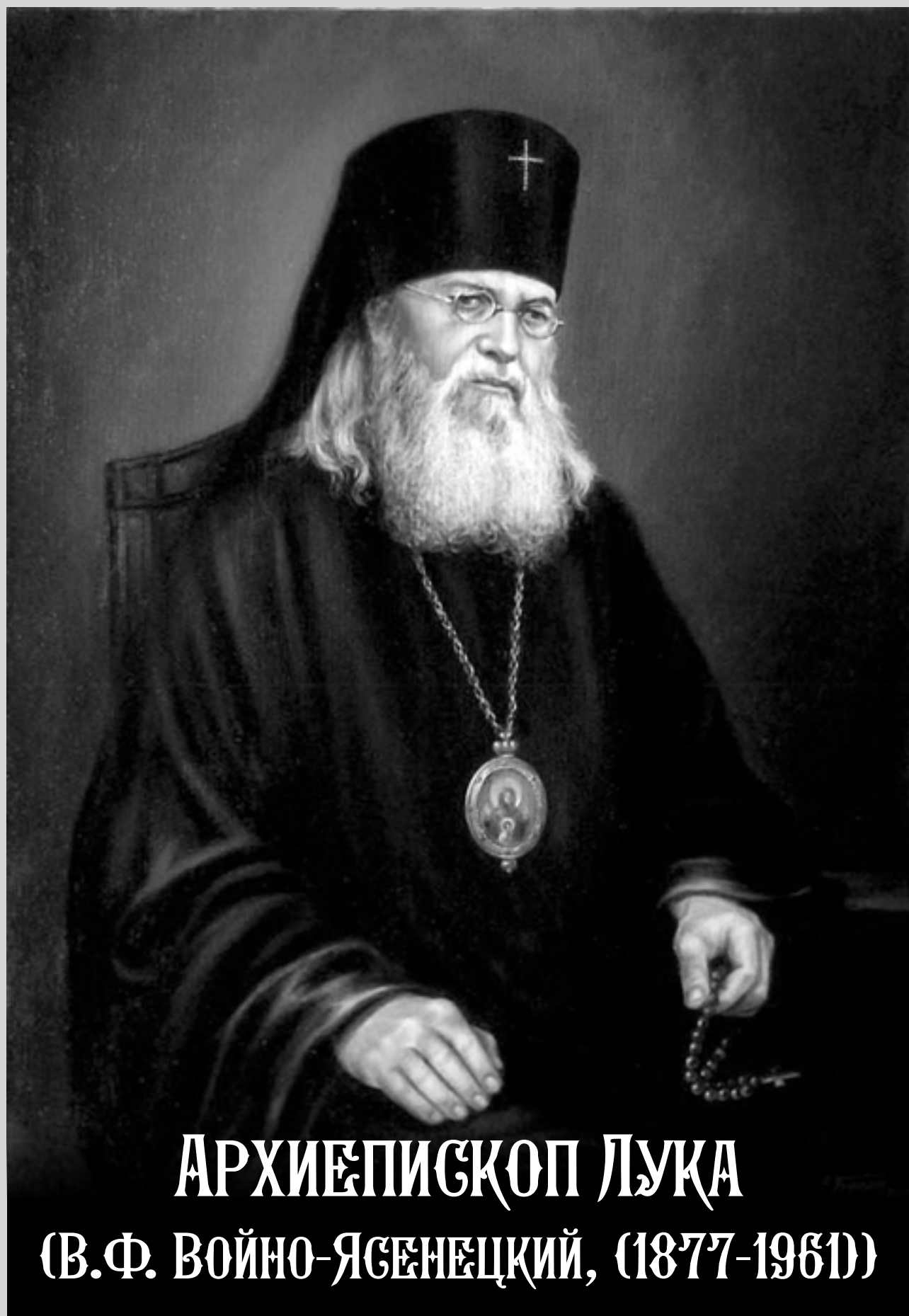

Размер –
могуч,
подвижен,
не строг.
И мысль –
как следы
на снегу подталом.
В этих железных
изломах строк
Пряталось то,
чего мне не хватало.
Я уже не ходил
пешком под стол,
Но, к ямбам привыкший
с начала роста,
Не знал,
что можно писать
о простом
Так увесисто,
жарко
и просто.

Сразу
властно вошли, как живые,
Стихи его в мир
неширокий мой...
А его самого –
я увидел впервые
В газете
с траурной каймой.
Я мнил поэта
странным и хрупким,
Встрепанным, бормочущим
какие-то слова.
А у этого –
большие
жилистые руки
И круглая
стриженная голова.
Лицо,
налитое гордой силой,
Похожее на страстный
воинственный клик,
И весь он –
глыбистый, близкий и милый –
По-земному прост
и велик.
С глазами,
емкими, как полные чаши,
Он был
на каменщика похож.

Нелеп был выстрел его,
прозвучавший,
Как древняя первоапрельская ложь.
Я горечь слез проглотил тогда
И себе приказал:
«Зови и мсти!
Плавь свое сердце
в огне труда
И лей эту лаву
в звенящий стих.
Новое делая и новое любя,
Мсти пошлости,
в какой бы она ни пряталась
угол.
Она отняла у страны
и у тебя
Такого
неповторимого
друга!»

АРХИЕПИСКОП ЛУКА И ВАЛЕНТИН ФЕЛИКСОВИЧ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ — ДВА ИМЕНИ, ОДНА СУДЬБА...

27 АПРЕЛЯ 2017 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО – ВИДНОГО УЧЁНОГО-ХИРУРГА, ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ, ОСНОВОПОЛОЖНИКА ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ХИРУРГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ – ГНОЙНОЙ ХИРУРГИИ, ПИОНЕРА ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ МЕСТНОЙ (РЕГИОНАРНОЙ) АНЕСТЕЗИИ, ОДНОГО ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ТУРКЕСТАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ВОЕННОГО ХИРУРГА, ЛАУРЕАТА СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ ПО МЕДИЦИНЕ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ И СЯТИТЕЛЯ ЛУКИ – СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ, АРХИЕПИСКОПА КРАСНОЯРСКОГО, ТАМБОВСКОГО И МИЧУРИНСКОГО, СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО, ПРИЧИСЛЕННОГО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ К ЛИКУ СВЯТЫХ, АВТОРА НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ОЧЕРКИ ГНОЙНОЙ ХИРУРГИИ» И «ПОЗДНИЕ РЕЗЕКЦИИ ПРИ ИНФИЦИРОВАННЫХ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ РАНЕНИЯХ СУСТАВОВ» И БОГОСЛОВСКОГО СОЧИНЕНИЯ «ДУХ, ДУША И ТЕЛО», УЗНИКА ТЮРЕМ И ССЫЛОК.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в Керчи в семье провизора. Он являлся потомком старинного дворянского рода, который задолго до его рождения обеднел. Первым из рода, сумевшим опять встать на ноги и получить образование, был отец Феликс Станиславович.

В конце 80-х годов семья переехала в Киев. С детства у В. Войно-Ясенецкого проявилась страсть к рисованию, и одновременно с гимназией он окончил художественную школу, в которой проявил немалые способности. Влечение к живописи было настолько сильным, что он решил поступать в Петербургскую академию художеств. Во время вступительных экзаменов он задумался о том, правильный ли жизненный путь избирает. Колебания кончились решением, что он не вправе заниматься тем, что нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей.

В.Ф. Войно-Ясенецкий окончательно выбирает себе стезю врача, где могут наиболее полно раскрыться заложенные в его характере человеколюбие, стремление помогать простому народу. В 1898 году он стал студентом Киевского университета имени святого князя Владимира. Учился он хорошо и неожиданно для себя увлёкся анатомией. «Умение весьма

тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии... Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии», – писал в своих мемуарах В.Ф. Войно-Ясенецкий. Уже на втором курсе его однокурсники единогласно решили, что он будет профессором анатомии, и через 20 лет он действительно стал профессором топографической анатомии и оперативной хирургии.

Окончив в 1903 году университет с отличием, он заявил о том, что хочет быть всю жизнь участковым земским врачом. Сразу стать земским врачом ему не пришлось, так как началась Русско-японская война, и он по личной инициативе отправился в составе Киевского лазарета Красного Креста в Забайкалье. По прибытии на место начался приём раненых с поля боя, и молодой хирург Войно-Ясенецкий весь уходит в работу, непрерывно оперируя солдат и офицеров. Здесь впервые проявились его талант и призвание хирурга. Вскоре он был назначен заведующим хирургическим отделением госпиталя. Операции, проводимые Валентином Феликсовичем, были сложными и проходили безупречно, неудач не было. В это время он женился на сестре милосердия Анне Васильевне Ланской.

После окончания войны молодые супруги отправились в уездный город Ардатов

Архиепископ Лука с сыновьями

Симбирской губернии, где в земской больнице открылась вакансия хирурга. Он был одновременно хирургом и терапевтом, педиатром и акушером. С раннего утра и до позднего вечера врач принимал больных, оперировал, разъезжал по окрестным селениям. Где бы ни работал Валентин Феликсович, а это были земские больницы Саратовской, Курской, Ярославской губерний, всюду за ним шла молва как о замечательном, никому не отказывающем докторе. С самого начала своей практической деятельности земский врач Войно-Ясенецкий активно занимался и научной работой. Его пытливый ум искал первопричину многих заболеваний, но прежде всего гнойных инфекций в человеческом организме.

В первые годы своей врачебной практики молодой врач углубленно занимался вопросами местной анестезии и написал по итогам своих исследований несколько научных статей. Эти серьезные разработки закончились написанием монографии «Регионарная анестезия», блестяще иллюстрированной самим автором. Этот труд был признан многими современниками лучшей работой года в России и удостоен премии Варшавского университета. В 1916 году Валентин Феликсович защитил по этой теме диссертацию, получив степень доктора медицины.

В начале 1917 года доктор Войно-Ясенецкий был избран по конкурсу главным вра-

чом Ташкентской городской больницы. Шла Гражданская война. В больницу доставляли тяжелораненых, и главврача неоднократно ночью поднимали с постели на операцию. И никогда он не возмущался и никому не отказывал в помощи. Никто не видел его гневным, всплывшим или раздраженным. Он всегда говорил спокойно, негромко, никогда не повышая голоса и не выходя из себя. Своё негодование выражал тем же спокойным голосом. Тогда же случилась беда в доме у самого доктора – тяжело заболела жена, у неё был обнаружен туберкулёз лёгких.

В 1919 году Валентин Феликсович стал профессором Ташкентского университета. В те страшные революционные годы церковь подвергалась жестоким гонениям со стороны большевистской власти. Именно тогда Войно-Ясенецкий впервые был арестован по доносу одного из медбратьев больницы. Это испытание, хотя и закончившееся благополучно, окончательно подорвало здоровье Анны Васильевны, и вскоре она умерла. Валентин Феликсович остался один с четырьмя детьми.

Врач Войно-Ясенецкий был глубоко верующим человеком, и религиозные убеждения накладывали отпечаток на весь стиль его работы. Это не прошло незамеченным безбожной властью. В те годы, помимо открытых гонений, Русской православной церкви пришлось бороться с ересью так называемой живой церкви, которая была создана большевистской властью для раскола клира и верующих и отдаления их от истинной веры.

В этот трудный для церкви период Валентин Феликсович проявил себя как истинный христианин, он регулярно посещал богослужения, часто выступал с беседами на темы Священного Писания. Однажды он выступил с речью на епархиальном собрании о положении дел в Ташкентской епархии. Архиепископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий был поражён глубиной веры молодого врача. Его слова «Доктор, вам надо быть священником» были восприняты никогда не помышлявшим о священстве В.Ф. Войно-Ясенецким как Божий призыв. В 1921 году он был рукоположен в сан диакона, а уже через неделю его назначили священником

Ташкентского кафедрального собора. После трёхлетнего служения в сане иерея он принимает монашеский постриг с новым именем в честь апостола Луки – евангелиста, иконописца и врача.

Архиепископ Лука получил благословение патриарха Тихона не оставлять своей научной деятельности. Отныне в одном человеке сочетаются две жизненные линии, две судьбы, и какая из них более значимая – сказать трудно. Ясно только, что его беззаветная вера в Бога служила надёжной опорой в неустойчивой деятельности врача. Она поддерживала и в неисчислимых страданиях, которые ему предстояло перенести в последующие годы.

Вскоре новопоставленный епископ Лука был арестован. Огромный авторитет и влияние владыки Луки вызвали недовольство ответственных чинов из ГПУ, и они решили убрать его из Ташкента. Сначала его привезли в Москву и заключили в Бутырскую, затем в Таганскую тюрьму, где условия содержания были очень тяжёлыми. Именно тогда у епископа Луки проявились первые симптомы сердечной недостаточности – болезни, которая сопровождала его до конца жизни.

В декабре 1923 года был сформирован этап, и святитель Лука был отправлен в первую ссылку в Сибирь. Местом жительства ему временно был определён Енисейск. Но и в ссылках он не оставлял научной работы. В журнале «Вестник хирургии» за 1924 год вышла его статья о гнойных воспалениях. Между второй и третьей ссылками вышел в свет его фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии», ставший впоследствии настольной книгой для многих поколений отечественных врачей. Медики высоко оценили этот серьёзный научный труд. «Пожалуй, нет другой такой книги, которая была бы написана с таким литературным мастерством, с таким знанием хирургического дела, с такой любовью к страдающему человеку», – писал один из его коллег. Материал книги изложен необыкновенно ясно, понятно и вместе с тем высокопрофессионально. Так мог писать только человек, который сам начинал работать без практической помощи и руководства.

Однако издание этой книги, столь необходимой для медицинской науки, задержалось

на многие годы, поскольку автор настаивал на том, чтобы на обложке стояло его монашеское имя. За этот труд в 1946 году он получил Сталинскую премию первой степени.

Находясь в ссылках, Войно-Ясенецкий постоянно оперировал в больницах, принимал больных у себя на дому. После первых же удачных сложнейших операций к хирургу-епископу хлынул народ из окрестных сёл и деревень. В совершенно, казалось бы, неприемлемых для этой цели условиях он оказывал медицинскую помощь всем, кто в ней нуждался. Такая популярность среди жителей раздражала местное начальство, и оно отправило владыку Луку в Туруханск, который находился ещё на 2 тысячи километров севернее, а затем и вовсе за Полярный круг в посёлок Плахино, где царил вечная мерзлота. В лютые морозы, которые стояли зимой

Фото заключенного Войно-Ясенецкого

1924/1925 года, такое путешествие было равносильно смертному приговору. Здесь епископ Лука страдал не столько от тяжелейших климатических условий, сколько от того, что жители посёлка были абсолютно далёкими от Церкви.

Туруханская ссылка закончилась в январе 1926 года, и архиепископ Лука возвратился в Ташкент к своим детям. Однако здесь он очутился в атмосфере клеветы в свой адрес со стороны бывших церковных сотрудников и был вынужден оставить епископскую кафедру, но продолжал выполнять свою миссию милосердия. Враги его только и ждали повода, чтобы вновь навредить архипастырю.

23 апреля 1930 года святителя Луку вновь арестовали, чтобы добиться отречения от священного сана. После мучительных допросов, объявленной голодовки, страшного года тюремного заключения несомненно-го епископа отправили в новую ссылку – на север России. Эту ссылку он считал лёгкой: в Архангельске ему было позволено заниматься хирургической деятельностью. Был освобождён в конце 1933 года.

В жизни владыки Луки наступила долгожданная передышка, и он на целых два года получил возможность спокойно жить рядом со своими детьми в Ташкенте. Он получил в распоряжение главную операционную в Институте неотложной помощи, руководил самым большим корпусом этого института. Дети тоже радовали отца: все они пошли по его стопам, связав свою жизнь с медициной.

Епископу Луке было уже за 60 лет, когда его в четвёртый раз арестовали в 1937 году. Длительное, в течение нескольких лет, тюремное заключение, издевательства и побои, карцер и «конвейер» – изуверский приём, когда заключённого допрашивали в течение многих дней – всё это испытал на себе Владыка. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днём, ни ночью. Известно, что епископ-врач никогда не брал денег у больных, напротив, отдавал свою зарплату на дела милосердия. Он помогал больным, бедным, всем обездоленным и ссыльным. Всё это раздражало власть имущих, и его вновь выслали в Сибирь, в Красноярский край. Это была уже третья ссылка святителя.

Когда началась Великая Отечественная война, владыка Лука тут же предложил свою медицинскую помощь раненым. Он отправил председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину телеграмму следующего содержания: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку». В это время в Красноярске организовывался эвакогоспиталь. В октябре 1941 года епископ Лука был назначен главным хирургом этого госпиталя и консультантом всех госпиталей Красноярского края. Он с головой погрузился в многотрудную и напряжённую работу. Ему приходилось делать самые сложные и тяжёлые операции, раненые очень любили своего доктора.

Напряжённая работа в госпиталях давала блестящие научные результаты. В конце 1943 года вышло второе издание «Очерков гнойной хирургии», переработанное и до-

*Архиепископ Лука
со священством
Тамбовской епархии*

полненное, а в 1944 году вышла в свет книга «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». В 1946 году за эти два труда святителю была присуждена Сталинская премия по медицине первой степени. Из двухсот тысяч рублей 130 тысяч владыка перечислил в помощь детям, пострадавшим в войне.

В 1944 году, вслед за победоносным наступлением советских войск, эвакуогоспитали переехали в Тамбов. По окончании ссылки, в 1943 году, архиепископ Лука был назначен в Тамбов. В Тамбовской области до революции было 110 церквей, а владыка Лука застал всего две: в Тамбове и Мичуринске. Проблема перевода несколько месяцев согласовывалась между патриархией и Наркомздравом. Наконец нарком телеграфировал: «Намерены перевести Вас в Тамбов, широкое поле деятельности в госпиталях и крупной больнице». Святейший Патриарх Сергей специальным указом назначил владыку Луку архиепископом Тамбовским и Мичуринским. В начале 1944 года владыка Лука переехал в Тамбов.

В управлении епархией архиепископ Лука столкнулся со множеством трудностей. Покровский храм, в котором долгие годы находилось рабочее общежитие, доведён был до последней стадии запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами.

Владыка Лука без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось 150 госпиталей, от пятисот до тысячи коек в каждом. Консультировал он также хирургическое отделение большой больницы. В Тамбовской епархии владыка Лука восстановил и освятил несколько храмов, сосредоточив свои усилия на восстановлении приходской жизни. Богослужения, совершаемые архиепископом Лукой, отличались высокой духовностью и молитвенностью. Много сил он отдавал просвещению паствы. Огромное впечатление на прихожан производили проповеди святителя. Их приходили послушать и верующие, и неверующие, в том числе и представители интеллигенции. Их записывали прямо в храме, а затем перепечатывали на машинке.

С первых же дней управления епархией владыка ходатайствовал об открытии в Тамбове большого двухэтажного Спасо-Преображенского собора, который вместил бы всех верующих, но местные власти всячески препятствовали этому. Председатель облисполкома относился к владыке Луке неплохо, считая, что он – медик, случайно попавший в «церковный омут». Однажды он пригласил владыку к себе и спросил, чем он может премировать его за хорошую работу в госпитале.

Владыка сказал: «Откройте городской собор». На отказ это сделать он ответил: «А другого мне ничего от вас и не нужно».

В конце 1945 года владыку и его секретаря пригласили в облисполком, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После вручения медалей председатель сказал, что хотя труд Войно-Ясенецкого как консультанта эвакогоспиталя завершён (госпитали осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил и готов учить врачей тому, что я знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы ещё многим, если бы вы (он подчеркнул это «вы», давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле».

В мае 1946 года владыка Лука в возрасте семидесяти лет был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского. Приехав в Симферополь, он в полной мере ощутил тяжесть разрухи первых послевоенных лет. Здесь он все свои усилия сосредоточил на устроении епархиальной жизни. Позже он получил разрешение на медицинскую деятельность. Владыка Лука как хирург и профессор читал доклады, лекции врачам, оперировал больных и раненых. Он был консультантом госпиталя в Симферополе, помогал госпиталю инвалидов Великой Отечественной войны, продолжал врачебную практику у себя на дому.

Напряженная работа сказывалась на здоровье архиепископа Луки, зрение его стало резко ухудшаться, и в 1956 году он окончательно потерял его. Жизнь архиепископа Луки клонилась к закату. Скончался он 11 июня 1961 года, в день памяти всех святых, в земле Российской просиявших. Несмотря на строгий запрет партийных властей, похороны архиепископа вылились во всенародную демонстрацию.

Разносторонняя деятельность Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки, этого великого человека, оставила глубокий след в истории Тамбовщины. Память о нём свято чтут в храмах. В Тамбовском музее истории медицины отражена деятельность этого врача, хирурга милостию Божьей, профессора. На доме, в котором жил архиепископ Лука, была открыта мемориальная доска. В 1993 году патриарх Алексий II освятил вторую городскую больницу, которой было присвоено имя архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в память о том, что он служил хирургом в госпиталях Тамбова. На территории больницы установлен памятник архиепископу Луке работы тамбовского скульптора, врача этой больницы Ю.Г. Юсупова. В 1995 году Тамбовским епархиальным управлением была учреждена премия имени архиепископа Луки, которой награждают лучших медицинских работников.

Определением Синода Украинской православной церкви от 22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был прославлен как местночтимый святой. В 2000 году юбилейный архиерейский Собор Русской православной церкви причислил архиепископа Луку к лику святых.

И как при жизни архиепископ Лука всячески помогал болящим, никому не отказывая, так и после его смерти каждый, кто приходил на могилу святителя и с верой и любовью просил его о помощи, получал исцеление. Таких случаев было множество.

*...Событий всяких было много
 в железный отошедший век.
 И был всегда угоден Богу
 простой смиренный человек.
 Божественна его основа,
 высок его духовный сан...
 И Войно-Ясенецкий снова
 любовью лечит прихожан.*
 Валентина ДОРОЖКИНА

О жизни и деятельности Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки, написано много книг, научных статей, стихотворных произведений. Тамбовскому периоду его жизни посвящены следующие издания:

- Лисичкин В.А. Тамбовский путь Святителя Луки. – М., 2010. – 664 с.
- Быкова В.И., Щукин Ю.К. Архиепископ Лука. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий в Тамбове. – Тамбов, 2002. – 35 с.
- Долгушин И.С. Врачи, внесшие вклад в здравоохранение Тамбовщины и страны. – Тамбов, 2012. – С. 53–54.
- Кученкова В. Житие архиереев тамбовских. – Тамбов, 2012. – С. 151–162.
- Тамбовский паломник. Путеводитель по святым местам Тамбовской митрополии. – Тамбов, 2014. – С. 32, 194–195.
- Фарбер Я.И. Очерки истории медицины Тамбовского края. – Тамбов, 2001. – С. 157–172.

Наталья ВАТАГИНА,
 заведующая сектором краевед-
 ческой библиографии Центральной
 городской библиотеки Мичуринска

СОБЫТИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО МАСШТАБА В МОСКОВСКОМ ДОМЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕСЛИ СПРОСИТЬ У ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА, ЧТО СЕГОДНЯ САМОЕ ГЛАВНОЕ, ТО КАЖДЫЙ, НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, НАВЕРНЯКА ОТВЕТИТ: «МИР». ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, СЕГОДНЯ НАША ПЛАНЕТА КРОВОТОЧИТ КАК НИКОГДА. ТО ТУТ, ТО ТАМ ВРОДЕ ИЗ НИОТКУДА ВОЗНИКАЮТ ОЧАГИ НАПРЯЖЕННОСТИ. ОДНИ ИСКРЯТ ГОДАМИ, А ДРУГИЕ ВЗРЫВАЮТСЯ ВООРУЖЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ. И ВСЁ ЭТО СОПРОВОЖДАЕТСЯ КАТАСТРОФАМИ, ПРИРОДНЫМИ КАТАКЛИЗМАМИ, АНОМАЛИЯМИ.

В чем причина столь тревожной ситуации? Неужели наша Земля настолько старая, что неспособна нормально функционировать, или это всё же человек своими действиями наносит такие болезненные удары планете? Святые отцы Церкви – те, кто своей праведной жизнью и духовными подвигами стяжал Того же Святого Духа, которым написано Евангелие, – единодушно огласили непреложный закон бытия: ДУХ ТВОРИТ СЕБЕ ФОРМЫ. Именно этот закон в полной мере объясняет причины всех конфликтов и всех аномалий в мире. Не стремление «заработать» побольше денег, не жажда власти, не борьба за ресурсы – всё это поверхностно, – а именно состо-

яние духовности в обществе порождает в самом обществе и вокруг него соответствующие физические процессы. Война – один из них.

Например, почему пало российское самодержавие и Российская империя? Не потому ли, что вера в людях иссякла, трансформировалась в нечто формальное и ненастоящее, второстепенное? Не стало веры – и рухнул престол помазанника Божьего, лишенный поддержки разуверившегося народа. Точно так же развалился Советский Союз: не без помощи различных западных «голосов» десятилетиями внушалось разным народностям, населявшим СССР и жившим дружно, что именно они лучшие, а соседи плохие и даже

враги, в результате чего расслабленная, изнеженная и погрязшая в коррупции коммунистическая партия больше не могла исполнять роль «рулевого» и выпустила бразды правления. Результат – не просто развал «единого и могучего» Союза, а развал с кровной враждой!

С тех пор как был устранен «железный занавес» и смердящие волны всевозможных «свобод» хлынули в наш более-менее чистый дом, только ленивый на Западе не вбивал клинья между народами бывшего Советского Союза. Особенное старание выказывалось и выказывается в деле разделения людей России, Украины и Белоруссии.

То «доказывается», что мы разные и имеем разные корни и разную историю, то утверждается, что мы вообще не имеем никакой истории и произошли от западных племен, и поэтому должны плюнуть на свою веру и вернуться в лоно западной цивилизации, а то иезуитски подбрасывается утверждение, что мы, мол, да, похожи и являемся «братскими народами». Один единый народ разделили сначала политически, а теперь делят по национальностям, тщательно придумывая различия и сея вражду. А основа этих разделений какова? Какой базис для наших врагов разделять нас? Дух! Нам доказывают, что мы разные по духу! Разве не ясно, кто это делает? Ведь больше не прибегают к доводам насчет спорных территорий, совместного бизнеса, денежных потоков – все разделяющие деяния основаны только на разделении по духу! Кто приходит с оружием в руках в дом соседа, ничего не забирает, но требует только душу? Ответ очевиден.

Нынешний конфликт на Донбассе – как раз из таких. По сути, это очередной «крестовый поход» Запада против русских, против канонического Православия, против единства народа России, Украины и Белоруссии.

Поэтому свой голос должны сегодня поднимать не только политики и дипломаты, но все люди и каждый в отдельности. Победы русского оружия – это, конечно, хорошо, но что они значат без победы Духа, Духа любви, Духа дружбы и единства? И Господь в особо тяжкие времена посылает нам Свою помощь в виде тех людей и тех духоносных проектов, которые, будучи светскими по форме, являются глубоко

духовными по сути и призваны восстановить в наших людях баланс духовности.

Так, еще за пять лет до трагических событий 2014 года, без сомнения, промыслом Божиим начал свою деятельность Международный центр развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» (г. Москва). У основателя центра Владимира Васильевича Березовского возникла идея написания иконы, на которой были бы изображены все основатели пяти лавр Святой Руси, а также идея разместить эти иконы во всех лаврах, как бы замыкая некое Благодатное кольцо. Ведь лавры – это монастыри с особым статусом и особо почитаемые в народе, а то, что они расположены именно так, а не иначе (три лавры протянулись с запада на восток Украины, а еще две находятся в обеих столицах России), является очень знаковым. Проект «Святые Лавры Руси Православной – Благодатное Кольцо» был призван напомнить людям России, Украины и Белоруссии об общих духовных корнях, пробудить народ от современной бездуховной спячки и вооружить Добром против сил зла, которые сегодня пошли на нас жестоким боем.

И сначала всё шло, как должно: в крестных ходах в лаврах с новой иконой шли знаменные группы молодежи в национальных костюмах с тремя государственными флагами, шли вместе, шли с общей молитвой на устах и с общей уверенностью, что все эти действия лишь подтверждают общеизвестный факт единства народа трех стран и укрепляют его. Но вот грянула война, и факт единства стал не столь безоблачным и очевидным, а промыслительность и первостатейная важность проекта «Святые Лавры Руси Православной – Благодатное Кольцо» вышли на первый план! То есть проект не мог начаться раньше, чтобы вручить до войны все иконы, но он не мог начаться и позже, во время войны. Он начался и набирал свою силу именно тогда, когда Господь посчитал это наиболее необходимым и значимым. Это стало главным чудом проекта – чудом самого его возникновения и чудом его своевременности.

Все, кто участвовал в проекте, не сомневались ни на минуту, что он дан нам свыше. А участвуя в нем, еще и убеждались в этом

снова и снова. Так, икона «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси», благословленная в Москве, прибыла без единой запинки в Киево-Печерскую лавру уже в разгар горячей фазы конфликта на Донбассе. В суматохе приготовлений к Пасхальному богослужению ее, посчитав «одним из многочисленных подарков», вынесли из алтаря Трапезного храма и спрятали в ризнице. Храм уже заполнил народ, съехались и уже облачились все архиереи, вот-вот к воротам храма подъедет Благодатный огонь из Иерусалима, а икона заперта, и кто ее откроет – неизвестно. У участников проекта уже начало зарождаться отчаяние, как вдруг ризничий сам подошел к группе и быстро повел в ризницу. Из ризницы икона вышла уже не в пустом храме, а прошла сквозь благоговейно расступившихся прихожан и заняла место около амвона. И тут же следом в Трапезный храм внесли Благодатный огонь! Ну не чудо ли? Святые небесные покровители лавр Руси захотели явить икону торжественно, привселюдно, предтечей Благодатного огня!

А чудо перевозки двух икон из Москвы в Почаевскую лавру? На рейсовый автобус Москва – Киев куплены билеты, взяты все разрешения и багажные квитанции, но вот подходит большой полуторазэтажный автобус, а места для икон нет! Участники проекта расстроены, водитель заверяет, что если бы знал габариты икон, то предупредил бы заранее, а так – ну нет у него в автобусе подходящего места, просто физически нет, и дело тут не в том, хочет он их везти или не хочет. Он даже немного оскорбился, когда участники проекта попросили его открыть все люки и промерять еще раз, попробовать: «Да что ж я, не знаю свой автобус? Да неужели я бы отказал, если бы было подходящее место?» Спор зашел в тупик, но к автобусу подошел обыкновенный грузчик и, что-то сказав водителю, показал рукой на вертикальный люк рядом с грузовым. Водитель молча открыл его, и... туда ровно-ровнюсенько встали две огромные иконы в киотах, стекле и транспортировочных коробах! Причем так встали, как будто это место было специально создано в этом автобусе для них и только для них! Водитель был в шоке, он даже перекрестился. Таможню

прошли очень быстро и гладко, и вскорости икона апостола Андрея Первозванного и икона «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси» прибыли в Почаев.

Это только два примера явленных во время осуществления проекта чудес, но необходимо повториться, что главным чудом была всё-таки промыслительная своевременность и значимость проекта. Настоятель Александр-Невской лавры владыка Назарий даже подчеркнул, что «из социально значимого этот проект стал государственно значимым».

Икона «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси» преподнесена в дар также Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, Блаженнейшему митрополиту Владимиру в Киеве, митрополиту Филарету в Минске, Святейшему Патриарху Сербскому Иринею в Жировичский монастырь в Белоруссии, на Святую гору Афон и даже побывала в космосе на Международной космической станции. Икона-объединительница – так прозвали ее в народе. Икона собрала много-тысячные крестные ходы и стала предтечей большого Всенародного крестного хода в 2016 году.

Все лавры Святой Руси получили икону-объединительницу, Благодатное кольцо замкнулось. Завершился ли на этом проект «Святые Лавры Руси Православной – Благодатное Кольцо»? Конечно же нет. Символ единства народа трех стран занял свое молитвенное место, но проект только набирает силу, и его значимость только растет.

Эстафету в деле духовного возрождения и единения народа трех стран перенял 17 апреля 2017 года Московский дом национальностей, где состоялась очередная итоговая презентация проекта.

И снова промысел Божий! Презентация прошла не в конференц-зале фешенебельной гостиницы, не в модном тусовочном салоне, а именно в старинном Доме национальностей как символе дружбы и развития всех народов. Промыслительно даже то, что подобная итоговая встреча проходила и не в церковном зале. Проект сделал часть дела и дал посыл людям из святых обителей как очагов духовности, а теперь обратная волна духовности и дружбы должна идти в мир.

Проект «Святые Лавры Руси Православной – Благодатное Кольцо», укрепленный верой и благословением лавр Святой Руси и их небесных покровителей, осененный благословением архиереев Православной церкви и молитвами десятков тысяч прихожан, 17 апреля 2017 года в Московском доме национальностей начал свой социальный путь!

Чтобы собрать в одном месте всех участников проекта и даже его друзей, наверное, не хватит стадиона, но в этот день в Доме национальностей были те, кто начинал проект, а также некоторые из тех, кто, поняв его значимость, просто не смог не прийти.

Презентация проходила очень скромно, без возбуждающих шоу и, как сейчас модно говорить, «вау-эффектов», потому что никакой «вау-эффект» не может сравниться с маленьким огонёчком лампы, который горел весь вечер у иконы «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси», если учесть, что этот огонёчек – тот самый Благодатный огонь, который привезли из самого Иерусалима и передали руководителю Международного центра Владимиру Васильевичу Березовскому!

На сцене друзья проекта искренне говорили о своих чувствах и своих планах по дальнейшей работе, а Господь освещал их искренность маленькой лампадкой около иконы. Это был краткий экскурс в историю проекта и некое подведение итогов. Никто, впрочем, так не говорил и де-юре итоги не подчеркивались, но всем было ясно, что в ту самую минуту, в тот самый вечер осознаются достигнутые вехи и совершается важное движение проекта вперед. Наверное, поэтому тот вечер в Доме национальностей нельзя назвать отчетом и тем более презентацией – в словах всех без исключения звучала динамика, готовность продолжать начатое дело и даже конкретные предложения и планы.

Почему эта презентация смело может называться событием межгосударственного масштаба? А потому что всё, точка: дальше политика «холодного прагматизма» заведет в беду. Дальше только возрождение духовности и единства – оставшийся возможным путь и последний шанс выжить в этом мире. Если мы вот так живем и сами не можем спасти себя, то последняя надежда – на Бога. Но

Бог, хоть и всемогущ, не может спасти нас без нашего на то добровольного волеизъявления. А чтобы оно появилось, нужно остановиться и задуматься, обратить свой взор в сердце своё, ибо, по словам Спасителя, «Царство Божие внутри вас есть» – именно там, а не в облаках на небе.

Давайте не повторять ошибок наших предков столетней давности. Давайте не будем и такими, как в 1991 году. Давайте всем миром станем участниками проекта «Святые Лавры Руси Православной – Благодатное Кольцо», возродим духовность и отстоим наше будущее. Сегодня никто не может стоять в стороне в роли прагматичного созерцателя. Сейчас слишком поздно для такого преступного легкомыслия – нас либо поглотит зло, либо мы, опираясь на наше единство, на веру святых отцов и на Самого Бога, выстоим и обретем крепость духа. Мы и наши дети должны жить в нормальной стране, свободной от злобы и пут разложения, и именно для этого Господь посылает нам такие проекты, как «Святые Лавры Руси Православной – Благодатное Кольцо», и именно для этого проект, замкнув ранее Благодатное кольцо, 17 апреля в Московском доме национальностей провозгласил свой путь в МИР! **А**

Александр ДОБРОДОМОВ

ПОСТНЫЙ ПОМИН

– Что же вы так долго, отец Филипп? Народ ведь уже собрался. Неудобно даже перед людьми-то... – ворчала пожилая женщина, встречая священника.

– Так ведь Великая суббота. В храме народу было много. Куличи святили, – начал было батюшка, но не успел закончить. Его оборвала хозяйка.

– А нам вот не до куличей. Идемте в дом...

И старуха бодро зашагала в сторону крыльца, не обращая внимания на гостя. Священник был немного удивлен таким приемом, но последовал за ней. Перед входом в дом он осенил себя крестным знамением и еле слышно прошептал: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас».

В доме было много народу. Не уместившись в комнатах стояли в сенях, так что священнику пришлось протискиваться между ними.

В комнате, справа, под святыми образами, стоял гроб, вокруг которого теснились люди. По-видимому, старуха уже объявила, что батюшка прибыл, потому что собравшиеся уже начали затепливать свечи. Хозяйка стояла у изголовья покойного. Рядом с ней были две уже несколько немолодые женщины в черных платках. Это были ее дочери, хотя отец Филипп их не сразу узнал. Они давно уже переехали в город и редко бывали в родной деревне.

Священник без суеты, но довольно быстро и уверенно благословил епитрахиль, поручи и начал облачаться. Он заметил, что старенькие иконы были накрыты белым руш-

ником, на концах которого были красными нитками крестиком вышиты цветы и птицы. У образов горела лампада. На стене, между окнами, висело большое овальное зеркало, которое сейчас было завешено белым полотном. В комнате было душно.

Облачившись, отец Филипп достал из кармана требник, открыл на странице, предварительно заложенной тоненькой лентой желтого цвета, и начал молитву.

Почивший старик был известен каждому жителю деревни. Прежде он служил председателем колхоза. При нем хозяйство было крепким, да и люди жили неплохо. Как начальник, он был строг, но справедлив. В работе требовал отдачи, но и сам трудился с утра до ночи, а если того требовало дело, то мог и ночью быть на «боевом посту». При этом личное его хозяйство ничуть не отличалось от соседского. Лишнего взять из колхоза он никогда себе не позволял, за что часто был упрекаем супругой.

Когда ему пришло время выходить на пенсию, пропала Страна Советов. Он тогда шутил, мол, не успел я отойти от дел, как за полгода разбили систему, не сберегли, надо было оставаться у руля. А «у руля» он всё-таки остался, правда, невольно. Мириться с несправедливостью и искусственным неравенством он не мог. В трудные времена после распада Союза помогал односельчанам, кому словом, советом, а кому и делом – письмо составить, примирить соседей, даже отдавал продукты осиротевшим вдовам, которым нечем было детей кормить. Когда в округе

начали вспоминать о духовности, наш старик помогал собирать средства на восстановление храма в соседнем селе. Еще в бытность председателем он не позволил растащить закрытую церковь на кирпичи, организовав там колхозное хранилище. Здание храма от времени и без должного ухода, конечно, обветшало, но всё же это было гораздо лучше, чем если бы церкви не было вовсе.

Вот так и прошла его жизнь. Проводить старика в последний путь собралась все, кто жил с ним рядом. Отец Филипп после похорон отправился в храм готовиться к праздничной Пасхальной службе, а всех остальных жена покойного звала на поминки. И многие пришли.

На столе, несмотря на Великую субботу и как полагается широкой русской душе, было множество разносолов. «Не могу же я опозориться на всю деревню», – говорила вдова, раздавая распоряжения помогавшим готовить. И действительно, народ был доволен. Поминки выдались торжественными, можно даже сказать, праздничными. Многие из гостей побыли в доме вдовы дотемна.

Несколько соседок и дочери помогли вдове навести порядок, и дом погрузился в тишину. Засыпая, старуха всё думала, все ли смогла угодить, всё ли было хорошо. И окончательно уверив себя, что всё в порядке, спокойно заснула.

Но спокойствие ее было недолгим. Во сне ей привиделся покойный супруг. Он сидел на своей кровати за печкой. Просто сидел и смотрел вперед. И с первого взгляда человек, который его плохо знал, мог увидеть в нем вполне ровное и, может быть, даже равнодушное расположение. Но старуха прожила с ним всю жизнь и точно знала, что таким собранно-сдержанным ее муж бывал только в моменты сильного душевного напряжения. Публичность и долгое нахождение на руководящей должности научили его внешне держаться спокойно, но никто до конца не знал, какие бури и грозы переживало его сердце.

– Дед, чего случилось-то? – неуверенно спросила жена. – Вроде всё хорошо было-то.

– Не знаю, мать, не знаю... – Он говорил протяжно, не переводя взгляда, и голос его был мрачным.

– Ну что на тебя нашло? Вон сколько народу было...

– Народу много, а толку-то. Неужто я мало сделал хорошего народу-то? Нешто меня так и любить не за что?

– Да что же это ты такое городишь! Все, ну все, вся деревня почти на поминках была!

– Была вся, а помянули только две старухи, – оборвал супругу старик.

Та всплеснула руками:

– Как две старухи?! Не понимаю...

– Так, две. Соседка Марья Максимовна да Михална, что читать по мне приходила. И всё. Больше никто. И даже ты с дочерьми будто и не были. Будто и зря я жил на свете столько лет...

Он замолчал. Теперь старик принял другой вид. Он весь сжался, стал меньше, беззащитнее. На глазах у него навернулись слезы. И старуха проснулась.

«Что это? Как же так? – думала до самого утра вдова. – Михална и пробыла на поминках меньше получаса, а потом ушла, мол, еще ночью на службу. Да и Марья Максимовна скоро ушла. Все чего-то говорили, а она всё молча сидела, а потом и ушла тоже молча. И что же он говорит, что они только и помянули, а другие нет?»

Поднялась на ноги старуха рано, только лишь начинал брезжить рассвет. Она занялась делами, но на сердце у нее было неспокойно. Еще на постели она замыслила, что отправится к Марье Максимовне спросить, как же это она так помянула ее супруга. И как только услышала, что во дворе у соседей закрипела дверь, ринулась к ним.

– Христос Воскресе, соседка! – с улыбкой приветствовала старуху Марья Максимовна.

– Воистину! Тут вот дело какое...

И стала пересказывать вдова свой сон. А на свой вопрос услышала:

– Так пост же был. Ты-то как лучше хотела, стол собрала. А про пост забыла. Помин, он церковный. А в церкви – Страстная седмица, Великая суббота. Я кутью съела, корку хлеба пожевала, Царствия Небесного твоему мужу пожелала да домой пошла. В пост только постный помин до покойников и доходит... А

Роман ЛЕОНОВ

Николай Кузьмич Щекочихин

...Идя в бой, мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою, каплю за каплей, мы отдадим за жизнь и счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина...

ЭТИ СЛОВА ЗНАМЕНИТОЙ КЛЯТВЫ КАТЕРНИКОВ И ДЕСАНТНИКОВ ЗАСТАВЛЯЮТ И СЕЙЧАС, В ОТНОСИТЕЛЬНО МИРНОЕ ВРЕМЯ, СТЫНУТЬ В ЖИЛАХ КРОВЬ, ПРОНЗАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ, ДАЮТ ПОНИМАНИЕ ТОГО, ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩЕЕ САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ. И НЕ МОЖЕТ НЕ ВОЗНИКНУТЬ ВОПРОС ОБ АВТОРЕ ЭТИХ СТРОК И В КАКИХ УСЛОВИЯХ ОНИ БЫЛИ НАПИСАНЫ.

КЛЯТВА ДЕСАНТНИКОВ

Настоящий тамбовский парень Николай Щекочихин родился в 1909 году, в селе Гололобовка Козловского уезда. Среди полей Центрального Черноземья он и подумать не мог, что вся его сознательная жизнь будет связана с водной стихией.

Призванный для прохождения срочной службы на Северный флот в 1931 году, Николай начал свою военную карьеру матросом-комендором пограничного корабля. Уже в 23 года молодой моряк стал членом ВКП(б), что говорит о его несомненной грамотности, несмотря на то что был родом из крестьянской семьи российской глубинки.

В Великой Отечественной войне старший политрук Щекочихин принимал участие с первых дней, проявляя мужество и героизм. А уже в июне 1942 года Николай Кузьмич Щекочихин воевал в звании капитан-лейте-

нанта и был комиссаром дивизиона. Основу части составляли пограничные катера. За годы войны благодаря подвигам моряков-пограничников к названию дивизиона прибавились два почетных слова: «Новороссийский» и «Краснознаменный». Большая заслуга в этом, помимо командира дивизиона Героя Советского Союза Николая Ивановича Сипягина, – его боевого заместителя по политической части Щекочихина.

Николай Кузьмич, как свидетельствуют ветераны, занимался не только организацией партийно-политической работы в части, но и, как нередко случалось, непосредственно руководил боевыми действиями сторожевых катеров, часто выходил в море на операции. Он стремился побывать на каждом катере, поговорить с каждым матросом, старшиной, офицером. Был душой части.

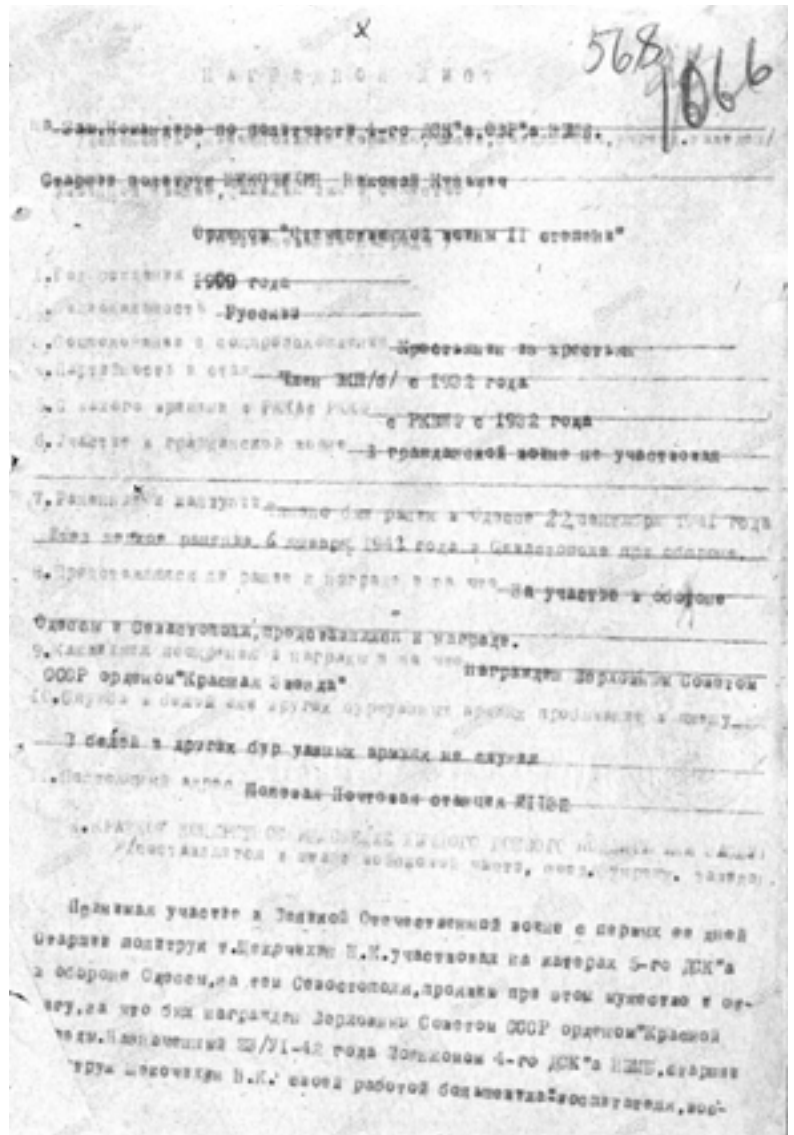
В январские дни 1943 года, когда стало известно, что катера именно 4-го дивизиона будут высаживать отряд особого назначения майора Куникова под Новороссийском, Николай Кузьмич и написал известную клятву. Принимали ее одновременно и катерники, шедшие на операцию, и моряки-десантники. И те и другие с честью выполнили слово, данное Родине перед боем, – «отдали свои жизни за горячо любимую Родину».

Трудно переоценить роль катерников из 4-го дивизиона в поддержании постоянной связи между Большой и Малой землей. Они не только доставляли на плацдарм пополнение и боезапас, не только эвакуировали раненых, они почти каждую ночь вступали в схватки с торпедными катерами противника, выдерживали неравные бои с фашистской авиацией. 19 февраля 1943 года по материалам, подготовленным Щекочихиным, Политуправление Черноморского флота выпустило бюллетень «Катера флота с честью выполняют свой долг перед Родиной».

В сентябре 1943 года в Новороссийской десантной операции Николай Кузьмич, находившийся на борту «СКА-064», получил тяжелое ранение. Для него начались тягостные госпитальные дни. Их скрашивали победные вести с фронтов, из родного дивизиона. Затем пришла и печальная весть: боевой друг Николай Сипягин пал смертью храбрых при высадке десанта в Крыму.

Щекочихин вернулся в дивизион с орденом Красного Знамени на груди и в звании капитана 3-го ранга. Вскоре получил новое назначение – заместителем командира бригады ОВР по политической части. В мае 1944 года его назначили начальником политотдела бригады сторожевых кораблей. Но по-прежнему заядлому катернику не сиделось на берегу, большую часть времени он проводил на катерах, в боевых походах.

В конце августа 1944 года корабли бригады участвовали в освобождении от фашистов румынского порта Констанца. К вечеру 29 августа десант из двух батальонов морской пехоты овладел городом. Дни войны

на Черном море были уже сочтены, когда 3 сентября 1944 года тральщик, на котором находился Щекочихин, подорвался на mine. Он погиб вместе с кораблем.

Капитан третьего ранга Николай Кузьмич Щекочихин был награжден орденами Отечественной войны II степени, Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя».

Клятву десантников и поныне принимают русские воины и «волю свою, силы свои и кровь свою, каплю за каплей, отдают за жизнь и счастье нашего народа».

Анатолий ТРУБА,
член Союза писателей России

Выражаю БЛАГОДАРНОСТЬ
В.О. Верховцеву за идею для материала

АЛАЯ ЗАРЯ

Валерий АРШАНСКИЙ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Не ровен час, дождёмся, когда тихо, незаметно, стараясь доставить как можно меньше забот и хлопот окружающим, покинет этот мир последний солдат Великой Отечественной войны, о котором и песен не сложили, и стихов не написали, и простенькие воспоминания ни его, ни о нём не удосужились запечатлеть. Так распрощались мы – без помпы и оркестра, свойственных большим поминальным праздникам, – с участниками Гражданской. Несчастливыми людьми, волею судеб загнанными в жестокую клетку несправедливости: или войей брат на брата, или погибай. Красные, белые воины... Как гладиаторы. Потом появились и зелёные какие-то, а вместе с ними и вообще разноцветные, легко меняющие окрас, форму и убеждения – чистой воды приспособленцы, за ними анархисты, следом бандиты во главе с атаманом Марусей, отъявленные черносотенцы,

мародёры с Гуляй-поля, гонявшие уже на тачанках с пулемётами под штандартами батьки Махно, для которых один чёрт было за кого воевать, абы нашлось пойло, бухло, да побольше, а там и доступные бабы, вроде как трофей. Само собой, реквизированное у буржуев имущество... А как же без грабежей? Спросите у налётчиков Мамонтова, подтвердят.

Мало ли, что антилигенция веками, из поколения в поколение горбом и умом своим то добро наживала, красивые дома в городах строила да усадьбы в деревнях не хуже альпийских и бельгийских закладывала... А нам, голытьбе, чего до их забот? Хватить! Кончилась ихняя время... Мы-то домой своим любим хозяйкам неужели ничего с войны не привезём? Дак они ж нас с пустыми-то руками и на порог не пустят. Скажут, ты вона сколько времени хто знает где с шашкой

шлялся, может, и не с шашкой даже, а шашни гдей-то на стороне крутил, пока я тут одна с ребятишками угорала, а он и отрез сукна хорошего не привёз? Геть отсель, трутень...

Не, господа хорошие, надо делиться, так что скидавай сапоги!

Чего враждующие добились? Не знаю, как для белоэмигрантов, осевших, если повезло, в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, а единственной привилегией для «наших» оказались таблички в продуктовых и промтоварных магазинах, в театрах и кинотеатрах, фото- и ателье индпошива, стоматологических и прочих поликлиниках о том, что граждане этой категории (но только при предъявлении удостоверения!) наряду с Героями Советского Союза и Социалистического Труда проходят к кассе и обслуживаются вне очереди. Правда, кто бы ещё в ожесточённой от многочасового стояния очереди их пропустил впереди себя – этих тихих, смирных «одуванчиков», некогда яростнее Спартак и Красса бывших противника на поле брани за власть Советов, солдатских, крестьянских, казачьих и батрацких депутатов?

Да они, герои былых времён, и сами никогда не лезли поперёд батьки в пекло, предпочитая смиренно стоять в общей очереди, страдать на больных ногах, чем выслушивать оскорбления и глотать потом успокоительные таблетки, хватаясь за сердце после бурного объяснения с какой-нибудь психопаткой, визжащей на всю улицу: «Лично я здесь первая, а вас здесь никогда и не стояло...»

Кстати, таблички те – неумные, зряшные и пустячные, никого ни к чему не обязывающие (у кого есть совесть и воспитанность, те без напоминаний стариков вперёд пропустят), – можно было видеть – пожелтевшими, закопчёнными – вплоть до конца 1980-х годов (свидетельствую лично!), когда уже и ровесники, да и те, кто был значительно моложе легендарного Василия Ивановича, его верного ординарца Петьки и бесстрашной Анки-пулемётчицы, вместе с автором знаменитой книги комиссаром Дмитрием Фурмановым и актёром Борисом Андреевичем Бабочкиным (18.01.1904–17.07.1975) смотрели фильм «Чапаев» в райских куцах на том свете...

РОМАНЫЧ

*В свете близкой уже победы обрисовывались
две формы республики: республика террора
и республика милосердия,
одна стремилась победить суровостью,
а другая – кротостью. Какая же возобладает?
Виктор Гюго. Девяносто третий год*

Мне довелось на своём веку видеть живыми и относительно здоровыми троих участников Гражданской войны. Первым назову на вид крепкого, как дубок, несмотря на подкрадывающееся 90-летие, вечного истопника угольной котельной Романыча. Никто, кроме бухгалтерии да отдела кадров ЖЭКа, не знал ни его имени, ни фамилии, ни адреса, стар и млад кликали деда только по отчеству – Романыч, иногда Романович, не слыша от него в ответ ни малейшей доли протеста. Когда заканчивался очередной отопительный сезон и бобылю Романычу совершенно некуда было податься, он, тяжело дыша, взбирался по шатким деревянным ступеням лестницы, помня-

щей достославный налёт на наш город банды Мамонтова, ко мне, на второй этаж. Входил в кабинет, как и подобает бывшему рабоче-крестьянскому депутату и члену уездного реввоенсовета, без предупреждения и стука, что бы у меня ни происходило – редакционная летучка или, что греха таить, голубиное воркование *vis a vis* с заглянувшей «на огонёк» знакомой дамочкой из исправительного учреждения юных шалопаев, расположенно-го как раз напротив здания редакции...

В каждом таком случае приходилось в присутствии гостей, равно как и в отсутствие оных, поминать пламенного трибуна Революции:

*Глядя под ноги,
Шагом резким
Шёл Врангель в чёрной черкеске...*

Шаг у Романыча (в его-то годы!) был, конечно, уже далеко не резкий, а слабенький, квёлый. И ступал он осторожными, опасливыми (не дай бог споткнуться, поскользнуться!) шажками, с одним шажком страхующим, лишним, и с бестолковым топтанием на одном месте на поворотах. Куда уж там до прежней гусарской походки, напоминающей стремительные «пролёты» вдоль строя в развевающейся флотской шинели адмирала Александра Васильевича Колчака, по линии фронта в кавказской бурке – генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля или в простой солдатской тужурке по фронтовой рокаде – генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича...

Ох, а ведь не то я называю и не тех! Романыч в молодости, чёрт его подери, ведь не под белыми, а под красными знамёнами Щорса и Будённого ходил... И песни он пел не белого воинства – «Перед дождём так пахнут розы», а:

*Среди зноя и пыли
Мы с Будённым ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.
На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.*

Под ноги дед всегда внимательно глядел сквозь увеличительные стёкла очков, напоминающие богатством диоптрий линзы микроскопа какого-нибудь кандидата биологических наук, препарирующего в прозекторской очередную лягушку. Ну а черкеска... Что-то такое наподобие носил, только без газырей. Наверное, телогрейку, плотно обтягивающую его сутулые плечи. На голове зимой и летом была у деда... тубетейка? Вроде бы. В те годы вязалось в одежде и такое – сапоги с тубетейкой... Плоховато выбритый, хрипя-

щий, как надорванный динамик, благоухающий смесью антрацита, папирос «Север» и индийского чая Романыч уверенно пробирался к широкому окну поближе. Поудобнее устраиваясь там в кресле у подоконника, снимал подвязанные замусоленным ботиночным шнурком окуляры свои с пугающими нормальных людей увеличительными стёклами, тщательно протирал их носовым платком, кем-то подаренным ему лет десять назад на похоронах друга... И, завершив обязательный ритуал, устремлял на меня красноречивый безмолвный взгляд, вопросительный и требовательный одновременно. Так смотрит на хозяина хорошо выученный, тренированный пёс, малыми извилинами своими понимая, что у сидящего (стоящего) напротив него владельца ошейника хватит ума покормить или напоить преданного ему друга. Пора!

Ну, чтобы у главного редактора да чего-то такого в баре не стояло? Сверкнув под апрельскими лучами солнца стерильной аптечной мензуркой объёмом в «полмерзавчика», как называл Романыч 250-граммовую чекушечку, я набулькивал ему ровно половинку в персональный стаканчик «всклень», под венчик. И Романович, интеллигентно оттопырив чуть скрюченный мизинец, смачно вытягивал предложенную дозу с добросовестностью кочегара, не оставляя ни капли воображаемому врагу.

Дав вспыхнуть алкогольному пламени, дед отрицательно крутил головой, отвергая предложенную ему под залп «Московской» шоколадную конфетку. Но благодарно принимал горбушечку чёрного хлебушка, мяконького, свежеиспечённого, хранившегося у меня для обеденного перекуса в герметичном шкафчике вместе с аппетитным домашним салъцем с горчишкой. От аккуратно нарезанных пластиночек сала с мясными прожилками, морозных, в иное, а потому вкусных вдвойне, нарезочки нежной, плавно тающей во рту, как снежинка, Романыч тоже никогда не отказывался. Правда, «спасибо» он никогда не говорил. Но в ответ от чистого сердца протягивал то, чем был богат, – пачку смятых папирос «Север» или «Прибой», удушье от которых наступало при одном только их виде. А дед ничего, смолил эту гадость почти одну за

другой, пуская струйки дыма в предусмотрительно распахнутую форточку.

В зависимости от настроения, метеорологической обстановки за окном или самочувствия, а оно последнее время даже несгибаемого, казалось, Романыча мало радовало, у него было три формы отбытия после приёма аптечной дозы. Если дед с утра пребывал почему-то не в ладах с окружающим миром и даже распускающиеся за окном свечи каштанов его не радовали, тогда, кратко, по-утиному крякнув и пошмыгав угреватым носом, он, пробормотав нечто вроде «Всё, я напился, пойду к своей вуалю», на самом деле отправлялся не к мифической гризетке («вуалю»), а в родимую кочегарку, до обеда покемарить на топчане. Благо ключи от котельной, независимо от времени года и отопительного сезона, у него никто не отбирал.

Если же Романыч находился в гармонии с действительностью, более-менее в согласии с очередной передовицей в газете «Правда», которую каждый вечер воровски сдирали со стенда в ближнем парке, в мире с обычно непослушными суставами рук и ног, то, завершив ритуал «чаепития», дед произносил только три похвальных слова, к каждому из которых можно было ставить по три восклицательных знака:

– Семёныч! Мужик! Знаешь!

И прочувствованно трубил в тот самый свой «семисезонный» носовой платок, после длительного употребления напоминавший «ганчирку» – обыкновенную тряпку, которой перед прибытием на очередную станцию протирали масляные трубопроводы, манометры, поручни сходней помощники машинистов паровозов.

«Знаешь!», как я понимал, относилось к его признательности за то, что вот не брезгает (по-местному, «не гребует») им сидящий в редакторском кресле солидный человек, внук по возрасту, бесплатно нацедивший деду «соточку с гаком» под шоколадную конфету «Ласточка», а там и сальце с хлебушком придвинувший... Пацан этот и настоящую «шаблюку»-то никогда в руках не держал, тем более не знает, каково это – с размаху рубить саблей озверевшего врага, привстав на стремени на взмыленной кобылке, а вот душу бойца Первой Конной понимает... Знает!

Самым занимательным был третий приём прощания. Если Романыч с утра пораньше появлялся в проёме моей двери слегка покачиваясь и довольно внятно мурлыча себе под нос где-то им услышанное «Когда фонарики качаются ночные» – можно было ждать откровений. Уже где-то с кем-то (а в кочегарку кто только не заглядывал!) хватанувший за воротник спиртного, дед готов был делиться терзавшими его душу воспоминаниями. Жуткими, нужно сказать, в своей натуралистичности, какой, собственно, были и та затеянная «антилигенцией» да осуществлённая романычами «р-р-революция», и последовавшая за ней осатанелая бойня, именуемая Гражданской войной.

– Зачем только нам, голытьбе деревенской, дуракам глупомордым, пьянчужкам обоссанным, наганы да маузеры в ревкомх повидавали? – то ли спрашивал неведомо у кого, то ли корил не понять кого, скорее всего, самого себя, бывший активист по раскулачиванию, председатель революционной тройки, а теперь кающийся грешник Романович. – Мы же сходу тогда озверели. Коль у мужика в руках ружжо, оно непременно должно в кого-то выстрелить! А в кого? Известно в кого, в кровопийцу-барина. И погнали мы на хутор бабочек ловить. Кто исплуататор? Барин! К нему надьсь с города племянница, вишь, приезжала, так он её не пожалел, заставлял землянику на грядках собирать. Ну и что, что домой на варенье? Всё одно, ИСПЛУАТОР! И в конюшне у него кобыла ожеребилась, это, считай, две головы, а положено иметь одну животину... Барина к стенке, барыню с дочками известно куда – в подвал, в камору. А тама, в чулане, голодные до баб, ненасытные до нежного пола кобели уже кулаки кусают, ждуть не дождутся потравы. И понеслось, ети твою двадцать, визг на полсела слышен...

Говорю тебе, нас всех и сегодня под трибунал надоть, всех, пока не поздно, всех без разбора, этих трибунальцев, кто жив, кто ноги хучь как-то волокётъ – к стенке. Всех! Именем революции. И меня тоже. Пли!

***

Наступившей зимой, кажется, в феврале, Романыч, утром узнав от врача-онколога,

что у него рак, вечером свёл счёты с жизнью. Бабка-сторожиха соседнего с типографией магазина «Силуэт» кричала на всю улицу: «Задвохнулси!..» Следователь её предположение не подтвердил. Романыч повесился там же, в котельной, на огромном крюке, сохранившемся от прежнего подвала прасола – торговца скотом, – подложив в петлю под грубую верёвку зашмыганный свой носовой платок. На аккуратно убранном, застланном байковым одеялом топчане лежали паспорт, пенсионная книжка, достаточное количество денег для похорон, несколько медалей, орден Боевого Красного Знамени с Гражданской и орден Красной Звезды с Великой Отечественной в маленьких картонных коробочках, заветные и другие документы о дарении его двухкомнатной квартиры Олегу Ивановичу Зотову – сыну десять лет назад умершего друга-однопольчанина. Отдельной стопочкой (хорошо подготовился!) лежали почётные грамоты местного отделения Всесоюзного фонда мира и справка этого же фонда о том, что гражданин Карнаухов Спиридон Романович (наконец-то мы узнали его полные данные, фамилию, имя и отчество) все последние двадцать пять лет ежемесячно перечислял причитающуюся ему пенсию в Советский фонд ветеранов войны. Тот самый фонд, где у руля стоял в качестве первого заместителя председателя Алексей Петрович Маресьев. Молодёжь о нём знает? Знает, что это был легендарный лётчик-истребитель, Герой Советского Союза, в войну потерявший обе ноги, но и на протезах поднимавший свой Як-1 на бой с пилотами «Люфтваффе», добавив на

личный боевой счёт к четырём сбитым до ранения ещё семь клюнувших носом в землю вражеских самолётов. Узнав о нём это, корреспондент «Правды» Борис Николаевич Кампов (Борис Полевой), ставший впоследствии Героем Социалистического Труда, за 19 дней напишет в 1946 году «Повесть о настоящем человеке», которой суждены будут многомиллионные тиражи по всему белому свету.

Эту книгу я, не имея из-за бедности семьи своей библиотечки, «одолжил» навсегда в библиотеке горпищеторга, форточка в которую была соблазнительно расположена как раз с тыльной стороны нашего дома под Казацким валом. В ту вечно полутёмную комнату и сама библиотекарша за неимением читателей редко заглядывала.

Новенькую книгу с двумя блеклыми библиотечными печатями – на форзаце и на семнадцатой странице, – с проштемпелёванным предупреждением внутри обложки не загигать и не использовать листки под чистку ногтей зачитал, замусолил, затрепал весь мой двор и весь мой седьмой класс. Точно так, до дыр, зачитывали тогда переходившие из рук в руки «прочётные» книги все дети войны, пацаны и девчонки, ребята нашего поколения. Есть ли, интересно, сейчас, хотя бы в библиотеках, такие затёртые до истончения страницы книги? И есть ли в сегодняшней жизни Маресьевы? Хочется верить, есть. Не быть же на свете одному лишь вымышленному герою – английскому подростку, чудодею, мифическому Гарри Поттеру – кумиром читателей-подростков. Хотя бы потому, что где Англия и где мы...

КОМИССАРСКИЕ ТЕФТЕЛИ

*Человечество, смеясь,
расстаётся со своим прошлым.*

Введение к работе Карла Маркса (1818–1883)
«К критике Гегелевской философии права» (1848)

Все гражданские войны, как и войны вообще, похожи одна на другую своей абсолютной бесчеловечностью, а значит, сумасшествием, где бы они ни происходили – в Америке, Мексике, России: кровь, раны, трупы, стёртые

с лица земли дома и заводы, сгоревшие поля, переломанные судьбы людские, рухнувшие надежды, разбитые семьи... Отличие, правда, в том, что в гражданских войнах враги – и это ужаснее всего – ещё и говорят на одном языке,

вчера ещё ходили по одним и тем же улицам, росли в одних и тех же аулах, помнят одинаковые школы, учителей, родных, знакомых, поскольку или общались с ними, или даже пересекались в родстве. Чтобы подтвердить единый характер гражданских войн в любой стране, не выдавая за своё чужое, тем более перехваченное у такого всемирно известного классика, как Виктор Гюго с его романом «Девяносто третий год», приведу выдержку оттуда о французской Вандее, точным повторением которой немногим более века спустя стала Вандея русская, тамбовская, порождённая великой Октябрьской социалистической революцией.

«В здешнем краю, охваченном войной, смутой и огнём пожарищ, где у каждого была одна забота – уничтожить и одно занятие – резать, где все наперегонки старались поджечь дом, перебить семью, заколоть вражеский караул, разграбить посёлок, где каждый думал лишь о том, как бы устроить другому засаду, завлечь в ловушку и убить недруга, пока он тебя не убил...»

Дальше можно не продолжать: пойдёт вполне угадываемая картина, схожая с известным восстанием тамбовских крестьян, ведомых «бандой Антонова». Точнее, многотысячным отрядом, даже не отрядом, а целой армией повстанцев под командованием бывшего начальника уездного отдела милиции той поры – Александра Антонова. Против его стихийного, жестокого, но плохо обученного войска успешно попробовали свои полководческие силы будущие маршалы СССР Михаил Тухачевский, травивший оппозиционные силы хлором и расстреливавший в сёлах заложников, Георгий Жуков, юный командир полка Аркадий Голиков (позже – писатель Аркадий Гайдар).

А какова была роль красных комиссаров «в пыльных шлемах» – политических работников – в этом сказанном, жестоком деле, где под молох ненависти, остервенения, беспощадной рубки наравне с вооружённым противником попадали мирные люди – старики, старухи, всё вооружение которых – ореховый посох, беременные женщины, дети... Об этом мне очень хотелось расспросить живого участника тех событий, а именно комиссара какой-то номерной красногвардейской части

Василия Васильевича Старкевича, жившего в почётном – первом в нашем городе – большом трёхэтажном доме с огромными, не типовыми окнами, со стенами толщиной в три кирпича, четырёхметровой высоты потолками, доме близ Набережной, построенном по индивидуальному проекту для политкаторжан, пострадавших от царского режима, жертв политических репрессий в советскую пору и сохранившихся ветеранов Гражданской войны. Естественно, с семьями, чадами и домочадцами. Что вызывало вполне понятную зависть, ревность, неприязнь у ютившихся по коммуналкам, съёмным квартирам и «хижинам дяди Тома» – фанерным временкам – граждан. «Ну ладно, те старики действительно пострадали, им положено. Но их родичам – глянь, какие мордовороты, – за что такие льготы? Они-то при чём? Попу – за пение, а попадьё?..»

Эти вопросы – почему годами, да что там годами – десятилетиями не строился ни Тамбов, ни губерния – теоретически можно было бы задать только одному во всей огромной стране человеку, знающему на них ответ – Иосифу Виссарионовичу Сталину, по долгу службы сочетавшему руководство многомиллионной партией большевиков с правительственными заботами. Но спрашивает ли погибающий муравей муравья, за что ему такая кара? И в силах ли был тогдашний председатель Госплана Николай Алексеевич Вознесенский, на цыпочках входящий в кабинет Всемогущего, спросить, почему каждый раз Великий Кормчий морщится, когда он предлагает ему план развития жилья и промышленности в Тамбовском крае.

– Тамбов? – поднимал Сталин тигриные глаза на боящегося кашлянуть гения Совнаркома Вознесенского. – Нэ знаю такого города.

И решительно отодвигал подальше от себя папку с подготовленными Госпланом документами.

Никак не мог простить Тамбовщине далеко заглядывающий вперёд первый секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Совнаркома И.В. Сталин Антоновское восстание. Уж он-то как никто другой, понимал что это такое – не стихийный, а тщательно обдуманый рабоче-крестьянский бунт, да ещё в самой сердцеvine России. Бикфордов шнур! Дай ему даже

робко встпхнуть – полыхнёт на всю шестую часть Земли... Как можно допустить в первом на планете пролетарском государстве, давшемся и так реками крови, некую Вандею? Залить хлоркой, затоптать, задушить на корню!

Неуклонно проводить линию партии в жизнь и призваны были Лариса Рейснер, а вслед за ней Фурмановы, Старкевичи, их коллеги, направлявшиеся в действующую армию с мандатами РВС Республики – с неограниченными полномочиями...

Насколько я знал, всё правое крыло первого этажа принадлежало Старкевичам: комиссару, как правообладателю жилища, его дочери Марии, в молодые годы ослепительно красивой даме, но не очень-то счастливой даже после трёх замужеств, наконец, внучке Василия Васильевича Евгении, барышне смелой и отвязной до невозможности. Она и с парашютом на военном аэродроме прыгала, и с последним маменькиным муженьком-вертопрахом, режиссёром городского театра, на дно морское в дайверском снаряжении опускалась, и в Крымские горы с ялтинским бойфрендом по имени Ашот забиралась.

Кухня у трёх семей была общая, сохранявшая неизбывные следы той военной поры, когда здесь после уплотнения образовалась коммуналка с проживанием эвакуированных в наш тыловой город ленинградцев. Сказать, что в этом блоке общественного питания царили уют, образцовая чистота и свежесть хорошо проветриваемого помещения, значило бы сильно погрешить против истины. Скрипели под ногами половицы, оба старых окна с облезлыми завитушками белил на рамах были зашторены кисеёй, которая бы пригодилась в качестве подлинной декорации для фильма «Мёртвые души» по Гоголю, аромат витал, как в вокзальной забегаловке. И освещала всё это великолепие единственная тусклая лампочка, выкрученная, видимо, всё тем же последним мужем Марии Васильевны, режиссёром-постановщиком, лет пять назад из гримёрной клуба локомотивного депо «Калитвянка», где театр давал выездной спектакль «Годы странствий». Не надо было быть таким уж опытным сыщиком, как Шерлок Холмс, чтобы определить, на какой из конфорок газовой плиты кто из жильцов этого крыла что готовил.

Хранившая остатки яичницы чугунная сковорода с оставленной в ней вилкой, а также полуприкрытая крышкой тёплая ещё кастрюлька с чем-то мясным наверняка принадлежали дочери комиссара, с утра до позднего вечера пропадавшей после горького развода с режиссёром-гулякой в своей санитарно-эпидемиологической лаборатории, где чем-то там таким пахучим заведовала. Дальше шла рискованно накренившаяся миска с подозрительно изменившимися цвет макаронами в ней и следовая полоса кофе, пролитого, конечно же, Евгенией Батьковной, неугомонной парашютисткой, с которой мы однажды в юности, капитально загуляв в лихой студенческой компании, по счастливой случайности обнаружили друг друга на зорьке в тесной хозяйской кровати, откуда не было никакого желания выбираться на свежий ветер. Тем более легко одетыми...

Тугой на оба уха Василий Васильевич во время официальных церемоний – занимаемая почётное место в президиумах разных пленумов, конференций и съездов – пользовался миниатюрным слуховым аппаратом зарубежного производства, обе горошины микрофонов искусно пряча под хорошо сохранившимися седыми волосами. Дома же старик расслаблялся, оставляя слуховой набор в ящичке прикроватной тумбочки. Это я к тому, что шагов моих Старкевич даже на расшатанных досках пола не слышал, о возможностях подслеповатой деповской лампочки уже было сказано... Что ещё? Ещё надо было лицезреть ту картину, когда высокий полуголый старик с округлым бабьим лицом, всё одеяние которого составляли только холщовые портки и дерматиновые тапочки на босу ногу, ловко выуживал двумя пальцами правой руки из Марьиной кастрюльки сохранявшие утреннее тепло тефтельки, по-жонглёрски забрасывая их в рот, а пятернёй левой руки жадно прихватывал склизковатые Женькины макароны, запихивая их туда же, аппетитно причмокивая при этом и не обращая ровно никакого внимания на стекавший от запястья до локтя жирный тефтелевый соус. Так ему было даже, наверное, вкуснее – облизывать потом руку, как это делают несмышлёныши-ребятишки в детском садике.

Ни к селу ни к городу мне – невольно-му свидетелю неожиданной сцены – вдруг припомнились строки накануне читанного Белинского: «Честные люди всегда имеют дурную привычку со стыдом опускать глаза перед наглостью и нахальной подлостью...» Ну, возможно, по отношению к данному мелкому случаю это уж чересчур. Хотя, в принципе, так оно и есть. Но это тема других разговоров...

Некоторое время ещё полюбовавшись полуголым архистратигом, незаконно вкушавшим пищу богов, да поразмышляв над тем, насколько удобно мне сейчас вести разговор со старцем, увлечшимся простым житейским делом, позабыв накинуть цепочку на входную дверь, что, между прочим, было в корне неправильно, поскольку позволяло открытым способом проникнуть в неохраемое жилище каким-нибудь преступным элементом, я решил всё же удалиться, на прощание погромче хлопнув тяжёлой однополой дверью парадного, чтобы привлечь внимание к промашке с боем преодолевавшего в юности солёное озеро Сиваш и бравшего Перекоп комиссара.

Беседа наша прошла потом по телефону, отличавшемуся в квартире Старкевичей звонком корабельной рынды невиданной мощи, способной заставить не то что последнего глухого вызов услышать, а и законченного «жмурика» вскочить со смертного одра и потянуться к трубке.

Мы очень хорошо поговорили с поглотителем прокисших макарон, кандидатом исторических наук, участником двух съездов ВКП(б) и соавтором брошюры, написанной то ли вместе с Розочкой Люксембург, то ли с иной какой-то Розочкой, о значении партий-

ной конференции в главном городе Велико-го княжества Финляндского Гельсингфорсе. В канун революционной годовщины (чем и был вызван мой к нему неудачный поход) Василий Васильевич попросил передать через печатный орган горкома КПСС и городского Совета народных депутатов горячий большевистский привет всей городской партийной организации. Погоревал, что чрезмерная загруженность неотложными философскими делами не позволила ему лично присутствовать на недавнем собрании идеологического актива лекторов, пропагандистов и политических информаторов, хотя ему было что сказать с точки зрения основ марксизма-ленинизма, особенно касательно методики преподавания в школах коммунистического труда (была, была такая бредятина в те однопартийные времена). Посетовал гельсингфорсец на то, что кафедра истории КПСС педагогического института, где он долгие годы поочерёдно преподавал исторический материализм, диалектический материализм и научный коммунизм, слабо укомплектована коммунистами (а там действительно появилась беспартийная молодёжь, а из коренных партийцев оставался только идейно неустойчивый бывший бундовец Марк Меерович Кокоткин), посоветовал обратить серьёзное внимание на качество наглядной агитации – блеклым стал материал на прежде горевших кумачом лозунгах и транспарантах... На том с ним и расстались. Пожалуй, навсегда. Потому что некролог в газету готовил уже иной редактор – недавно ставший кандидатом в члены КПСС вчерашний преподаватель диамата из пединститута.

ДУМА О КОВПАКЕ

*А мы рукой на прошлое: враньё!
А мы с надеждой в будущее: свет!
А по полям жиреет вороньё,
А по пятам война грохочет вслед...*

Булат Окуджава

В те годы, когда автомобиль «Волга» стоил на советские деньги 5602 рубля, «Москвич-408» – 4511 рублей 25 копеек, а фото-

плёнка на 65 единиц – 35 копеек пачечка, с дембельским чемоданчиком, где лежал январский номер журнала «Москва» с опубли-

С.А. Ковпак

кованным на-
конец романом
Михаила Бул-
гакова «Мастер
и Маргарита»,
с подаренной
умельцем Юр-
кой Козловым
моделью са-
молёта Ил-28,
вырезанной из
плексигласа,
двумя реко-
мендациями
– заместителя

командира ба-
тальона и командира роты о вступлении в
партию, с купленными перед отъездом в во-
енторговском магазине для мамы дефицит-
ными в ту пору корицей и горчицей в пачках,
сотней жестяных крышечек для консервиро-
вания и стандартом лекарства «Белласпон» –
всё тоже для родительницы, с пылкой мечтой
о покорении недоступной соседки-ровес-
ницы Нелли Гринёвой, для чего надо будет
сходу купить на гражданке костюм, китай-
ский плащ-пыльник, туфли чешские фирмы
«Батя», фетровую шляпу, шерстяную рубаху
и джемпер красно-чёрной расцветки, я сту-
пил на перрон родного моему сердцу вокза-
ла, отложив на завтра поход в военкомат для
предъявления военного билета с отметкой об
окончании трёхлетней солдатской службы.

Лютовал декабрьский мороз, я сел в так-
си и всю дорогу чертыхался на этих салабонов,
молодую смену, с большим опозданием при-
бывшую в нашу часть, из-за чего мой «стари-
ковский» дембель на месяц задержался. Хо-
рошо ещё, у салажат забрали мы, «деды», их
новенькие тёплые бушлаты, оставив взамен,
как это было и с нами, как это водится с не-
запамятных времён, свои, трёхлетней давно-
сти, изрядно заношенные, помятые, местами и
прожжённые. Типичное б/у. То был естествен-
ный процесс отбора у молодых лучших ките-
лей, шаровар, сапог, ремней, шапок... Никакой
не наезд, не рзкет. Юнги прекрасно понимали:
подойдёт срок, станут они дедами – точно так
же на дембель распрощаются с теми, кому ещё
служить, как медным котелкам. И старшины

сделают вид, что ничего не знают, ничего в
процессе неравного обмена не понимают.

– Нам бы то ваше б/у в сорок втором –
сорок третьем, когда спали в лесах на сне-
гу, на лапнике, – тяжело вздохнул пожилой
водитель, слушавший, не перебивая, мой
монолог. – А то у костра, бывало, голову со-
греешь – задница отмерзает, повернёшься
боком – брюхо греешь, а спина ледяная...

Уже у дома, протягивая сдачу, таксист
поднял на меня всё такие же грустные глаза.

– Ты ещё не знаешь, наверное... Батя наш
вчера умер. Ковпак Сидор Артемьевич. С кем
прошли мы от Путивля до Карпат...

– Ковпак? Да я три раза его встречал
у нас, пацаном, конечно... Один раз, помню,
такой же зимой, два раза летом... Охо-хо, как
жаль, Царствие ему Небесное...

Это была зима 1967 года.

***

А ещё лет десять тому назад весь город
был взбудоражен вестью о приезде к нам са-
мого Ковпака! Пацанва в школах и на улицах
обалдевала. Все хотели увидеть не сказочно-
го, не киношного, мосфильмовского, а живого,
настоящего генерал-майора. Ты что! Живая ле-
генда! Командующий целой партизанской ар-
мией, дававшей фрицам дрозда по всей Укра-
ине, добивавшей потом бандеровскую нечисть
в Карпатах, где, правда, и сам был тяжело ра-
нен и потерял верного друга – Семёна Руднева,
с которым сколачивал огромное партизанское
соединение, дивизию... Толпа валом валила
к Дому культуры имени Фрунзе, где должна
была пройти встреча с ним, кандидатом в де-
путаты Верховного Совета страны.

Поправляя на лысой голове высокую серую
папаху из элитного тигрового каракуля, Ковпак
неспешно, как и подобает великим, выпрасты-
вал тело из фантастической – единственной на
всю область – огромной обкомовской «Чайки»,
предусмотрительно присланной ему в родной
его районный центр Путивль, куда он навед-
ся из Киева, прежде чем ехать в наш областной
город Сумы. Вот показались генеральские ша-
ровары из дорогого синего сукна, с продоль-
ными малиновыми лампасами. А вот и он сам.
Поплотнее одёргивая приличествующее зим-
ним холодам ватное пальто-бекешу со стоячим

воротником, охраняющим шею от промозглых ветров и всевозможных простуд, Сидор Артемьевич улыбочиво раскланялся с шумно приветствующим его народом, кому-то и рукой, точно как это запечатлено на предвыборном плакате, помахал (может, тому таксисту, с кем мы познакомились значительно позже, может, кому-то другому из прежних его бойцов-товарищей)... Совсем по-нашенски, по рабоче-крестьянски, трубно высморкался, отвернувшись к дверкам машины, затем, словно пробуя на прочность, опять же по-деревенски потоптался высокими валенками-бурками по первому снегу-пороше. И не спеша, вразвалочку, в окружении суетящихся вокруг него вежливых молодых людей потопал по мраморным ступеням Дворца культуры вверх, не держась за поручни. Что тут же одобрительным шёпотом отметили всевидящие местные бабоньки, знающие дату рождения именитого гостя – 1887 год. Стало быть, в свои семьдесят с хвостиком крепко-то как генерал, познавший на своём веку и Первую мировую, и Гражданскую, и Великую Отечественную от начала до конца...

А у входа во Дворец Сидора Артемьевича ожидал ещё один приятный сюрприз – встреча с другим нашим славным земляком, тоже генералом – Иваном Кожедубом. Тем самым героическим лётчиком, который сбил на фронтах 62 немецких, а в самые последние дни войны каким-то странным образом ещё и два американских самолёта...

Как было моим землякам не проголосовать единогласно за таких действительно народных избранников, могучих депутатов! Как было мне, рыжему, конопатому дворовому забияке (сто пудов, не только мне!), не страдать потом ночью под тёплым одеялом в сладостных грёзах, представляя себя то в образе лётчика-истребителя Кожедуба, от кассетных бомб и пулемётных очередей которого горит земля под ногами оккупантов, то в шикар-ной форме партизанского генерал-майора с косым шрамом на лице – следом вражеской пули, – увешанного точно такими же высокими наградами Родины, как у Ковпака, – двумя звёздами Героя Советского Союза, четырьмя орденами Ленина, орденом Богдана Хмельницкого, несчётным количеством медалей... Вот я веду свой партизанский отряд по Укра-

ине. Вот я врываюсь на танке в фашистское логово, круша всех и вся вокруг из станкового пулемёта и добивая уцелевших гадов удобными для броска гранатами-«лимонками». Вот я тащу сразу трёх «языков», в том числе фельд-маршала Паулюса. И меня вызывает в Кремль сам товарищ Сталин для вручения героической звезды... Это я ещё не знал, что Ковпак ратный свой путь начинал в Первую мировую и был удостоен двух Георгиевских крестов, причём один из них – за безудержную храбрость – лично вручил ему сам царь Николай II!

Сегодня, в роковые для Украины годы второго десятилетия нового века, когда «жовто-блакитни» флаги шевченковской «неньки» оголтелая бандеровская хунта приравнивает к чёрным знамёнам исламских радикалистов, с их призывами убивать «неверных», ползут злые, гадкие сплетни и о Ковпаке. Кому-то очень выгодно распространять о нём байки одну другой цветистее. Вроде бы и родом не хохол он, и даже не москаль, а самый настоящий цыган из какого-то хутора Кобеляки, что затерялся на Полтавщине. Что во время войны не громили его партизаны фашистские базы и отряды врага, не взрывали мосты и рельсы железных дорог, а обжирались и опивались в лесах вместе со своим генералом в окружении доступных баб. Одной из них (бессовестно назывались имя и адрес) Ковпак якобы и после войны доставлял любые продукты, любые фрукты, которые она пожелает, хоть лимоны, хоть апельсины среди зимы, и всегда хлопотал, чтобы в частный дом прежней своей любовницы всегда завозили для отопления лучший уголёк – мелкий орешек да наколотые, сразу к топке пригодные, жаркие берёзовые дрова...

Правдой в этой сплетне было то, что он на самом деле родился на Полтавщине. Только не на заброшенном хуторе, а в известном большом селе Котельва, в многодетной семье, где росло у Ковпаков-старших шесть сынов и четыре дочери. Насчёт боевых дел партизанской армии замечу, что, в отличие от бандеровской брехни, которую распускали «референты» ОУН и УПА, в Красной армии всё тщательно проверялось и перепроверялось. И есть чёткое документальное подтверждение боевых дел ковпаковцев: больше пятидесяти взлетевших на воздух вражеских эшелонов с

личным составом и вооружением, множество уничтоженных складов с продовольствием, обмундированием, боеприпасами, 250 взорванных мостов, 500 сгоревших автомобилей и два десятка истребленных танков. Иначе за что бы давать золотые звёзды Героя партизанскому главнокомандующему?

Любовница? В таких случаях говорят, рядом со свечкой не стоял. Но в Сумах, на улице Рабочей, недалеко от продуктового магазина бывшего купца Костюка, я её помню, действительно жила такая миловидная женщина-врач по имени Лидия Николаевна, отмеченная многими орденами и медалями за спасение бойцов и командиров партизанской армии. И к ней действительно не раз заезжал, бывая в Сумах, Сидор Артемьевич Ковпак, чтобы посидеть под уютным семейным абажуром боевой подруги, выпить с ней и её мужем по чарке-другой да повспоминать то, что могут повспоминать только настоящие боевые друзья, повидавшие за те годы столько лиха, сколько можно пожелать лишь самым лютым врагам. И если он действительно закинул словцо в нужном кабинете об особом внимании к Лидии Николаевне, то что в этом предосудительного? Пусть женщины-фронтовички расскажут криворотым скептикам, что это такое – быть женщиной на войне. И пусть нагло улыбающиеся знатоки представят себе хоть на миг, что это такое для медика-женщины – прошагать пешком по грязи, хляби, снегам и камням сотни километров от Путивля до Карпат, принимая боль, кровь и раны боевых друзей-товарищей как свои, прикрывая полевой санбат у лесных дорог или конный обоз, где везут раненых солдат, чем только можно, и рискуя в то же самое время своей жизнью, ничем не застрахованной от попадания осколков рвущихся невдалеке мин, гранат, артиллерийских снарядов...

***

Это годы и годы спустя я стал понимать, что значила старикинская, малость снисходительная улыбка Ковпака, которой он одаривал нас, мальчишек и девчонок в пионерских галстуках, повязывающих и ему сотый, наверное, за время его встреч с детворой такой же галстук (дома, наверное, накопился целый шкаф пионерской атрибутики, ведь считалось

правилом принимать Сидора Артемьевича в почётные пионеры каждый раз, где бы он ни появлялся, хоть в детских здравницах Крыма, хоть в школах Полтавы).

Дед, а партизаны так и звали его за глаза уважительно – ДЕД, лукаво щурился, слушая самодеятельное творчество местных поэтов, воспевавших свинцовый град пуль, на который якобы грудью шли невесты где и невесты какие бойцы и командиры. Что-то он со времён Брусиловского прорыва, за который получил две Георгиевские медали «За храбрость», не мог припомнить, какой бы это умник из числа взводных, ротных или батальонных командиров послал бойцов на верную гибель, на пулемёты, прежде не подавив в ходе артиллерийской подготовки огневые точки противника.

Словно состязаясь между собой в количестве страшных картинок, рождённых не иначе как воспалённым воображением, поэты разных возрастов и профессий рифмовали полёты и самолёты в образах стальных птиц, сбрасывавших воинов-парашютистов или радистов на «загадочно чернеющий лес» или (тоже на парашютах?) ящики с оружием, продовольствием, письмами от родных и близких туда, где якобы светили, как маяки, партизанские кострища...

Да, неплохие бы шашлыки получились из прыгающего на деревья в лесу с километровой высоты подкрепления. И кто бы это позволил демаскировать нахождение партизанского отряда огромными кострами?

Но что поделаешь, если в поэзию и прозу послевоенного времени наряду с фронтовиками вливалось и племя молодое, незнакомое с воем мин и кислятиной воняющего пороха... Пусть теперь мелют. «Десант» – «провиант» – ну надо же, как срифмовал очередной стихотворец...

«А знаешь ли ты, миленький мой пацанчик, – "примружив очи" (прищулив глаза), думал, наверное, Сидор Артемьевич, – что я своим хлопцам всегда говорил: "Адольф Гитлер – главный мой поставщик". Шо там те посылки с Большой земли, то ли долетят они, то ли нет в гадскую ночную погоду. Да и не может Большая земля каждый день отправлять экипажи на большой риск, он что, не понимает? А вот послать разведку и снять непро-

глядной ночкой в ближнем городке караул, тихо взять фашистский склад, пополнив свой арсенал слабеньких карабинов и дустволок их шмайсерами и гранатами, – партизанское дело». Что и поручалось тому же таксисту, его родному брату и ещё паре близких друзей командира отделения...

Добрую выучку на этот счёт Сидор Артемьевич прошёл в Гражданскую, в пору службы в 25-й Чапаевской дивизии начальником трофейной команды. Звучит должность, может, не очень презентабельно, как-то приземлённо. А на самом деле это была исключительно важная работа, давшая будущему командиру разночинного войска неоценимый боевой опыт. Причём с первых дней войны, когда он ещё руководил Путивльским горисполкомом и только готовился увести из леса сколачиваемый партизанский отряд.

Как дальше сложится фронтовая жизнь, где и чем людей кормить, поить, вооружать, обмундировывать, устраивать на ночлег, кто будет оказывать раненым и больным медицинскую помощь, с кем, через кого поддерживать связь, в каких местах устраивать тайники, где разбивать лагерь – это лишь маленькая, крохотная, малюсенькая толика тех забот, которые денно и нощно – можно не сомневаться – обуревали Ковпака. А кто ещё за него, военачальника, мог обо всём этом думать? Ведь, действительно, не могли же десятки и сотни крепких, боевого возраста мужчин, а там и женщин, просто шастать по лесу, как на пикнике, поддерживаемые одним лишь божьим духом и не заботясь о пропитании, палатках, ночёвках где придётся и в чём придётся, косяках, маскировке, тайных вылазках, засадах...

Полагаться на райкомы, горкомы и обкомы? Нет, там, конечно, рулят мужики ответственные, строгие, даже суровые. Но они с чего начнут? «Сколько коммунистов в отряде? Какова партийная прослойка? Будут ли созданы партийные группы в каждом отделении, взводе, в каждой роте?...» А партизанам, готовым к рукопашному бою, нужны не отличники политического образования, а отличники физической подготовки, если честно – головорезы, которых можно послать на ту сторону в разведку, и они не струхнут, не облажаются, доставят точно в срок «языка», принайтован-

ного шнуром в ширинке за одно место, чтобы не смылся, никуда не убежал по дороге. (Но, кстати, не так, как опять же показывают в дурацком кино, когда якобы насмерть перепуганного немецкого майора с кляпом во рту и со штабной картой под мышкой ведут, а то и волокут на себе (?) наши разведчики пять километров в полный рост, покрикивая на пленного: «Шнеллер, шнеллер», – потому что других немецких слов сценарист со школьных лет не знает и знать не желает.)

Сидор Артемьевич знал, что нужно делать, и без резолюций райкома. На детальной карте-километровке Спадщанского леса, бережно хранимой в сейфе за семью печатями, Дед разбил 132 местечка-тайника для закладки всего необходимого на необозримый партизанский срок. Вызвал к себе маркитантов, интендантов, снабженцев из числа работников торговли и общественного питания, поставив перед ними ясную боевую задачу – за три дня подготовить и передать по назначению указанным лицам 250 котелков, пять десятков оцинкованных (эмалированных тогда не знали) вёдер, десять баков для варки пищи на кострах, три сотни ложек – вот, по кухонной утвари, пожалуй, всё.

– Теперь – одежда и обувь, учитывая нашу непролазную хлябь и пришествие матушки-зимы. Заложить в доставку сотню пар сапог, 250 шапок-ушанок, сотню ватников, триста пар белья нательного, тёплого, байкового, сто пар рукавиц и перчаток, 75 маскировочных халатов. Всё тёплое носильное бойцам взять из дому своё в вещмешки, котомки, ранцы...

Медиков ко мне! Немедленно собрать и приготовить к передаче как можно больше пакетов ваты, бинтов, марли, других перевязочных материалов, гофрированные ящики с йодом, зелёнкой, спиртом, шприцами, таблетками, мазями, микстурами – там ни поликлиник, ни аптек не будет... А фрицевская пуля, как и осколок, место попадания не спросит, шмякнет куда угодно...

Так. Теперь харчи. Кровь из носу, никаких отговорок, в качестве непортящейся, долго хранящейся провизии ответственным доставить к месту сбора, а посвящённым развезти и заложить в указанные каждому места разными долями пять тонн вяленой говяди-

ны, полторы тонны надёжно расфасованного масла сливочного, четыре тонны варенья – да, подчистую оголяйте каморы, склады и погреба, иначе фриц сюда придёт и будет наше сало кушать. Кстати! Собрать, как мы тут подсчитали, полтонны сала, одну тонну колбасы твёрдой, копчёной, разных круп полторы тонны, в столовку мои хлопцы из лесу не навёдаются, добавьте сто килограммов лапши, ещё сахар, соль, конфеты – набирайте общим весом под полторы тонны, не забыть – 200 килограммов сухих овощей и фруктов. Промторг здесь? С вас 150 метров резиновых трубок, годных для дыхания под водой, проверьте годность сами, а потом и я проверю. Да, пищеторг, с вас ещё десять ящиков махорки, пять ящиков спичек.

Подрывники из гранитного карьера прибыли? Ко мне их. Мужики, для чисто боевой работы от вас жду к утру 750 килограммов аммонала – пока всё. Военком! Вместе с милицией подтянуть сюда арсенал – всё имеющееся в наличии у вас в пирамидах – и обойти вместе с патрулями все подворья, собрать винтовки, пулемёты, ружья, штыки, ножи, кинжалы, гранаты, патроны. Сразу доложить мне о количестве оружия и боеприпасов...

***

Думы Ковпака... Думы о Ковпаке в послевоенное время, вылившиеся в книги его и о нём, в целую трилогию: «Набат», «Буран», «Карпаты, Карпаты...»

Простите нас, георгиевский кавалер, беззаветно храбрый воин Сидор Артемьевич Ковпак, брусиловец, чапаевец, командарм Красной армии, что приходится вас тревожить и на том свете, докладывая о препоганой обстановке, сложившейся за последние годы на так любимой вами Украине при отсутствии поколения победителей-фронтовиков... Этим-то подло и воспользовалась, вновь подняла башку недобитая в схронах западной части Украины бандеровская свора. Вновь, капая слюной, затыкали о самостоятельности и предании смерти москалей сынки и внуки оуновцев и карателей УПА – да как залаяли, как завизжали, как затыкали – до сумасшествия, до бешенства, до остервенения! До убийств в самом центре Киева, на Майдане. До сожжения невинных людей в Доме профсоюзов в Одессе.

До обстрела тяжёлыми артиллерийскими снарядами своих же земляков на Донбассе, в Луганской области... Вот вам и заповедь Тараса Григорьевича Шевченко... Вот вам стихи и песни Григория Сковороды, Леси Украинки, Ивана Франко и всё творчество Панаса Мирного, Михайлы Коцюбинского, Павла Тычины, Остапа Вишни, Григория Квитки-Основьяненко, Шолом-Алейхема, всех артистов, художников, литераторов прежних лет, не просто любивших – обожавших «неньку» не меньше вашего...

Но что же, так вот под игом бандерлогов настоящим патриотам страны всю жизнь и ходить, сумрачно передавая эстафету унижения детям и внукам? Гей, сумчане, полтавчане, дончане, вы что скажете?

«Чи блакитна кров проллється, як пробити пану груди?»

И я вытирал слёзы, читая расклеенные по родным моим Сумам листовки с портретом Сидора Артемьевича Ковпака (но это по-русски, у нас на Украине отчество героя называют удобнее – «Сидора Артёмовича Ковпака») в левом верхнем углу. Вот подлинный текст тех героических воззваний, за которые спасибо вам, сынки, от имени всех живых и павших...

СУМЧАНЕ! ЗЕМЛЯКИ! ОБРАЩАЕМСЯ К ВАМ!

ТЕМ, КТО НЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ НАЦИСТСКОЙ ВЛАСТИ.

НЕ БОЙТЕСЬ, В НАШЕМ ГОРОДЕ ЕЩЁ ОСТАЛИСЬ НАСТОЯЩИЕ ПАТРИОТЫ НАШЕЙ СТРАНЫ. ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ, ХВАТИТ СИДЕТЬ И ЖДАТЬ, КОГДА БАНДЕРЫ ПРИМУТСЯ ЗА ВАС И ОБРАЩАТЬ ВАС В СЕБЕ ПОДОБНЫХ.

МЫ, ОПОЛЧЕНИЕ ИМЕНИ С.А. КОВПАКА, МЫ НЕ ДАДИМ НАЦИСТАМ ЗАСТАВИТЬ НАС ЗАБЫТЬ КУЛЬТУРУ, РАЗГРАБИТЬ НАШ ГОРОД И СТРАНУ, ЗАБЫТЬ ПРО НАШИХ НАСТОЯЩИХ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ, А НЕ ТЕХ МНИМЫХ ГЕРОЕВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ.

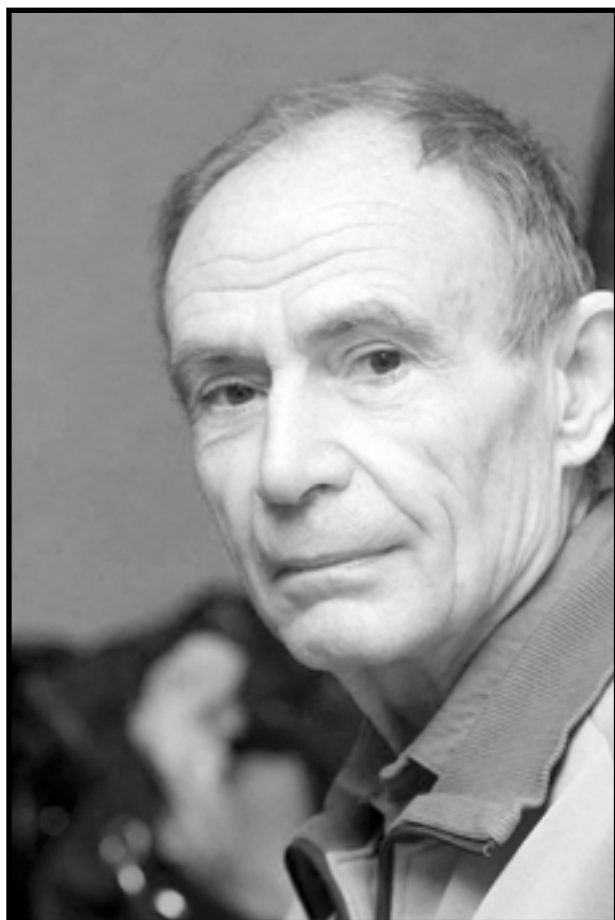
ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩИ, ПРОСИМ ВАС, ВСТАВАЙТЕ НА ЗАЩИТУ НАШЕГО ГОРОДА!

Я верил, я знал, что Сумы ни за что не сдадутся! Да озарит и мой родной город, и всю великую Украину алая заря Победы! **А**

Из коллекции Александра Николаевича СЕМИНА

Евгений ИШУТИН

МЫ ГОТОВИЛИ В ПЕЧАТЬ ЭТИ СТИХИ ПРИ ЖИЗНИ ПОЭТА. УВЫ, ПРИШЛА СКОРБНАЯ ВЕСТЬ – НАШЕГО ДРУГА И ТОВАРИЩА ЕВГЕНИЯ ИШУТИНА НЕ СТАЛО. ЕМУ БЫЛО 82 ГОДА...

*Я
в ту войну
не воевал...*

Моя изба с двумя берёзками
И лебедою у окон
Всё мокнет под дождями хлесткими
С далёких дедовских времён.

Она стара, как дым-туманы,
Седа, что у дороги пыль.
Солдаты в ней лечили раны
И уходили в степь-ковыл.

Когда из боя приходили,
Оборванные и в бинтах,
Они нам с мамой говорили:
«С недельку вас не тронет враг».

Особо я любил солдата,
Что был весь в ранах - встать не мог.
Ругал фашистов распроклятых,
Меня ласкал: «Сынок, сынок...»

С тех пор лежит он под берёзками,
А рядом каска и букет.
Вещь каска очень ноская –
Солдату служит столько лет.

На ней пусть люди прочитают:
«Егор Просветов, в Брянске жил».
Солдата чтут и уважают –
В селе он нашем старожил.

* * *

Я в ту войну не воевал,
Тогда я был мальчишкой.
Табак солдатам добывал
И угощал их вишней.

Копать окопы помогал,
На танках звёзды чистил.
Солдатам раны бинтовал,
Варил им борщ душистый.

И в карауле я бывал
До самого рассвета...
А всё-таки я воевал
В своё седьмое лето.

ЖИВУ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Ветер пламя срываает.
Миг – и гаснет огонь.
Пламя вновь оживает,
И я грею ладонь.

Больше негде мне греться,
Некуда и идти.
Одинокому сердцу
Неуютно брести.

Здесь я как бы при людях,
С вами мой разговор:
– Путь, солдаты, ваш труден –
Все убиты в упор.

Родиной дорожили
Больше жизни своей,
Потому не дожили
До сегодняшних дней.

Господа растерзали
Наш Союз по кускам,
Вашу славу продали
Вашим лютым врагам.

Господа вдруг откуда?
Да разбойный народ.
«Вам с Советами худо,
С нами – харч, полон рот».

Я обманут, сердечный,
Всё в господских руках.
Мне остался лишь Вечный
Ваш огонь на ветрах.

Пацаном я, солдаты,
Жил у ваших костров,
А теперь, бородатым,
Вновь нашёл у вас кров.

Ветер пламя срываает.
Миг – и гаснет огонь.
Пламя вновь оживает,
Согревая ладонь.

* * *

Май люблю за победу
Над звериной ордой.
С сорок пятого предан
Я ему всей душой.

Я стоял под салютом
Ростом в десять годков,
И мне было уютно
Средь улыбок, цветов.

Гимнастёрки и платья
В танцах, в плясках слились.
Крепко сжала в объятьях
Всех нас мирная жизнь.

Праздника прибывало
И веселья людей.
Ночи как не бывало
От салютных огней.

Лишь плакучие ивы
Оставались грустны,
Да слеза чуть искрила
В бороде старшины...

Постарели те ивы,
Далеко и война.
Ты скажи мне, май милый,
Жив ли тот старшина?

Коль случилось – ну что же.
Если жив – будь здоров.
И пошли ему, Боже,
Добрых дней без тревог.

ВОЙНА

Нет, не окончилась война
Весною в сорок пятом,
Ещё живёт в груди она
Осколком у солдата.

Осколок стали, семь на пять,
Вцепился хищной птицей.
Он не даёт ночами спать
И сердцу ровно биться.

Война таится в блиндаже,
Полуразрушенном, забытом,
Ржавеет тихо на меже
Солдатской каскою пробитой.

Она живёт у нас в домах
И Сталинградом, и Хатынью.
Война как привкус на губах
И горя, и полыни.

Война заходит на погост
И бродит у могил солдатских.
На русском небе мало звёзд –
Всё больше на могилах братских.

* * *

Облака и птицы
К югу полетели,
А за ними сын мой
Уходил в шинели.

И вдали от дома
В бой вступил он скоро –
Падали фугасы
И дрожали горы.

И столкнулся с пулей,
Рана – орден красный.
Жизнь его вместила
Бой и десять классов.

Врёт всё похоронка –
Он живым мне снится,
Но весной без сына
Прилетают птицы.

С ними я всё лето
На речном затоне,
Их держу детишек
Я в своих ладонях.

Есть средь них любимец,
Он мне вместо сына.
Я его поглажу –
Стихнет боль-кручина.

* * *

Наше детство убито войной.
Детству памятник – обелиски
Да на братских могилах покой
В час заката под небом низким.

Сорок первый мне смотрит в глаза
Даже в майские дни победы.
Сорок первый мне так и сказал:
– За тобою идти буду следом.

И сегодня вот старость мою
Добивают малые войны.
Чей-то сын умирает в бою,
А мне, как за родного, больно.

К обелискам иду в снег и зной,
К их подножью кладу я гвоздики.
Родина, ты устала от войн,
И от малых, и от великих.

С древних лет, о Россия моя,
Никогда не была ты счастливой.
Кровью ратников сыты поля –
Оттого, может, тучные нивы.

* * *

В полях запаханы окопы,
Теперь на них хлеба цветут.
Война забыта – там, в Европе.
Стараются забыть и тут.

Пока ещё солдаты живы
И дети той большой войны,
Её в историю, в архивы
Сдавать нельзя. Не вправе мы.

Пусть монумент «Катюше» будет
Там, где врага она сожгла.
«Катюшу» надо помнить людям,
Она Россию сберегла.

КАЗАКИ В ЛИТЕРАТУРЕ

«...Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ казаками желает быть. Голицын при Софии ходил в Крым, оскрамился, а от Палея просили пардона крымцы, и Азов взяли 4000 казаков и удержали, – тот Азов, который с таким трудом взял Пётр и потерял...» – так характеризовал роль казаков в становлении российской государственности Лев Николаевич Толстой.

Роль казачества в истории России незаслуженно принижена и забыта, хотя о казаках знает каждый житель нашего Отечества и жители многих стран мира. Что знают о казаках? В основном факты из учебников истории и художественных фильмов, снятых нередко без достоверных исторических данных. Какова же роль казаков в реальном становлении Российского государства, кто такие казаки? Какие обычаи и традиции есть у казаков? Об этом знают очень мало, т.к. всегда казаче-

ство было для «власть держащих» особой этнической группой или сословием, о котором не нужно распространяться. Единственным источником для массового ознакомления с традициями, культурой и историей казачьего народа стала художественная литература. Именно произведения писателей, поэтов, публицистов и историков стали неизменяемой документально сохранённой историей создателей Великой Российской империи.

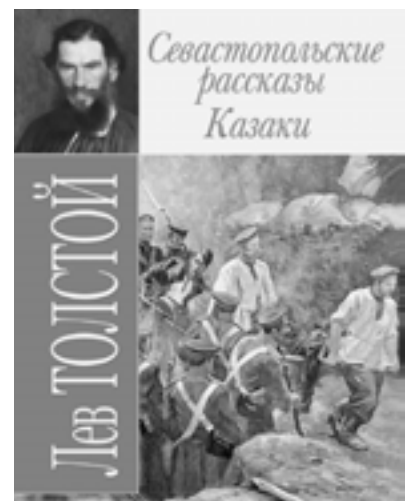
Литература о казаках и казачестве своими корнями уходит в древнерусские предания и былины, с их красочными и героическими описаниями первых казаков, стоявших на защите нашего Отечества. Былина «Битва Ильи Муромца с жидовином» рассказывает о противостоянии казаков под предводительством старого казака и атамана Ильи Муромца Хазарскому каганату. Эти источники относятся к X веку, что является фактом раннего упомина-

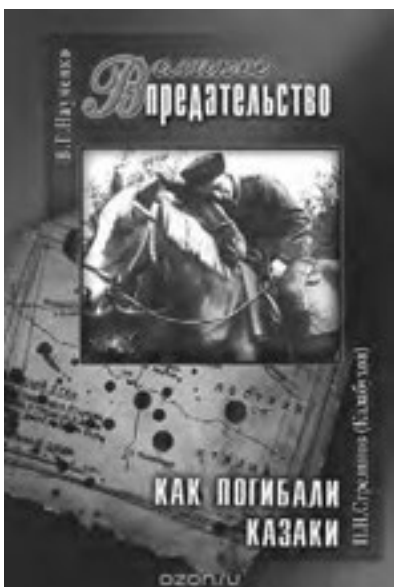
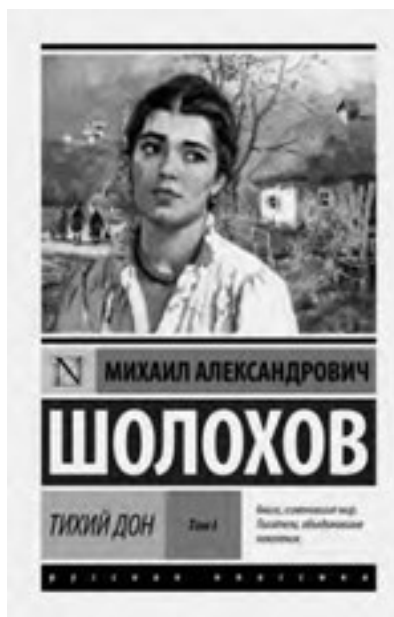

ния о казаках не только в литературе, но и в истории. В литературном произведении XV века «Сказание о Мамаевом побоище», посвящённом событиям Куликовской битвы, упоминаются «неведомые люди воинского сословия, зовомые донски козаци». Здесь мы видим исторический факт, когда донские казаки пришли на помощь князю Дмитрию Донскому с иконой Пресвятой Богородицы «Гребенская». В летописи под названием «Гребневская летопись, или повествование об образе чудотворном Пресвятой Владычицы и Приснодевы Марии», составленной в 1471 году, гласится: *«И когда благоверный Великий князь Димитрий с победой в радости с Дону-реки, и тогда тамо, народ христианский, воинского чину живущий, зовомый казаций, в радости встретил его со святой иконой и с крестами, поздравил его с избавлением от супостатов агарянского языка и принес ему дары духовных сокровищ, уже имеющиеся у себя чудотворные иконы, во церквах своих. Вначале образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, крепкой заступницы из Сиротина городка и из церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. И тогда князь Димитрий Иоаннович принял сей бесценный дар... и по Дону реки достигает еще казака городка, Гребни, на устье реки Чир, и живущие там воины также встретили Великого князя с крестами и святой иконой и в дар ему также образ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы чудесно там у них сияющую вручили. И во все лета установил им, казакам, свое жалование "за почесть их сильную храбрость противу супостат агарянска языка"».*

Жизнь казаков, образ героя-казака и традиции казачьего народа отображались во многих произведениях литературы, включая баллады (думы), эпистолы (письма запорожских казаков турецкому султану), легенды и сказки. Ярким примером литературного творчества является «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», записанная в сороковых годах XVII века. Образ казака, его мужественность и самопожертвование, силу духа, углубленность в свои мысли и переживания ярко выражают казачьи думы, являющиеся музыкально-поэтическими произведениями, исполняемыми под аккомпанемент бандуры (кобзы). Знамениты произведения «Маруся Богуславка», «Дума про Байду» и другие, которые воспевали подвиг казаков в борьбе с татарами и турками, рассказывали о нелегкой судьбе в турецком плену и последующей борьбе казака в неволе, желании обрести свободу, т.к. казак может жить только свободным и независимым. Впоследствии из баллад и дум появился песенный фольклор. Казачьи исторические песни составляют две трети текстов русского воинского фольклора.

Особую роль в литературе о казачестве конца XVIII – начала XIX века сыграл донской казак, священник и дипломат Алексей Григорьевич Евстафьев. Основоположник казачьего эпоса, первый русский консул в Бостоне (США), Алексей Григорьевич является автором исторических драм: «Мазепа – гетман Украины», «Дмитрий Донской», «Казаки на пути в Париж», памфлета «Преимущества России в случае войны с Францией».

Прекрасно владея иностранными языками, Алексей Григорьевич перевёл на английский трагедию Сумарокова «Дмитрий Самозванец» и несколько произведений Ломоносова.

Автор первой летописи кубанского казачества, герой, погибший в плену у горцев, наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Яков Герасимович Кухаренко является автором народной сказки «Вороной конь», статей «Пластуны» и «Овцы и чабаны в Черномории», имеющих этнографический характер. В оперетте «Черноморский быт на Кубани между 1794 и 1796 годами» Яков Герасимович описал быт кубанских казаков конца XVIII века при заселении кубанской равнины. В 1880 году в Киеве было издано собрание сочинений под названием «Збирник творив Кухаренко, наказного атамана земли війска Чорноморського».

О жизни казаков, их традициях, семейных драмах и героизме рассказал Николай Васильевич Гоголь в своём произведении «Тарас Бульба». Тему казачества затронул в «Капитанской дочке» Александр Сергеевич Пушкин. В своём стихотворении «Казак» Александр Сергеевич раскрыл характер человека и взаимоотношения между людьми.

Ярко выражались казачьи мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова. Кавказская война, поездки по Кавказской линии, жизнь и пребывание Максима Юрьевича в терских и кубанских станицах дарили поэту бесценный материал для дальнейших произведений, где присутствовал казачий мотив. Казаки по достоинству оценили деятельность М.Ю. Лермонтова, особенно поэтическую прелесть «Казачьей колыбельной песни». В Тамани, где некоторое время жил Максим Юрьевич, сейчас существует его музей. Наряду с М.Ю. Лермонтовым, о казачьей жизни Кавказа писали А.С. Пушкин («Под буркою казак, Кавказа властелин...»), К. Рылеев («Наброски поэмы из кавказского военного быта»), С. Нечаев («Воспоминание»), А. Шидловский («Гребенский казак»), Е. Хамар-Дабанов («Прodelки на Кавказе»), Н. Мартынов («Гуаша», «Герзель-Аул»).

Тема казачества отображалась и в литературных произведениях «Новочеркасск» Геннадия Семенихина, «Железный поток» Александра Серафимовича, «Конармия» Исаака Бабеля, «Я, Богдан» (о Богдане Хмельницком) Павла Загребельного, «Даурия» Константина Седых.

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой очень любил казачество и относился к нему с благоговением. Произведение «Казаки» приближает нас к быту казаков, к их характеру и мировоззрению. События XX века, период Гражданской войны ярко отражены в произведениях Михаила Александровича Шолохова «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина».

Неоценимый вклад в историю казачества внес известный писатель, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль. Свой писательский путь он начинал под псевдонимом «Казак Луганский». В 1832 году Даль публикует «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту

гражданскую переложенные, к быту житейскому приносившие и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пятая первая». Владимир Иванович проделал огромную работу по сбору, обработке и публикации казачьих сказок, рассказов из истории казачества и преданий. В результате кропотливой и уникальной работы Владимир Иванович создал историко-этнографическое исследование «Уральский казак», где отражена жизнь уральского казачества девятнадцатого века.

События XX века яростно и беспощадно вторглись в судьбу казачества, принося боль и слезы в сердца казачьего народа. Первая мировая война, Гражданская война, эмиграция за рубеж, репрессии против казаков, оставшихся на своих родных землях, высылка из любимых и родных сердцу хуторов, уничтожение и кровавый террор против казачества должны были убрать из народной памяти понятие «казак». Казалось, что после такого «расказачивания» и «раскулачивания» должны были превратить в пыль историю казачества, убрать из сознания народа образ создателей и защитников нашего Отечества. Но авторы программ и акций по уничтожению казачества потерпели поражение и сами превратились в пыль. Можно было уничтожить миллионы казаков и членов их семей, но нельзя уничтожить казачий дух, который так же выражается в слове! Слово о казаках стало ещё громче звучать в произведениях писателей Василия Дюбина – «Забурунный край», Ивана Шухова – «Горькая линия» и «Ненависть», Василия Баякина – «Забайкальцы», Анатолия Иванова – «Ермак», Андрея Губина – «Молоко волчицы», Анатолия Знаменского – «Красные дни», Аркадия Первенцева – «Кочубей», Виктора Лихоносова – «Наш маленький Париж». В стихотворениях и поэмах о казаках своё отношение к казачеству выразили Павел Васильев, Дмитрий Кедрин, Владимир Цыбин, Борис Куликов, Сергей Королев, Борис Примеров, Витислав Ходарев, Иван Варавва, Юрий Беличенко и многие другие поэты, неравнодушные к жизни казачьего народа. Назвать все имена и произведения русских писателей и поэтов, посвятивших свои произведения казачеству, не представляется возможным, ибо их количество велико. Это говорит о том, что казачество всегда было, есть и будет одной из важных частей российской истории и общества. Произведения о казаках стали своеобразным толчком в сознании общества к возвращению и возрождению казачества, способного стать одним из важных укрепляющих столпов государства.

Новая страница истории казачества пишется сейчас, каждый из нас может стать её летописцем! В наше время во всех уголках России живет много талантливых авторов, которые пишут по велению сердца, не забывая предков и их великие дела во благо Отечества! Только проникшись духом казачьего народа, узнав его традиции и образ жизни, его культуру и любовь к своей земле (присуду), можно понять, кто есть казаки и казачество. ■

Игорь МАРТЫНОВ,

*войсковой старшина, заместитель атамана
Тамбовского отдельского казачьего общества*

ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

МИЧУРИНСКАЯ ПРАВДА

«МИЧУРИНКА»: *путь в профессию*

ЛЮДИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА ПОДТВЕРДЯТ: В БЫВШЕМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ – САМОЙ ЧИТАЮЩЕЙ СТРАНЕ МИРА – ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ БЫЛИ ДОЛГОЖДАННЫМИ ГОСТЯМИ В КАЖДОЙ СЕМЬЕ. ХОРОШИЕ КНИГИ – ПРЕДМЕТ ВОЖДЕЛЕННОЙ ЗАВИСТИ ПОДРОСТКОВ 80-Х ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА – БЫЛИ БОЛЬШИНСТВУ НЕДОСТУПНЫ, ЗАТО ПЕЧАТНАЯ ПРЕССА ПРИХОДИЛА В КАЖДЫЙ ДОМ В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

Моя мама – врач по профессии – выписывала «Медицинскую газету» и журнал «Здоровье», бабушка – газету «Известия» и журнал «Работница». Мне же на семейном совете единодушно решили выписать журналы «Юный техник», «Моделист-конструктор» и «Смену»... Однако какую бы периодику наша семья ни получала в разные годы, единственным изданием, которое читали все поколения нашей большой в ту пору семьи, была «Мичуринская правда». Её читал мой дед Моисей Яковлевич – достаточно известный в Мичуринске руководитель, его дети Борис и Галина, ну и,

конечно же, дети детей. В один из солнечных дней уже далёкого 1986 года автор этих строк переступил порог редакции газеты.

«ВЗЛЁТ»

А дело было так. В те годы при Доме культуры «Прогресс» действовало несколько творческих объединений. Одним из них, объединившим молодых самодеятельных авторов, под названием «Взлёт» руководил известный поэт, автор множества сборников П.С. Герасимов. Ему-то и были показаны мои

первые поэтические опыты, прочтя которые Пётр Сергеевич настоятельно рекомендовал отнести их на факультет русского языка и литературы педагогического института. В те времена литфак (так тогда не без гордости именовали его все многочисленные студенты) был средоточием талантливых молодых людей. Здесь обитали свои признанные авторитеты – поэты, самодеятельные исполнители песен, авторы, опубликовавшие не один материал в «Мичуринской правде», где регулярно выходила «Литературная страница». На одно из их неформальных заседаний и явился автор этих строк. Как сейчас помню: председательствовал кандидат филологических наук литературовед В.Е. Андреев. Чтение стихов прошло при нескрываемой заинтересованности, и Владимир Евгеньевич предложил познакомиться с ведущим «Литературной страницы» «Мичуринки», писателем, поэтом и драматургом В.К. Кострикиным. Так мы оказались на пороге его служебного кабинета на втором этаже редакции городской газеты.

Уже находясь на службе в рядах Советской армии, я получил конверт, в котором лежал номер «Мичуринской правды» с опубликованной подборкой стихов. Так началась дружба с газетой. Потом были разовые публикации, заметки о студенческой жизни, интервью о работе в стройотряде, зарисовки об истории школы № 18, где к тому времени работал. Вхождение в коллектив было постепенным. А уж творческой дружбой с такими литсотрудниками, как Николай Дмитриев, Роман Аршанский и Л.А. Израелович, всегда гордился и дорожил. С Дмитриевым поддерживал тесные отношения чуть ли не со школьной скамьи (и опять же благодаря В.Е. Андрееву), вплоть до его отъезда в Соединённые Штаты, с Романом учился на литфаке, с Леопольдом Артуровичем готовил в 1995 году сборник воспоминаний фронтовиков к 50-летию Великой Победы. Ожидание предложения перейти на службу в редакцию растянулось на несколько лет. И вот благословенным летом 1998 года главный редактор В.С. Аршанский передал через своего заместителя Сергея Шашлова долгожданное предложение. Так началась моя газетная история.

ТРУДОВОЙ ДЕСАНТ

Будет нелишне отметить, что редакция тех лет кардинально отличалась от сегодняшней: в машбюро стоял непрестанный цокот пишущих машинок (журналисты сдавали свои материалы в секретариат в рукописном виде), в секретариате – царстве словарей – стояла звенящая тишина, да и по коридорам сотрудники старались передвигаться как можно тише, дабы не мешать таинству рождения материала.

Компьютеры системы «Макинтош» стояли в те годы только в одном-единственном кабинете, где, собственно, и версталась газета, у новых истоков которой стояла ответственный секретарь Л.И. Панова. Трижды в неделю дежурный вместе с корректором С.Е. Князевой отправлялся с утра в типографию, где газета правилась и ещё раз вычитывалась. Оттуда же в конце дня она, пахнущая свежей типографской краской, сдавалась в экспедицию Мичуринского почтамта. На этом, наверное, наши взаимоотношения с полиграфистами и ограничивались бы, если бы периодически (где-то раз в квартал) директор типографии Н.И. Мацнев не звонил В.С. Аршанскому с просьбой организовать разгрузку фуры-длинномера с рулонами газетной бумаги, пришедшей с Балахнинского комбината. Мобилизовывали всё мужское народонаселение редакции. А было нашего брата в те годы немало: журналисты Михаил Люлин, Владимир Кужелев, автор этих строк, заместитель редактора Сергей Шашлов и водитель Сергей Тулупников. После завершения работ, как правило, наступало время расчёта: учитывая, что бумага предназначалась для издаваемых в типографии, кроме городской, ещё и пяти районных газет, а также многочисленных заводских многотиражек, мы вполне могли претендовать на неплохой гонорар.

СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ

Школу газетной премудрости помогали постичь милые моему сердцу старшие товарищи: В.С. Аршанский, М.А. Люлин, В.И. Кужелев и В.А. Карускевич. Валерий Семёнович – преданнейший газетному ремеслу и

Шестидесятилетие редактора «Мичуринской правды», заслуженного работника культуры России И.А. Крылова. Октябрь 1990 года. Фото из архива редакции.
 Верхний ряд, слева направо: В.И. Кужелев, В.К. Кострикин, И.А. Крылов, Т.И. Полякова, С.Е. Князева.
 Нижний ряд, слева направо: Л.И. Панова, Г.А. Фролова, Р.И. Красницкая, Н.А. Кострикина, В.А. Карускевич, И.А. Краснянская, И.Л. Федоринова, Г. Попова. Лежат: М.А. Люлин, Н.Э. Дмитриев

требовательный руководитель. Сам прекрасный публицист, человек, прошедший большую школу жизни и все ступеньки карьерной лестницы, не понаслышке знающий цену печатного слова, он не скупился на похвалы, но уклонялся от дифирамбов, понимая, что от излишних восторгов у более молодого коллеги голова может пойти кругом. Спустя годы, став уже главным редактором, я убедился в правильности этой поведенческой модели. Валерий Семёнович был (и остаётся поныне) неким играющим тренером – публикуя яркий материал, издавая новую книгу, редактируя литературно-художественный журнал, представляя интересы коллег в региональной Общественной палате... А быть и талантливым журналистом, и прекрасным администратором, и известным общественником дано далеко не всем.

Будучи страстным поклонником шахмат, шеф на протяжении десятилетий всемерно

поддерживал проведение общегородского шахматного турнира на призы «Мичуринской правды» и памяти нашего старшего коллеги Владимира Никулина.

Михаил Александрович Люлин – яркий, самобытный журналист, прекрасный переводчик, опубликовавший незадолго до моего прихода в редакцию свой перевод повести писательницы Гизелы Карау «И стану журавлём», посвящённой немецкому антифашисту Эрнсту Тельману. В «Мичуринке» он освещал деятельность представительного органа местного самоуправления, а также все статусные мероприятия. Ещё одной страстью Михаила Александровича был футбол. Сам постоянный полузащитник сборной городской команды ветеранов, а также заядлый болельщик, он увлекательно рассказывал о спортивных матчах и водил знакомство с людьми разных социальных групп, профессий и интересов. Это был единственный в ре-

дакции журналист, сдававший в секретариат свои материалы, набитые им на итальянской печатной машинке «Оливетти». Поучиться было чему, поэтому, найдя в архиве вакантную печатную машинку «Ятрань» и заправив её новой лентой, свои материалы автор этих строк также стал сдавать в секретариат в печатном виде.

Владимир Ипполитович Кужелев – заядлый рыбак и волейболист, садовод, огородник и кулинар, однокашник М.А. Люлина по инязу Тамбовского пединститута, ведущий природоохранной и спортивной тематических страниц. Его старый кабинет – галерея фотографий земляков, выставка сушёных трав, составлявших своеобразный гербарий. В начале весны на единственном его подоконнике появлялись ящики с землёй, в которых Владимир Ипполитович выращивал помидорную рассаду, после очередной командировки в район старый подоконник украшали кипы грачиных перьев, из которых наш старший товарищ мастерил дедовским методом поплавки для рыбной ловли. А какими самодельными консервами угощал он нас, какими рыбными котлетами, каким домашним вином! Складывалось впечатление, что Владимир Ипполитович на рынке покупал лишь молоко, а в магазине – хлеб. Вся прочая снедь изготавливалась им вручную в условиях натурального хозяйства.

Валентина Александровна Карускевич – выпускница Воронежского журфака, пришедшая в редакцию после нескольких лет работы редактором многотиражки «Ленинская вахта» завода поршневых колец, непременный автор и ведущий «Женского клуба», а также страницы «Здоровье», где в те годы завсегдатаями были члены городского общества «Трезвость». Никогда никто в редакции не слышал, чтобы Валентина (так, несмотря на разницу в возрасте, Валентина Александровна просила обращаться к ней коллег) повысила голос. Человек интеллигентный и выдержанный, она и передвигалась как-то по-особенному – чинно, неторопливо, с чувством собственного достоинства и самоуважения.

СОПРИЧАСТНОСТЬ К ИСТОРИИ

Навсегда остались в памяти образы тогдашних посетителей тихих редакционных кабинетов: художника и педагога А.В. Платицина, писателя Б.К. Панова, ветерана редакции и Великой Отечественной войны И.И. Скоркина, поступившего в городскую типографию ещё в 1936 году, заслуженного изобретателя РСФСР Н.И. Герасимова, запатентовавшего 45 изобретений, доктора сельскохозяйственных наук А.К. Кондакова, чьим именем в 1997 году была названа одна из малых планет Солнечной системы. Какие имена, какие судьбы, какие собеседники! И все до одного – патриоты, неутомимые общественники и активные внештатные авторы.

Сегодня, оглядываясь назад, без ложной скромности признаюсь в одном: всем, чего достиг, чего добился, чем горжусь, – всем обязан родной редакции, своим старшим друзьям и товарищам, научившим жить не по лжи, ценить дружбу и платить за добро добром. Но самым бесценным приобретением стало, конечно же, общение с интересными людьми. А их, как выяснилось, у нас немало: известные военачальники и священнослужители, учёные и музыканты, художники и педагоги, политики и бизнесмены. Их судьбы, взгляды, события, в которых участвовали, – не это ли летопись современности? Осознавать свою сопричастность к истории – что может быть краше!

С юбилеем, родная газета! Новых тебе высот, достижений и памятных встреч! Успешных стартов молодым, мудрости зрелым, память ушедшим...

Михаил БЕЛЫХ,

член Союза писателей России,

член Союза журналистов России,

лауреат ряда литературных премий

Фото Павла Васильева

ВТОРОЙ ХЛЕБ ДЛЯ БИЗНЕСМЕНА

1.

О картофеле, а в простонародье о картошке, уже столько написано, взято интервью и даже снято учебных и не только фильмов, что говорить о ней уже как-то и не пристало.

Она – картошка – и варится, и жарится, и чипсуется, и мнется на пюре, и добавляется, и приправляется... и даже напитками спиртными сдобривается.

Она универсальна для приготовления еды. Она и спасала, и выручала, и лечила, и... даже некоторых обогащала.

Когда лето завершает свой солнечный путь, настает время осенних распродаж, сен-

тябрьских букетов, копания картошки и многочисленных заготовок на зиму. К тому же, как это водилось в старину, приходит время отжинок и свадеб. И, конечно же, особенно в условиях полудикого рынка, это время получения значительных выгод, как говорят экономисты, от реализации конечных продуктов АПК. Своего рода рай, а лучше сказать, жор для бизнес-акул агропродовольственного рынка.

Так вот, бизнес на картошке у Сидорчука шел отменно. Телефоны в офисе разрывались от звона и треска – специалист по маркетингу не успевал принимать заказы как от крупных заготовителей, так и от мелких фирм-перекупщиков.

– Алло, – раздавалось в трубке, – это фирма «Сидорчук и сыновья»?

– Да! – отвечал уверенный голос реализаторши.

– Могу ли я заказать самовывозом две фуры картофеля? – звучал хрипловатый баритон на другом конце телефонного моста.

– Да хоть двадцать! – с веселыми интонациями в голосе отвечала молодая длинноногая Марина, отпускальщица столь ценного продукта, по сути – второго хлеба.

Она совсем недавно окончила Высшую колхозную школу и попала на бойкое место к самому Сидорчуку. Марине было около двадцати пяти лет от роду. Безусловно, девушка не отличалась изысканными манерами, да они и не нужны вовсе при такой должности, часто покуривала, красила свои ногти прямо за рабочим столом, могла и ругнуться на «достающую» ее шоферню. Носила джинсы в обтяг с заниженной талией, стринги, облегающие кофточки и свитера, хорошо подчеркивающие ее весьма приличную женскую грудь. Мордашка отражала неудержимую веселость и задиристость. Как говорится, такой палец в рот не клади...

Правду сказать, Сидорчук пытался, и не только палец... Но об этом несколько позднее.

2.

В воскресные дни Марина отсыпалась от маркетинговых операций. На фирме ей приходилось быть не только маркетологом, если, конечно же, выполняемые ею функции можно отнести к этой профессии. Она была и учетчицей, и кладовщицей, и снабженцем, и товароведом, а иногда и секретаршей для вездесущего Сидорчука. Если судить по великому Марксу, то это был совокупный работник.

Как и всякая молодая девушка, Маринка не переставала мечтать. Она забиралась в дальний угол своей комнаты, которую ей выделила фирма в старом двухэтажном доме бывшего хозяйства «Пламя коммунизма», ложилась на небольшой диванчик и начинала медленно уплывать мыслями то к студенческим годам, то к родительскому крову, а то и вовсе к несуществующим событиям, которые она представляла в мечтах и которые дарили

ей успех и счастье. Одним словом, Мари, так ее сокращенно звали на курсе, сладко мечтала.

Особенно часто ей вспоминалась общага, сценки КВН и многочисленные капустники. Беззаботная студенческая жизнь очень уж нравилась и по-прежнему увлекала ее.

Отдельные сценки весьма живо всплывали в ее памяти. Вот Толик – прыщавый молодой человек с четвертого курса агрофака, – одетый в робу ээка, читает письмо со сцены, якобы от своей бабушки, которая пишет: «Милый внучек, приезжай хоть на неделю, я совсем старая стала, некому под картошку огород вскопать».

Толян тут же берет бумагу и строчит ответ: «Бабуся, я просился – бесполезно! Пусть соседи помогут. Только копайте аккуратно, я на огороде автомат зарыл».

В следующей сцене он получает письмо от бабушки. Бабка пишет: «Милый внучек, приехали какие-то люди из города, перекопали весь огород, но твой автомат не нашли».

Он ей отвечает: «Бабка, чем мог – тем помог, а уж картошку как-нибудь посадишь».

Была там и другая интересная сценка. Представьте, на сцене сделан макет деревенской избы. Бабка спускается в погреб. За столом сидит районное начальство и рассуждает о видах на урожай. Полупьяненький агроном докладывает:

– В прошлом году посадили 50 га картошки – съел колорадский жук. В этом году посадили 100 га – опять съел. В следующем году посадим 200 га – пущай подавится! – завершил свое выступление опытный картофелевод.

А в это самое время из погреба показалась голова бабульки, она, кряхтя, пыталась приподнять мешок картошки до уровня пола. Из-за стола, оторвавшись от трапезы, поднимается мужчина с претензией на интеллигентность и произносит в зал:

– Совсем немногие джентльмены знают, как правильно подавать руку даме, которая вылезает с мешком картошки из погреба.

Зал разражается хохотом.

Иногда вспоминались Марине различные гаданья под Новый год. И здесь не обошлось без картошки. Теперь, правда, этот вид гадания на кухне общежития вызывал улыбку и у нее.

Суть его заключалась в следующем. Девушки ставят жарить картошку в нескольких сковородках. Из чьей сковородки ребята картошку, извините за откровенность, сожрут, та и идет к ним в комнату ругаться и знакомиться.

Как-то, покупая для этих целей картошку на рынке, и вовсе не под Новый год, так как данный вид гадания весьма универсален и круглогодичен, Марина спросила продавца:

– Это у вас картошка молодая?

– Молодая, молодая! Еще даже не целованная! – последовал быстрый ответ.

«Вот это реклама, – подумалось ей, – какая маркетинговая подача, не хочешь, да купишь!»

Марина уже второй час дремала на удобном диванчике своего гнездышка.

3.

Сидорчук настойчиво постучал в дверь Мариной комнаты. Дверь по старинке была обита дерматином, и звук тонул в мягкой прослойке обивки. Вот почему ему пришлось топтать ногами перед дверью, благо скрипучий пол коридора это позволял. Топот и пробудил Марину к жизни в отведенном пространстве комнаты.

– Кто там? – потягиваясь на диванчике, спросила она.

– Это Сидорчук, ваша светлость, – позволив себе излишнюю раскованность, ответил картофельный шеф.

– Что-то случилось, Альберт Исаевич? – взволнованно спросила Марина, открывая дверь комнаты.

– Да нет, Мариночка, просто стоит шикарная уральская осень, и я приглашаю тебя прокатиться на машине. – Он уже во второй раз позволил себе обратиться к ней на «ты».

– Давно ли мы стали на «ты», Альберт Исаевич? – заметила Марина, пропуская его в комнату.

– Для меня, Марина, с той самой минуты, когда ты вошла впервые в мой кабинет по поводу трудоустройства, – пытался изображать влюбленного Сидорчук.

И вдруг он начал читать слова из известной песни периода «застоя», которая называлась «Колдовство»:

*Твои глаза как два тумана,
Как два прыжка из темноты.
Каким путем, каким обманом
В двадцатый век прокралась ты?
Наворожив лиху беду мне,
Возникла ты средь бела дня,
И понял я, что ты колдунья
И что пропал навеки я!*

– Альберт Исаевич, это не по адресу. В каждом селе точно проживает по одной колдунье, но не в этой комнате, – с улыбочкой парировала волшебница картофельных распродаж. – Только не говорите, что вас постоянно тянет ко мне, что вас околдовали или, что еще хуже, присушили.

Альберт Исаевич, изображая несчастного Ромео-неудачника, молчал. Ему уже стукнуло 58 лет. Пробивалась лысина, виски, как ковыли казахских степей, отдавали изрядной сединой. «Трудовую мозоль» легко выдавал темно-вишневый свитер, ворот которого плотно зафиксировался на короткой шее господина директора. Какая-то неопрятность чувствовалась во всём: плохо промытые волосы, кое-где перхоть, как мелкая крупа, виднелась на свитере, мятые неглаженные брюки, недостаточно выбритое лицо завершало эту картину.

– А где ваша жена? Она что, совсем не бывает на фирме? – прервала молчание молодуха. Она не посмела спросить напрямую, почему супруга не следит за мужем.

– Ей мои проблемы не интересны. Она не любит деревню и живет постоянно или в столице, или за рубежом. Сейчас она в Греции, – ответил на вопрос Исаевич.

Исаевич, как заядлый рыбак, забросил наживку в надежде на поклевку после фразы: «...она в Греции». Но рыбак-птицелов ошибался. Марина равнодушно рассматривала набухшие бутоны какого-то диковинного цветка, высившегося на подоконнике. А за окном золотым листопадом играл неумолимый ветер сентября. Партнеры по бизнесу, если их так можно назвать, не находили общего языка. Партнеры – это было слишком громко сказано, Марина-то была наемной работницей на фирме «Сидорчук и сыновья». Название фирмы было весьма странным, так как шеф

вообще не имел детей, оставалось загадкой, о каких сыновьях идет речь. Но этот вопрос ему никто никогда не задавал.

Альберт Исаевич еще раз взглянул на Марину, молча стоявшую у окна, потом на свои золоченые «котлы» (так в советское время на жаргоне именовали наручные часы), вздохнул, делая вид, что ему пора удалиться.

– Мариночка, тороплюсь, загляну как-нибудь в другой раз, – с трудом выдавливая из себя оптимистические нотки, заторопился хозяин картофельной фирмы.

4.

Выходя из подъезда уже покосившегося от времени двухэтажного сельского дома, Альберт выругался:

– Ломается, стерва, но ничего, и не таких обламывали!

Потоптавшись возле дома, он направился на окраину села к гадалке Никитичне. Эта особа не только у детей грыжи заговаривала, но и могла предсказывать будущее, толковать различные сны и сновидения, а за особую плату и присушить, и отсушить, «пустить по ветру», одним словом, она была весьма универсальна в своих колдовских проявлениях.

В это время Никитична как раз была свободна от бесед с потусторонним миром и с удовольствием приняла очередного клиента. В хате стоял полумрак, зажженные свечи отбрасывали на стены движущиеся тени, сияли иконы в золоченых рамах, сладкий запах источали курившиеся китайские палочки. Альберт, озираясь, присел на краешек видавшего виды плетеного стула.

– Ну что, милоч, рассказывай, – раскладывая по столу, накрытому черной бархатной скатертью с кистями, карты, четки, светящиеся прозрачные шары и всякую другую дребедень, производящую на клиентов магическое воздействие, обратилась к нему деревенская гадалка.

– Что рассказывать, Никитична, измотался я весь, боюсь за бизнес, да и с бабами не всё ладится, – уныло гундосил картофельный магнат.

– С бабами, говоришь, – ухватила за последнюю фразу Никитична, – это мы, милоч,

сейчас поправим. – И она раскинула карты Таро.

Никитична пыхла, тарашила и пучила глаза, откидывалась на спинку своего кресла, а затем резко наклонялась, да так, что ее седые пакли касались гадального инструмента, т.е. засаленных и изрядно потертых во многих местах карт. Одним словом, нагоняла жути.

Альбертушка покорно ждал. И вдруг она сгребла эти карты в одну кучу и достала цыганские игральные. Лихо подбросила колоду, и выпал крестовый туз, затем еще какие-то манипуляции – и снова туз и дама червей, потом пошли валет, две шестерки и десятка пик.

Никитична зажмурила глаза и произнесла слегка пропитым голосом (для справки, бражка с настойками у нее не переводились):

– Ой, плохи твои дела. Всё время вижу то дальнюю дорогу, то крестовый дом. А что тебе снится, Альбертушка?

– В последнее время картошка, одна картошка... – лихорадочно вымолвил Альберт.

– Ой, милоч, и плохи ж твои дела, тебя весной посодят или осенью уберут! – заключила Никитична.

В хате воцарилась гробовая тишина, которую лишь изредка нарушало легкое потрескивание зажженных свечей. ▲

**Александр Сёмин,
член Союза писателей России**

ИСЕР ИОСИФОВИЧ КУПЕРМАН

(21 апреля 1922 г. – 6 марта 2006 г.) – советский и американский шашист (русские и международные шашки), международный гроссмейстер (1958), семикратный чемпион мира по международным шашкам, шашечный теоретик. Один из крупнейших шашистов XX века.

На пляже с чемпионом

Когда папу демобилизовали, мы переехали в Винницу, где жило в то время большинство наших родственников. В школе я сразу подружился с соседом по парте. Звали его Лёня Брок. Это был спокойный, уверенный в себе мальчик, к которому с уважением относились все одноклассники. Шефство Лёни помогло мне легко влиться в коллектив. Мы дружили и много времени проводили вместе. После седьмого класса меня перевели в другую школу. Мы стали видеться реже, у нас появились разные увлечения. Лёня пропадал на волейбольной площадке, а я в гимнастическом зале. Затем институт – и мы надолго потеряли друг друга из виду. И только через 55 лет случайно встретились в социальных сетях...

Лёня рано остался без мамы, она умерла, когда ему было 8 лет, и они жили в Виннице в однокомнатной квартире вдвоём с отцом. Савелий Давыдович Брок был известным в городе человеком. Он возглавлял Винницкую областную шашечную федерацию и был многократным чемпионом области по русским шашкам.

Лёня тоже хорошо играл в шашки, уже в шестом классе получил первый взрослый разряд, участвовал в турнирах на первенство области и несколько раз завоёвывал призовые места.

Стояла тёплая летняя погода. Мы с Лёней договорились пойти на пляж. Я зашёл за ним. Лёни дома не было. Савелий Давыдович хлопотал у плиты.

– Савелий Давыдович, здравствуйте, где Лёня?

– Не волнуйся, сейчас придёт, у него дела, домашние. Это ты у нас под мамочкиным крылышком, а у нас всё по-другому. Иди в комнату, жди.

В комнате за столом сидел молодой мужчина, худой, в очках. Перед ним лежали ученическая тетрадь и резиновый штамп с изображением шахматной доски. Он шлёпал этим штампом, как печатью, по листам тетради, рисовал на доске какие-то фигурки и что-то быстро записывал. Я поздоровался. Мужчина ответил не глядя на меня и не отрывая головы от тетради.

– Знакомьтесь. Это друг моего шалопаю. А это, – Савелий Давыдович на секунду замолчал, – а это чемпион Советского Союза по русским шашкам Исер Иосифович Куперман!

– И, заметьте, преданный ученик Савелия Давыдовича Брока, – не менее торжественно парировал Куперман, оторвав наконец взгляд от записей.

– Ну что ты, Исерик, я шашист областного масштаба. А ты вон где у нас и даже книги пишешь по теории шашек. – Савелий Давыдович кивнул в сторону тетради.

Видно было, что, несмотря на значительную разницу в возрасте, эти два преданных шашкам человека уважают друг друга и искренне дружат.

Куперман в 18 лет выполнил норму мастера спорта. В 23 года впервые дебютировал на первенстве Советского Союза и сразу стал чемпионом. Когда мы познакомились, он был уже трёхкратным чемпионом Союза, жил в Киеве, дружил с Лениным папой, писал книгу по теории игры в русские шашки и приехал к Савелию Давыдовичу обсудить некоторые вопросы разработанных им положений.

Пришёл Лёня. Мы стали собираться на пляж.

– Вот что, ребята, – неожиданно предложил Савелий Давыдович, – возьмите этого теоретика с собой на пляж, пусть немного отдохнёт, а я закончу с обедом и присоединюсь к вам попозже.

– А что, ребята, возьмите меня с собой! – потягиваясь, произнёс Куперман, – Савелий Давыдович, как всегда, прав, надо отвлечься.

Главный пляж в Виннице расположен в центре города на берегу реки Южный Буг. Назывался он «Кумбары». Почему, уже не помню. Но мы всегда, когда хотели летом освежиться, говорили: – «Пошли на “Кумбары”».

Было воскресенье, на пляже многолюдно, и мы с трудом нашли место. Едва успели пару раз окунуться, как пришёл Савелий Давыдович. В это время чемпион Советского Союза лежал на спине, подрёмывая под гипнозом жаркого солнца. Савелий Давыдович навис над ним как коршун и стал что-то быстро говорить. Чемпион открыл глаза. Ленин папа, не раздеваясь, присел на корточки, разложил доску, и шашисты начали по очереди пере-

ставлять кругляши, о чём-то споря, иногда довольно громко. Лёня внимательно слушал; в отличие от меня, он, скорее всего, понимал, о чём идёт речь. А я пошёл к реке. Когда вернулся, Лёня и Савелий Давыдович на двух досках играли с Куперманом... Но как! Чемпион лежал отвернувшись, с закрытыми глазами и «вслепую» отвечал на ходы соперников. Он выиграл все партии, не подарив обоим даже ни одной ничьи. Лёня был спокоен, чемпион области заметно нервничал, а я скучал.

– Вижу, вы не любите шашки? – обратился ко мне Куперман.

– Да, не люблю, – с вызовом ответил я, – это очень простая игра, вот шахматы – другое дело. У меня второй юношеский разряд, и я обожаю гроссмейстера Ботвинника.

Тогда как раз закончился турнир на звание чемпиона мира по шахматам. Михаил Ботвинник стал шестым чемпионом мира и первым среди советских гроссмейстеров. Это был единственный случай, когда игрался турнир. Больше турниров на звание чемпиона мира не проводилось. Когда в 1946 году умер действующий чемпион мира Алёхин, в ФИДЕ долго гадали, кого провозгласить чемпионом: гроссмейстера Эйве из Нидерландов, как единственного экс-чемпиона мира, остававшегося в живых, или гроссмейстера из Советского Союза Ботвинника, как претендента, вызов которого на матч незадолго до смерти принял сам Алёхин.

В конце концов конгресс ФИДЕ принял соломоново решение – разыграть звание чемпиона мира в турнире с участием шести шахматистов, добившихся наивысших результатов в соревнованиях последних лет. От Советского Союза пригласили Ботвинника, Смыслова и Кереса. Я болел за Ботвинника, и он победил.

– Я тоже люблю шахматы и тоже играю с друзьями, хотя у меня, в отличие от вас, нет никакого разряда, – с улыбкойотреагировал Куперман. – Я тоже обожаю Ботвинника и рад его победе на турнире. Это выдающийся шахматист, и он, я думаю, ещё долго никому не отдаст свою корону. Но, поверьте, шашки не менее интересная, сложная и непредсказуемая игра. Ваш друг Лёня и Савелий Давыдович могут это подтвердить. Спросите у них.

Куперман на минуту задумался. Я не знал, что ответить, и молчал.

– А вы знаете, когда был проведён первый чемпионат России по русским шашкам? – неожиданно спросил он. – Это было давно, более 50 лет тому назад, в 1894 году. Жил в то время один интересный человек, звали его Павел Бодянский. Он увлёкся шашечной игрой с детства. Мечтал провести турнир, где можно было бы собрать сильнейших шашкистов России. Но тогда ещё не было единых шашечных правил, и никто не знал, как проводить соревнования. Наконец в 1892 году ему удалось организовать первый турнир на первенство Киева, собрав 11 лучших шашкистов города, где сам он и стал победителем. Но мечта провести чемпионат России его не покидала. Ему пришлось решать много организационных вопросов, и наконец он смог организовать такой турнир.

Куперман задумался, молчал, смотрел в небо, а я с нетерпением ждал продолжения.

– Так вот, – продолжил он свой рассказ, – этот турнир провели в Москве, в большом зале Московской сберегательной кассы на Первой Мещанской улице. Для участия пригласили лучших московских игроков и сильнейших шашкистов из других городов России. Все партии были сыграны в один день – 1 июля 1894 года. Это же надо иметь такое здоровье, – улыбнулся Куперман, – современные шашкисты не выдержали бы такой нагрузки. И, вы знаете, первыми чемпионами России по шашкам, как ни странно, стали сразу два шашкиста: Фёдор Каулен и Сергей Воронцов. Они набрали равное количество очков, сыграли дополнительно две партии – снова ничья. Времени продолжать спор не было. Организаторы задумались, прикинули все «за» и «против» и решили провозгласить двоих.

Куперман помолчал и вдруг, что-то вспомнив, весело произнёс:

– А вы знаете, мой юный друг, что первый журнал в России, посвящённый настольным играм, назывался не как-нибудь, а «Шашечница», вот так! И лишь позже был переименован в «Шахматное обозрение». А вы говорите, шашки простая, неинтересная игра.

– А почему тогда нет чемпиона мира по шашкам? – спросил я.

– Почему нет, – удивился Куперман, – очень даже есть, сейчас это Пит Розенбург

из Нидерландов, правда, по международным стоклеточным шашкам. А по русским шашкам действительно нет, потому что чемпионаты мира не разыгрываются, а жаль. Но русские шашки всё больше находят распространение во многих странах, и я уверен, что скоро будут и такие чемпионаты мира.

– Зачем же вы играете в шашки, где нет чемпиона? Надо играть в те шашки, где можно стать чемпионом, – съехидничал я.

– Играю потому, что русские шашки – это серьёзная, интересная и очень популярная игра у нас в России, – чеканя каждое слово, ответил Куперман. – А вот над вашим предложением играть в международные шашки я уже усиленно тружусь. Изучаю теорию, разбираю партии чемпионатов. Думаю, скоро созрею.

Это «скоро» произошло через девять лет, в 1958 году. Исер Иосифович Куперман стал первым советским чемпионом мира по международным стоклеточным шашкам, сменив на этом посту канадца Марселя Делорье. А я стал искренним его фанатом. Куперман ещё шесть раз выигрывал чемпионаты мира по международным шашкам, и я всегда азартно за него болел, гордо рассказывая друзьям и знакомым, как мы вместе загорали на берегу Южного Буга.

Я был расстроен и огорчён, когда в 1978 году он эмигрировал в Израиль, а затем в США. Тогда, по патриотической наивности, я считал его предателем. Но со временем мне пришлось многое пересмотреть, чтобы понять и оправдать его поступок.

Пророчество Купермана сбылось. Первый чемпионат мира по русским шашкам наконец состоялся в 1985–1986 гг., и первым чемпионом мира стал москвич Александр Кондуров. Куперман только один раз, от США, принял участие в турнире по русским шашкам, занял второе место и больше на игры не ездил.

Лёня Брок сейчас живёт в Германии. Мы общаемся в социальных сетях, вспоминаем и тот день на пляже. Лёня сообщил, что по наследству ему достались несколько писем, которые писал Куперман его отцу, и книги по теории шашечной игры с автографами автора.

Умер шашечный гений в 2006 году в Бостоне (США) на 85-м году жизни. **А**

Марат БЕНДЕРСКИЙ

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

21 АПРЕЛЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ БЮДЖЕТНОМ УЧРЕЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ «БИБЛИОТЕЧНЫЙ ЦЕНТР «ЕКАТЕРИНБУРГ» СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ».

Презентацию провел лично учредитель и главный редактор журнала Анатолий Труба. Он рассказал участникам об истории создания журнала, о людях, которые в нем публикуются, и о перспективах развития. В частности, Анатолий Труба отдельно остановился на такой личности, как Лариса Васильева.

9 мая состоялась встреча главного редактора «Александра» с сотрудниками Центра подготовки космонавтов, расположенного в Звездном городке. Была организована презентация журнала и получены устные договоренности о сотрудничестве между Центром и изданием.

В планах литературно-исторического журнала «Александръ» описать биографию советских и российских космонавтов, публиковать интервью и проводить совместные мероприятия.

Летчик-космонавт РФ, Герой России Валерий Григорьевич Корзун тепло отозвался о журнале, отметив своевременность выхода издания и интересное наполнение: сам он подробно изучил содержание мартовского и апрельского номеров.

Организатором встречи стал Международный центр развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» и его руководитель В.В. Березовский. **А**

